

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ **OBSERVER**

Редакция журнала
«Обозреватель-Observer»

**Русское национальное сознание и внешняя
политика России**

У.ШАРИПОВ

**Государственный
и международный
терроризм**

Е.НИКОЛАЕВА

**Ответственность
отечественного бизнеса
в социальной сфере**

А.К.И.АС-САМАК

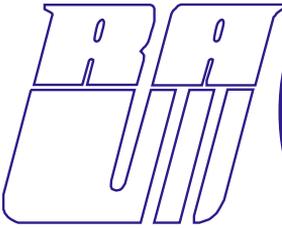
**Журналист и историк
Амин Саид**

И.ХОЛОВ

**Внутренние процессы
и перспективы ЕврАзЭС**

**Судьбы революционного наследия:
Октябрьская, Февральская и Французская революции**

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

История двух стихотворений

6

А.Цветков

Участник Великой Отечественной войны, прошедший Сталинград и битву на Курской дуге, посвятил Бородино – полю русской боевой славы два стихотворения, написанных во время войны и сегодня. Он напоминает потомкам, что надо свято хранить честь Державы и ее воинскую славу.

Русское национальное сознание и внешняя политика России

9

А.Задохин

Автор отмечает, что Балканы – это единственный регион, где Россия как в прошлом, так и настоящем не только учитывала этнорелигиозный фактор, но и делала и продолжает делать на него ставку в своей внешней политике.

Государственное принуждение в политической практике и правомерность его применения

20

А.Строителев

Статья посвящена актуальному для современной политической и правоохранительной практики вопросу – сущности и содержанию государственного принуждения как меры ответного и превентивного воздействия Российской Федерации в лице уполномоченных органов государственной власти на широкий круг субъектов насильственных по-

святельств на ее национальную безопасность. Автором дано теоретико-методологическое обоснование явления «государственное принуждение» как института политической практики; рассмотрены основы существующего правового механизма реализации мер государственного принуждения.

Евразийское экономическое сообщество

32

И.Холов

Автор проводит сравнительный анализ между такими интеграционными объединениями, как ЕврАзЭС, СНГ и ЕС. Доказывается тот факт, что на сегодняшний день ЕврАзЭС и Таможенный союз являются наиболее продвинутыми интеграционными проектами, у которых есть реальный шанс достичь больших результатов на пространстве СНГ в составе пяти его участников.

Второй штурм Грозного

38

В.Журавель, А.Лебедев

В интервью главному редактору журнала «Обозреватель–Observer» авторы книги «Грозный. Особый район» В.Журавель и А.Лебедев делятся своими мыслями о второй чеченской войне, рассказывают о том, как они работали над книгой о втором штурме Грозного в 1999–2000 гг., о героях этой войны.

Социальная ответственность российского бизнеса

46

Е.Николаева

В статье рассматриваются основные проблемы социальной ответственности российского бизнеса. В нашей стране проблемы социальной ответственности бизнеса возникли в конце 90-х годов XX в., основными причинами этого стали как внутренние процессы развития бизнеса, так и изменения общественных отношений в России при проведении радикальных социально-экономических преобразований.

Государственный терроризм и его активизация в современном международном терроризме

57

У.Шарипов

Статья посвящена определению главного фактора международного терроризма – державно-государственной формы террористической практики в истории человечества и её проявлений на современном этапе.

Журналист и историк Амин Саид

63

Абдель Керим Ибрагим Ас-Самак

Научное исследование посвящено сирийскому журналисту и историку Амину Саиду, обогатившему библиотеку современной и новейшей арабской истории. Им было опубли-

ковано около тридцати работ; многие из них были переведены на персидский, английский и французский языки.

Глобальные политические технологии: теория и практика

77

П.Васильева

В статье рассматриваются философские основы формирования термина «глобальные политические технологии», описываются основные признаки глобальных политических технологий, дана их классификация, а также способы и особенности их применения.

У истоков американской пропаганды

84

Д.Суржик

Среди наиболее популярных ныне в США теорий массовых коммуникаций выделяется идея «публичной дипломатии», согласно которой государство продвигает свои идеи в массы в условиях демократических свобод, обретая «мягкую силу» – поддержку общественного мнения, не препятствуя критике и работая со своими оппонентами в пространстве массмедиа.

Наглядный пример работы государственных органов по ведению публичной дипломатии в США можно найти в работе Управления военной информации в годы Второй мировой войны.

Судьбы революционного наследия

92

А.Гордон

Сопоставляются судьбы революционного наследия в России и Франции. Отправной точкой является дискредитация революционного прошлого в постсоветской России. Характеризуются попытки реформирования революционной традиции в СССР: обновленческое движение 60-х годов (оттепель) и реформаторство 80-х годов (перестройка). Обращается внимание на внедрение имперских моделей во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период. Подчеркивается взаимное влияние русской революции и революционной традиции Франции и выявляются уроки «культуры памяти» в Пятой республике.

Византия и Россия: духовное и историческое наследие

106

В.Павленко

В статье содержится анализ развития Византии и России; показана связывающая их преемственность, что продемонстрировано на историческом материале; оценены роль и место византийского опыта в российской духовной и политической традиции и жизни. Подробно рассматривается феномен симфонии светской и духовной властей. Автор приходит к заключению, что современная Россия находится перед судьбоносным выбором между продолжением или отказом от своего исторического наследия.

И в Антарктиде есть Мачу-Пикчу

123

Т.Петрова

Статья посвящена истории Антарктиды и участию перуанских ученых в изучении и освоении этого континента, а также международным соглашениям, обеспечивающим возможность сохранения Антарктиды в качестве территории, используемой исключительно для научных целей.

**Требования к материалам,
представляемым для публикации в журнале
“Обозреватель–Observer” в соответствии с указаниями ВАК**

В редакцию журнала направляется статья с сопроводительным письмом по электронной почте: E-mail: observer@ru.ru или представляется на дискете в программе Word (с расширением **DOC** или **RTF**) вместе с распечаткой: текст дается кг. 14 через 1,5 интервала.

Текст статьи должен быть **структурирован**.

Общий объем материала не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Ссылки на источники должны даваться арабскими цифрами только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, и быть привязаны к тексту с указанием выходных данных, источников и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию (не более 500 знаков), отражающую основные идеи материала, ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество полностью, ученую степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны) на русском и английском языках. (Английская версия размещается на сайте журнала).

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или EPS.

Статья и все необходимые данные должны присылаться в одном файле.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Кроме того, автор представляет оформленный и заверенный соответствующей кадровой структурой отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы этих документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Контактная информация автора может быть сообщена редакцией только с его согласия.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

<http://www.rau.su>

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, д.п.н., проф.

ЕРЕМЕНКО И.Н. – исп. директор, к.т.н.; ГУСЕВ А.А. – зам. гл. редактора, д.п.н.; АБАШИДЗЕ А.Х. – д.ю.н., проф.; БЕРКОВ А.А. – к.ю.н.; БОЙКО Ю.П. – д.п.н., проф.; ГРОМЫКО А.А. – д.п.н.; ГУСЕВ А.А. – д.п.н., проф.; ГУСЬКОВА Е.Ю. – д.и.н.; ЗАДОХИН А.Г. – д.п.н., проф.; ЗИМЕНКОВ А.Л. – д.п.н.; КОМАРОВ И.К. – д.э.н.; КРУГЛОВ В.В. – д.в.н., проф., генерал-майор; ЛУЗЯНИН С.Г. – д.п.н., проф.; ОРЛОВ А.А. – к.и.н.; ПАВЛЕНКО В.Б. – д.п.н.; ПЛЯИС Я.А. – д.п.н., проф.; РУДОВ Г.А. – д.п.н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол; ЦВЕТКОВ А.И. – д.в.н., проф., Заслуженный деятель науки РФ; ЦЫГАНКОВ П.А. – д.ф.н., проф.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
ГАБАРАЕВ Б.А. – доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ
ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
- ГРИБ В.В. – заместитель Председателя Комиссии по региональному развитию и местному самоуправлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России
- ДЕЛЯГИН М.Г. – директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
- ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
ЗОРИН В.С. – первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
- ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
- КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора ИСКРАН, доктор исторических наук, профессор
ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
МУРАДОВ Г.Л. – заместитель руководителя Федерального агентства «Россотрудничество»
- ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН
ПРИМАКОВ Е.М. – академик РАН
СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
- ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО(У) МИД России, академик РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель РАС ООН
- ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
ЩЕРБАКОВ И.А. – директор Института общей физики им. А.М.Прохорова РАН, член-корреспондент РАН, профессор
- ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

История двух стихотворений

Анатолий Цветков

Приближается 200-летие великой Бородинской битвы, ключевого сражения Отечественной войны, где французы, посягнувшие на нашу землю, показали, что они могут побеждать, а русские – оставаться непобежденными.

История первого стихотворения «Память» такова. 7 сентября 1944 г. войска 1-го Белорусского фронта, которым тогда командовал генерал армии К.К.Рокоссовский, овладели крупным узлом дорог Стрешин на ближних подступах к крепости – предместью Варшавы – Праге.

После боя, вечером – к нам в часть приехали военные корреспонденты фронтовой газеты «Красная армия» – известный уже тогда поэт Евгений Долматовский и писатель Виктор Кондратенко. По фронтовому обычаю с традиционными сто граммами мы отметили это событие и вспомнили, что в этот день, 132 года назад, 7 сентября (26 августа) 1812 г., русская армия под командованием М.И.Кутузова сразилась с войсками французского императора Наполеона на Бородинском поле под Москвой и осталась непобежденной. Евгений Долматовский прочитал несколько своих новых стихотворений, а Виктор Кондратенко – свой очерк «Два товарища».

Воспоминание об этом событии и встреча с известными литераторами вдохновили меня, и я, как говорится, в один присест, глубокой ночью при свете коптилки в полуразрушенной избе написал стихотворение «Память».

И вот 68 лет спустя после этого фронтового эпизода я вновь взялся за перо и решил написать новое стихотворение, посвященное Бородинской битве, – «Бессмертие». Оно навеяно не только памятной датой – 200-летием битвы, но и тем, что я недавно увидел на Бородинском поле (это показало и российское

ЦВЕТКОВ Анатолий Исаакович – участник Великой Отечественной Войны с 22 июня 1941 г. – по 9 мая 1945 г. *E-mail:* anatology2010@gmail.ru

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 1812 г., Бородинское сражение.

телевидение). Запустение, неухоженные памятники, наступающие со всех сторон на это святое место коттеджи толстосумов. Такая щемящая тоска взяла в клещи мою душу, что я решил это выразить во втором стихотворении, посвященном Бородинскому сражению.

Я не злой человек, но нельзя же доходить до беспамятства.

Память

Бородино, Бородино,
Бессмертная России слава,
Ведет нас в битве за Варшаву
Твое название одно.

Мы помним, как российской ратью
Повержен был Наполеон,
И сень кутузовских знамен
Спаяла россиян как братьев.

Они Отечество спасли
И доказали всему миру,
Что наши русские мундиры
Надеждой стали всей Земли.

И их заветы ныне живы,
Когда над Вислой слышен гром,
Когда на Запад мы несем
«Души прекрасные порывы».

Бородино, Бородино,
Бессмертная России слава,
Твои потомки под Варшавой
Стучат в немецкое окно.

п. Стрешин под Варшавой
7 сентября 1944 г.

Бессмертие

Бородино, Бородино,
Бессмертная России слава,
Кто посягнул на честь державы,
Оставил черное пятно?

Это кумиры новой жизни
Забыли лик святой земли,
Особняки здесь возвели
И посрамили флаг Отчизны.

Они забыли, как когда-то
Стояли предки здесь стеной,
Не проиграли главный бой
Великой Родины солдаты.

Но справедливость верх возьмет,
Бородино вновь возродится,
К нему приду я поклониться,
Как весь израненный народ.

Бородино, Бородино
Бессмертная России слава,
Звучит над миром величаво
Твое название одно.

Москва 2012 г.

Русское национальное сознание и внешняя политика России

Александр Задохин

*Вставай страна моя родная,
За братьев! Бог тебя зовет...*

А.С.Хомяков «России»

Для рассмотрения поставленной проблемы взята внешняя политика России на Балканах.

Исторически отношения с православными славянскими народами и государствами Балкан являются органической частью русского национального сознания.

Балканы – это единственный регион, где внешняя политика России в прошлом и настоящем не только учитывала этнорелигиозный фактор, но и делала и делает на него ставку. В данном случае речь идет о формировании национального сознания. Согласно русской славянофильской мифологеме, в центре славяно-православного мира находится Россия, которой предназначено свыше покровительствовать и защищать славян и православных от враждебных им исламского и западного мира.

Таким образом, политика Запада или исламских стран на Балканах неизбежно, на подсознательном уровне, воспринимается в контексте национальных ценностных начал.

ЗАДОХИН Александр Григорьевич – доктор политических наук, профессор (Дипломатическая академия МИД России). *E-mail: alexsander_1945@mail.ru*

Ключевые слова: Балканы, Россия, национальное сознание, внешняя политика, идеология.

Панславистская идея

Панславистская идея была популярна среди представителей высших кругов общества вне зависимости, являлись ли они последовательными славянофилами или нет. Свидетель возникновения панславистской доктрины А.И.Герцен считал, что славянофильские и панславистские идеи во внешней политике России происходят больше под влиянием извне. Он отмечал, что в этот период еще более возросло значение «национального принципа» в европейских международных отношениях в связи с наполеоновскими войнами. Это коснулось и народов славянской группы, входивших в состав Османской и Австро-Венгерской империй¹. А.И.Герцен писал: «Чешский панславизм подзадорил славянофильские сочувствия в России»¹. Причем настолько, что поэт-дипломат Ф.И.Тютчев самостоятельно развернул, как бы сейчас сказали, «информационную войну». В Европе он опубликовал анонимно целую серию статей, которые были восприняты настолько серьезно, что вызвали целый ряд ответных статей и книг в Англии и Франции. В Австро-Венгрии, где были известны дружеские отношения Тютчева с главным российским дипломатом – Горчаковым, в этом увидели прямую угрозу войны с Россией. В самой же России одни зачитывались патриотическими стихами поэта, другие называли их чепухой (например, Лев Толстой), а третьи (официальные дипломаты) высказывали недовольство, мол, мешает профессионалам исполнять свою работу.

Устоять перед привлекательностью славянской идеи было практи-

чески невозможно². Даже западник А.И.Герцен из своего лондонского далека отмечает это явление в общественной жизни России² и высказывает симпатии к панславистской доктрине. Герцен как последовательный оппонент славянофилов, характеризуя восточное направление внешней политики России, писал: «Мы побоялись поддержать и Славян, и единоверных Греков из уважения к мнимой законности...»³.

Такое единомыслие представителя западников со славянофилом М.Н.Погодиным можно объяснить тем, что, когда «речь заходит о национальном, в сознании возникают какие-то глубокие архетипические представления. В этом смысле... славянофилы и западники не альтернативы, они по существу дополняют друг друга»⁴.

Славянофилы и западники как две интеллектуальные элитные группы, представляющие разные ориентации в национальном сознании России, отдавали себе отчет, что их дискуссии не носят некий абстрактный характер и их диалог в конечном итоге ведет к определению «догматов для нравственного и для верований общества» и к «созданию политической программы для будущего развития государства»².

Насколько серьезно национально-славянская идея влияла на внешнюю политику, говорит П.Я.Чаадаев в «Письме неизвестного к неизвестной», написанном сразу после начала Крымской войны. Он подчеркивал, что причиной войны была «национальная реакция», которая дошла в стране до моноμανии и по-

влиятеля на внешнюю политику правительства⁵.

Надо сказать, что в 90-х годах XX в., когда шла война НАТО на Балканах, происходило нечто подобное. Одни – политики, ученые и публицисты – с упоением цитируют славянофила Тютчева. Другие пишут следующее: «...Тютчев предстает в своих историософских писаниях как причудливое сочетание старца Филофея и славянско-византийского де Местра. Его сверхценное блудомыслие или мыслеблудие... паразит... многих»⁶.

В XIX в. «...славянский вопрос сделался одним из модных увлечений, которые всегда, сменяя друг одно другое, служат обществу предметом занятия; ...много было людей с корыстными, тщеславными целями, занимавшихся этим делом. ...Газеты печатали много ненужного и преувеличенного с одной целью – обратить на себя внимание и перекричать других. ...При общем подъеме общества выскочили вперед и кричали громче других все неудавшиеся и обиженные: главнокомандующие без армий, министры без министерств, журналисты без журналов, начальники партий без партизанов (т.е. членов какой-то партии. – Авт.)... Много тут было легкомысленного и смешного», но был «несомненный, все разрастающийся энтузиазм, соединивший в одно все классы общества, которому нельзя было не сочувствовать»⁷. Это не цитата из газет периода военной операции НАТО против Югославии, а размышления одного из героев романа Льва Толстого «Анна Каренина» на перроне Курского вокзала, от которого отправлялся эшелон с добро-

вольцами на Балканы, где шла сербско-турецкая война.

В чем-то мы и сегодня можем согласиться с мыслями философствующего обывателя XIX в. или самого Толстого. В этом же романе высказывается иная точка зрения, но ее боются озвучить, ибо, как выразился другой герой романа, «опасно высказывать мнение, противное обществу, и в особенности осуждать добровольцев»⁷. Скорее всего, учитывая известные пацифистские взгляды Толстого, на противное мнение как раз и претендовал русский классик.

Присутствие в России представителей славянских народов из Османской и Австро-Венгерской империй стало просто обыденным явлением.

Так, в центре любовной интриги романа Тургенева «Накануне» стоит фигура именно болгарина, и ответ на вопрос, почему он помещен рядом с главной героиней, дает современник Тургенева, известный русский критик Н.А. Добролюбов в своих литературоведческих статьях.

Он пишет, что в Елене «сказалась та смутная тоска по чьему-то, та почти бессознательная, но неотразимая потребность новой жизни, новых людей, которая охватывает теперь русское общество, ...лучшие стремления нашей современной жизни»⁸. По мнению Добролюбова, «сочувствие Елены... не могло обратиться на русского человека с тем правом, с той естественностью, как обратилось оно на этого болгарина. Все обаяние Инсарова заключается в величии и святости той идеи, которой проникнуто все его существо», которая соединяет его и подобных ему героев со своей нацией⁸. Напротив, у «русских

героев», как считает критик, «общего дела в помине нет»⁸. Популярностью пользуются военные подвиги по освобождению других народов, ибо это значительно проще: «Враг внешний, притеснитель привилегированный гораздо легче может быть застигнут и побежден, нежели враг внутренний, рассеянный повсюду, в тысяче разных видов, неуловимый, неуязвимый, а между тем тревожащий вас всюду...»⁸.

Действительно, консолидация русского общества на протяжении практически всей национальной истории происходит как результат мобилизации на борьбу с внешним врагом. Компенсацией же внутренних невзгод выступала идея славянского братства. В годы восстаний и войн на Балканах, по свидетельству Добролюбова, чувство сострадания охватывало все общество. Причем самые различные слои.

И все же почему «все русские люди так полюбили братьев славян» и не интересуются только Россией? Не дискутируя с классиком по вопросам войны и мира или геополитики, ответ можно найти все в том же романе: «В народе живы предания о православных людях, страдающих под игом “нечестивых агарян”, “сознание своих судеб всегда есть в народе, и в такие минуты, как нынешние, оно выясняется ему”»⁸.

Очевидно, что официальной власти в Петербурге трудно было не считаться с общественным мнением и популярностью панславизма. Начало Крымской войны середины XIX в. связывают со спором о «палестинских святынях». Можно называть последнее предлогом для объявления войны⁹, а истинные причины ее ви-

деть в более реальном политическом противоречии держав, но факт наличия значимости традиционных ценностей, основанных на них идеологий, с реальным внешнеполитическим решением очевидна. Для русского национального сознания Палестина и Константинополь являлись ориентирами знакового порядка¹⁰. В этой связи необходимо обратить внимание, что сама война все-таки началась именно в 1854 г., в годовщину падения Константинополя. Как и призывал ранее Ф.И.Тютчев в своем известном стихотворении «Пророчество». Война же началась, была проиграна. Пророчество не сбылось.

Особый интерес для более четкого представления о дальнейшем развитии мировоззрения славянофилов и их восприятия внешнего мира в духе панславистской доктрины имеет творчество Н.Я.Данилевского, которого называют предшественником Шпенглера и Тойнби. А его фатализм в отношении антагонизма культурно-исторических типов на 100 с лишним лет предвосхитил привлекающую такое внимание в начале 90-х годов концепцию «столкновения цивилизаций» С.Хантингтона.

Исследователи, как отечественные, так и зарубежные, хотя и отличающиеся друг от друга категоричностью оценок, сходятся в том, что для панславизма Н. Я. Данилевского характерна большая резкость, чем у его ранних предшественников. Зарубежные исследователи творчества Н.Я.Данилевского видят в нем идеолога славянского национализма и тоталитарной философии¹¹. По мнению русского ученого О.Ф.Миллера, современника Н.Я.Данилевского, он

как бы отбрасывал христианское начало славянофильства и значимость мессианства в панславизме¹². Poleмизируя с идеями Н.Я.Данилевского, В.С.Соловьев подчеркивал, что необходимо ввести «христианский принцип» во внешнюю политику России¹³. Он выступал против «слепого национализма» во внешней политике России, считая это главным препятствием для разрешения восточного вопроса¹⁴.

Современный исследователь Ю.С.Пивоваров отмечает, что мировидение Н.Я.Данилевского «есть симптом и свидетельство того кризиса и разлома, которые переживала в этот период русская культура» в том плане, что славянофильство начинает отрываться, изолироваться от миро-

вого культурного пространства, замыкаться исключительно на свою русскую оригинальность, происходит «нарастание утопическо-мифологических элементов»¹¹. И такая точка зрения может иметь место, хотя с ее категоричностью трудно согласиться.

В то же время следует отметить, что романтизация родовых корней характерна для начального этапа развития любого этнического национализма. Радикализм же отдельных высказываний и утверждений Н.Я.Данилевского вытекал из того кризиса, который переживала имперская система России, а российское общество – комплекс неполноценности в связи с поражением в Крымской войне.

Россия на Балканах

Подвижки в международных отношениях являются мощным стимулом к самопознанию. Так, российское сознание делает качественный шаг вперед после периода наполеоновских войн, заграничных походов и Крымской войны. Политический дискурс наполняется новыми понятиями, что свидетельствует об осознании иных приоритетов. Например, российская дипломатия в программные документы включало такое понятие, как «национальный интерес»¹⁵, что свидетельствовало о стремлении рационализировать внешнюю политику страны, сделать ее, по выражению А.М.Горчакова, разумно «эгоистичной» и сосредоточенной на обеспечении благоприятных условий для внутреннего развития¹⁶.

Но массовое сознание консервативно, и дипломатам не удалось удер-

жать Россию от новой «восточной войны» (Русско-турецкой 1877–1878 гг.) теперь уже на Балканах. Война началась с целью реализации предназначенной России миссии: освобождения южных славян. «Под влиянием славянофильской агитации, под влиянием общественного мнения» официальная власть, – писал историк А.Корнилов, – все-таки решилась воевать»¹⁷. Так, в центре внимания общества опять оказались не внутренние, а внешние проблемы. Приоритет последних определялся ценностной ориентацией общества, а уровень рефлексии был недостаточно высок, чтобы оптимально сбалансировать чувства и ценности, интересы и ресурсы.

Наиболее активно выражала мнение различных кругов российская печать.

Малоизвестная сегодня «Газета А.Гатцука» писала: «Взоры не только всей России, но и целого мира обращены в настоящее время на Русского императора, волею которого двинулся русский народ на Балканы для разрушения многолетней борьбы Креста и Полумесяца. Никогда не было большей общности между народом и его царем, как в минуты этой борьбы, знамя которой поднято во имя самых священнейших принципов человечества»¹⁸.

Но еще больший резонанс вызывали публикации ведущих газет, таких как «Московские ведомости», «Русский мир», «Голос», «Санкт-Петербургские ведомости», «Новое время» и др., которые также активно поднимали тему российского славянофильского мессианства.

«Русский мир» критиковал слабую активность правительства, упрекая его в том, что оно идет на поводу у «главной противницы славянства Австро-Венгрии»¹⁹.

Газета левой ориентации «Вперед» призвала направить на Балканы добровольцев для оказания военной помощи²⁰, что лишний раз демонстрировало стремление личности реализовать себя во внешнем пространстве в силу невозможности сделать это в самой России.

Анализ российской прессы самой различной направленности (от широко известных, таких как «Русский мир», «Новое время», и до малоизвестной «Газеты А.Гатцука») свидетельствует, что общество опять стремилось воспроизвести в действительности свой национальный миф – создать во что бы то ни стало славянскую державу.

П.Н.Милюков по этому поводу отметил: «Одни и те же внешние политические “уроки” заставили одних быстро шагнуть вперед, а другими были недостаточно поняты»²¹.

Важно обратить внимание, как характеризовали ценностную ориентацию внешней политики России ее

западные партнеры. В свое время известный политический деятель Европы и Франции А.Тьер советовал российским политикам более трезво относиться к «славянскому вопросу» и не идти на поводу амбиций молодых балканских националистов, интересы которых не всегда могут совпадать с интересами России, но будут возбуждать общественное мнение¹⁸. Впоследствии справедливость предупреждения неоднократно находила свое подтверждение.

Итак, в XIX в. национальная система ценностей обретает новую ценность – «братство и единение» всех славянских народов под эгидой России. Кроме того, это было развитием идеи «византийского наследства». Это выражается в создании и обосновании концепции единения «всех славян» перед лицом экспансии романо-германского мира.

В концепции панславизма центральное место занимает противостояние: Россия – Европа. Объективно данная оппозиция «Мы – Не Мы» объективно стимулировала осознание национальной самобытности, понимания своего национального Я, создавала тот потенциал национальной интеграции, который в конечном итоге и являлся необходимым и закономерным условием развития. Следует отметить, что хотя идеи славянофилов способствовали развитию национального сознания, понимание собственной культуры и ее самодостаточности, сама же панславистская доктрина как часть этих идей вступала в противоречие с реальной жизнью. Так, освобождение славянских народов Балкан с участием России не привело к ожидаемому результату – объединению всех

славян. Напротив, проявились противоречия между ними, в том числе и в их отношениях с Россией. Кроме того, обозначилась и прозападная геополитическая ориентация части славяно-балканских элит.

Несмотря на отмеченное, национальная память в начале XX в. вновь воспроизводит идеи славянофилов скорее как ценностного начала, а не реального геополитического проекта. Они возрождаются в неославизме. Опять говорили о возобновлении славянских съездов и о новых попытках создания союза славянских государств и народов. В российском обществе шло активное обсуждение ценностных основ внешней политики.

Авторы ряда статей в газетах «Речь», «Новое время», «Голос Москвы» и др. настаивали на том, чтобы Россия в своей внешней политике руководствовалась прежде всего тем, что она «славянская страна». При этом отмечалось, что интересы славянства должны стать приоритетом в российской дипломатии. Во имя этого предлагалось даже не затрагивать в различных переговорах важную для России в стратегическом плане проблему проливов Босфора и Дарданелл²².

«Для России, – отмечалось в редакционной статье «Голоса Москвы», – как славянской державы единственно правильный путь политики – это создание такого положения, при котором все славянские народы чувствовали бы, что в тяжкую минуту они встретят у нее поддержку...»²³. То есть речь шла о славянской солидарности как ценности. Но реальность развития Балкан была иной.

Развитие международной ситуации на Балканах продолжало расходиться со сложившимися представ-

лениями российского общества. Балканские войны и четко обозначившаяся прозападная ориентация балкано-славянских государств вызывают сомнения по поводу правильности панславистской доктрины внешней политики России. В частности, философ К.Н.Леонтьев обращал внимание на существование серьезных противоречий между славянскими народами и был против близкого сближения с ними²⁴. Более того, он считал вполне возможным союз России с Турцией и даже с мусульманством вообще!

Взгляды К.Н.Леонтьева не были исключением. Так, цитируемый общественный деятель России и впоследствии министр иностранных дел Временного правительства П.Н.Миллюков также высказывал свое сомнение в отношении возможности объединения славян. В частности, он обращал внимание на определенное несовпадение славянофильской трактовки «национальной идеи и реальной действительности»²¹. Он отмечал, что все «более обнаруживалась многолетняя борьба между христианскими национальностями»²⁴.

Действительно, отношения между славянскими народами с момента их прихода на Балканы, а также с автохонным населением – греками, албанцами и румынами всегда носили сложный и конфликтный характер. Об этом нельзя было не знать. Но российское общество не замечало этот исторический факт и полностью растворялось в мифе панславизма. Чем сильнее нарастали внутренние противоречия в России и в ее отношениях с окружающим миром, тем упорнее общество обращалось к национальному мифу, находя в нем сво-

еобразную нишу от сложной действительности. «Неосведомленность и сомнение темного национализма, – пишет П.Н.Милюков в своих воспоминаниях, – распространились на всю правящую верхушку»²¹.

Для самого П.Н.Милюкова было очевидно, что роль России в славянском вопросе изменяется. Балканские народы в ходе балканских войн (1912–1913 гг.) «освободились сами, без помощи России и даже вопреки ее политике» и постепенно отходят от традиционной «русской опеки». П.Н.Милюков подчеркивал, что теперь каждое «славянское государство» идет своим путем и охраняет свои интересы, как находит нужным. Россия также по отношению к славянам должна руководиться собственными интересами. «Воевать из-за славян Россия не должна»²⁴.

Такие «эгоистические» взгляды имели распространение в обществе, что отражало осознание национальных интересов в их соотношении с реальными внутренними и внешними проблемами России.

В журнале «Гражданин» в ответ на целую серию просербских статей в московской и петербургской прессе раздавался призыв более сдержанно относиться к «балканским делам», а идея балканского союза оценивалась как «иллюзия», и давался совет правительству больше внимания уделять «задачам самовозрождения страны»²⁵. Прослеживается нарастающее разочарование как в идеях панславизма, так и миссии России на Балканах.

Газета «Русская земля» писала: «Народности, населяющие Балканы, не оправдали забот и жертв, понесенных за них Россией. ...России теперь впору заниматься только собой»²⁶.

Развитие рыночных отношений в России побуждало ряд российских кругов к прагматическому подходу к «славянскому вопросу». Так, «Новое время», отдавая обычную для нее дань критике внешней политики правительства, пишет: «Корень зла нашей ближневосточной политики заключался всегда в том, что мы, освобождая единоверные и единоплеменные народы Балканского полуострова, ...не принимали никаких мер в экономической области и отдавали тем самым освобожденных в зависимость к германскому капиталу»²⁷. В итоге газета призывала «русских фабрикантов» осваивать новые рынки на Балканах²⁷.

В «Новом времени» настойчиво проводили мысль о необходимости изменить сущностные подходы к формированию внешнеполитического курса, откорректировать устоявшиеся стереотипы восприятия международных отношений России.

Так, газета одобряет создание Славянской торговой палаты для поддержки торговли на Балканах и подчеркивает, что «необходимо исправить ошибки внешней политики 70-х – 80-х годов, когда все внимание было уделено «военным комбинациям» и утверждает: «Нынешняя славянская политика России должна быть основана... на началах экономики...»²⁷.

Четко выражал свою позицию русский ученый П.Струве, известный своими экономическими работами. Он, признавая особую значимость для российской внешней политики исторической ориентации на Ближний Восток и Балканы, говорил о необходимости активизации экономической деятельности в этих реги-

онах. Это, по его мнению, соответствует не только интересам развития страны, но и обеспечит наиболее эффективно культурное лидерство здесь. А значит, – будет продолжать и развивать национальную традицию²⁸.

Православно-славянофильская ценностная ориентация проявлялась и во внешней политике СССР. Идея панславизма была востребована в период Второй мировой войны. Затем разрабатывался проект балканской федерации для объединения славян. В советско-болгарских отношениях со стороны Москвы особое значение уделялось культивированию идей близости и родства двух стран. Хотя дочь коммунистического лидера Болгарии Людмила Живкова утверждала, что славянский этнолингвистический элемент является лишь одним в ряду других – фракийского и тюркского – болгарской нации.

В постсоветский период в России вновь возросла популярность панславистской традиции. В центре ее опять стоит идея миссии поддержки «братского сербского народа» перед лицом экспансии западных стран. Панславистская традиция и мессианство нашло свое проявление в создании СНГ, когда был первоначально заключен союз трех «славянских» республик и впоследствии в создании союза России и Белоруссии.

Войны между славянскими государствами, их экономическое и политическое тяготение к Европе, союзы со стратегическими соперниками России (например, Болгарии с Германией в двух мировых войнах) и периодическое обострение или охлаждение отношений то с одной, то

с другой балканской страной, наконец, достаточно сложные отношения с Украиной – все должно было хотя бы несколько изменить характер российской политики, сделать ее более прагматичной. Но менялись только конкретные государства, их названия и режимы, на которые делалась внешнеполитическая ставка России, а постоянным являлось извечное стремление россиян реализовать себя в своем национальном мифе.

В постбиполярный период становится все более очевидным, что балканские страны видят себя частью единой Европы, а в ней гаранта своей независимости и будущего процветания. Но в России это воспринимается как нечто противоестественное. А расширяющееся сотрудничество балканских государств с НАТО и ЕС рассматривается как непосредственная угроза безопасности России и прямой геополитический вызов.

Как представляется, само сотрудничество балканских государств с НАТО является лишь частным проявлением исторически предопределенного и естественного процесса их движения, возвращения в Европу и интеграции в европейское геополитическое и культурное пространство. При этом Североатлантический союз и ЕС как институт управления интеграционными процессами в Европе показали себя более продвинутыми и конкурентоспособными, чем другие государства и федерации, международные организации и союзы в прошлом.

Балканские народы видят, что под эгидой НАТО европейские страны смогли не только создать коллектив-

ную систему безопасности от внешних угроз, но и разрешить (или смягчить) целый ряд исторических противоречий и антагонизмов.

Евросоюз, при всех своих нерешенных проблемах, все же представляется европейским народам как оптимальная форма сотрудничества и сосуществования. Склонны они принять и европейские демократические и гражданские ценности, что является одним из условий их интеграции западноевропейскими народами.

Надо признать, что Россия потеряла своих прежних союзников в силу все более расходящихся ценностей. Значительная часть населения, особенно молодое поколение балканских стран, не имеет ничего против европейской перспективы. Для тех, кто ориентируется на Европу, США есть олицетворение свободы и демократии или, по крайней мере, житейского благосостояния. Последнее играет, может быть, определяющую роль.

Безусловно, что внешняя политика Российской империи/СССР/Российской Федерации определялась и определяется ее геополитическим статусом и динамикой мировых международных отношений. Но в этой политике постоянно присутствует русское ценностное начало, вытекающее из культурно-психологических особенностей формирования российского национального сознания. Пространство последнего не совпадает с границами государства, а имеет свои рубежи и ориентиры, выраженные соответствующими символами и зафиксированные на подсознательном уровне в национальных архетипах. Россия во имя сохранения и поддержания этого пространства и возможности так или иначе в нем присутствовать, а значит, быть собой, идет на соответствующие затраты и потери.

Глубинные этнонациональные ценности и неизбежно появляющиеся новые, которые формируются под воздействием изменяющейся реальности, находятся между собой в постоянном противоречии. Если это не подвергается саморефлексии, то отмеченное создает неосознанную напряженность и неустроенность внутреннего мира нации. Разлад сложившихся образов, стереотипов и традиционных ценностей с действительностью снимается или подавлением (ограничением) своего этнического Я, или обращением внутрь Себя. Последнее создает предпосылки к формированию комплексов неполноценности, которые препятствуют развитию, адекватному реальности. Следовательно, перед российским обществом, еще не пережившим кризис самоидентификации, существует сложная проблема интеграции традиционных и новых ценностей. Причем таким образом, чтобы это и стимулировало развитие, и не разрушало национальную самобытность.

Примечания

¹ Герцен А.И. Собр. соч.: в 8 т. М., 1975. Т. 5. С. 214.

² Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 261, 215.

³ Герцен А.И., Огарев Н.П. Голоса из России. Факсимильное изд. в 3 вып. М.: Наука, 1974. Вып. 1. Кн. I-III. С. 73.

- ⁴ Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. С. 43–44.
- ⁵ Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. В 2 томах. М., 1991. С. 272.
- ⁶ Николаев А.А. Принц и сыщик. Большая политика, средняя поэзия и мелкая любовь пореформенной России // Ex Libris. НГ. 2001. 31 мая.
- ⁷ Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: Правда, 1973. Т. 2. С. 75, 381.
- ⁸ Добролюбов Н.А. Собр. соч. В 3-х томах. М., 1952. Т. 3. С. 50, 52, 59, 68, 412.
- ⁹ История дипломатии. В 3-х томах. М., 1959. Т. 1. С. 642–645.
- ¹⁰ Задохин А.Г. Образ Константинополя в национальном сознании и внешней политике России // Обозреватель–Observer. 2008. № 12.
- ¹¹ Пивоваров Ю.С. Николай Данилевский в русской культуре и мировой науке // Мир России. 1992. № 1. С. 183–184, 189, 205.
- ¹² Миллер О.Ф. Славянство и Европа. СПб., 1877. С. 276, 277.
- ¹³ Соловьев В.С. Соч. В 2 томах. М., 1989. Т. 2. С. 268–269.
- ¹⁴ Соловьев В.С. Русская идея: сб. статей. М.: Республика, 1992. С. 185–204.
- ¹⁵ Задохин А.Г. Дипломат Горчаков и его время // Дипломатический ежегодник. 1996.
- ¹⁶ Семанов С.А. А.М.Горчаков – русский дипломат 19 в. М., 1962. С. 53; Очерк истории министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб., 1902. С. 134.
- ¹⁷ Корнилов А. Курс истории России 19 в. Ч. III. М., 1914. С. 207.
- ¹⁸ Газета А.Гатцука. 1877. 15 дек. Прибавление к № 15; 14 сент. № 39.
- ¹⁹ Русский мир. 1875. 15 июля; 30 сент.
- ²⁰ Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1988. Т. 1. С. 131.
- ²¹ Милоков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 382, 360, 367–368, 365.
- ²² Речь. 1908. № 1. 1 и 3 окт.; Голос Москвы. 1908. 1 окт.
- ²³ Голос Москвы. 1908. 22 и 24 окт.
- ²⁴ Леонтьев К.Н. Панславизм и греки. Собр. соч. М., 1912. Т. 5. С. 14–17.
- ²⁵ Гражданин. 1908. № 81–82. С. 5–7.
- ²⁶ Русская земля. 1908. 10 окт.
- ²⁷ Новое время. 1908. 20 окт.; 9 окт.; 3 авг.
- ²⁸ Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская мысль. 1908. Кн. 1. С. 143.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в [Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий](#), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с 1 января 2007 года.

Государственное принуждение в политической практике и правомерность его применения*

Алексей Строителев

Наиболее важным направлением в исследовании проблем безопасности является политический анализ проблем национальной безопасности. Заслуживает одобрения и поддержки научное положение о том, что «в деятельности государства политика выступает в своем концентрированном выражении... Несомненно, государственная власть выступает как высшая форма, наиболее полное выражение политической власти...», выдвинутое политологом А.В.Макеевым в его известной работе «Политика и безопасность»¹.

Наглядным примером функционирования государственной власти в политике государственной безопасности являются контртеррористические операции на территории Чеченской и других северокавказских республик, осуществляемые государством. Данный акт политики обеспечения национальной (государственной) безопасности представля-

ет собой реализацию важнейшей функции органов государственной власти – обеспечения суверенитета и территориальной целостности страны (п. «д» ст. 144 Конституции РФ) путем политического насилия, осуществляемого военным, специальным (конспиративным), дипломатическим и информационно-психологическим способами политики

СТРОИТЕЛЕВ Алексей Николаевич – кандидат юридических наук. *E-mail:* progags@gmail.com

Ключевые слова: насильственные посягательства на национальную безопасность, борьба с терроризмом, государственное принуждение, правовое, силовое и специальное принуждение, правомерность применения, политическая практика, физическая сила, оружие и спецсредства.

* Окончание. Начало см. «Обозреватель–Observer». 2012. № 6, 7.

государственной безопасности в отношении националистически-сепаратистских, бандитских формирований и отдельных лиц, посягающих на конституционный строй².

Очевидно, что политическое насилие в данном случае представляет государственную власть как власть политическую. Более того, политическое насилие в данном случае представляет собой политическую волю государства. Все это напрямую относится к более широкому явлению – институту государственного принуждения как составляющей политической практики.

Значительную роль в разрешении философско-правовой проблемы правомерности государственного принуждения в сфере обеспечения национальной безопасности сыграли научные работы целого ряда авторов.

Помимо упомянутого выше А.В.Макеева следует отметить К.Х.Момджяна, разработавшего социально-философскую методологию правоохранительной деятельности как субстанции социального³, Ю.И.Семенова, предложившего формационный подход для выявления основных типов силового принуждения в социальном процессе⁴, а также доктора философских наук В.В.Колотушу, выступившего с социально-философской концепцией «силового принуждения». Он, в частности, рассматривает данную концепцию в качестве методологического подхода к обеспечению государственной безопасности от угроз силового характера⁵.

В.В.Колотуша предлагает осуществить сопряжение понятийного ряда социально-философской концепции «силового принуждения» с понятийным аппаратом теории национальной безопасности, которая, по его мнению, должна оперировать не военным термином «вооруженное насилие», а понятием «силовое обеспечение безопасности» от

широкого спектра угроз (военных, разведывательно-подрывных, террористических, криминальных). Само же силовое принуждение рассматривается им как особый способ социального управления и социального взаимодействия, основанный на применении силы или угрозе ее применения.

Отличительными признаками силового принуждения в этом случае выступает нанесение и угроза нанесения прямого ущерба жизни, здоровью, правам и свободам объектов, в отношении которых направлено силовое воздействие, осуществляемое соответствующими государственными структурами. При этом субъектами силового принуждения (по В.В.Колотуше) выступают: мировое сообщество, коалиция стран, конкретное государство, силовая организация или силовой орган государства, сотрудники силовых структур государства, использующие оружие, боевую технику, снаряжение, спецсредства, инструкции, наставления, полученные знания, умения и навыки.

Предложенная им классификация форм силового принуждения включает формы политического (информационно-пропагандистские акции, провокации, этническая, языковая, религиозная, классовая, половозрастная дискриминация) и неополитического принуждения, которые, в свою очередь, подразделяются на формы криминального и некриминального принуждения.

Особую подгруппу форм политического принуждения представляют те, в основе которых лежит стремление к захвату государственной власти путем выхода за рамки существующего правового поля. Одной из таких форм, активно используемых в последнее время высшим политическим руководством США, Великобритании, Франции, Германии, Израиля, Турции, Саудовской Аравии, являются так называемые «цветные революции», инспирируемые извне для смены неугодных политических режимов с использованием преимущественно «ненасильственных технологий».

Заслуживает внимания выдвигаемое В.В.Колотушей положение о том, что в современном глобализирующемся мире происходит интенсивная трансформация силового при-

нуждения со стороны отдельных государств и их союзов. Это обусловлено:

- сложным процессом становления единого мирового сверхобщества;
- глобальной классовой борьбой;
- новым информационным этапом научно-технической революции;
- комплексом культурно-цивилизационных противоречий;
- обострением глобальных экономических и экологических проблем современности;
- повышением активности и территориального охвата сил международного терроризма и международной организованной преступности.

Важно отметить, что перечисленные выше и некоторые другие авторы, исследующие данную проблему, придают особое значение ценностным основаниям силового принуждения, которые направляют, ограничивают, координируют деятельность государственных силовых структур, а главное – придают их деятельности необходимую легитимность, служат базисом для оценки результатов силового принуждения и позволяют его рассматривать как общественно необходимый вид деятельности.

В качестве таких ценностных оснований ученые, занимающиеся разработкой проблем государственного принуждения, чаще всего называют:

- гуманизм;
- законность;
- патриотизм;
- соразвитие общностей и культур;
- потребности устойчивого экономического роста;
- личную и общественную безопасность;
- лояльность законно избранной власти и подконтрольность ей;
- легальность силового принуждения;

– некоммерческий характер указанной деятельности;

– минимизацию ущерба и потерь личного состава государственных структур;

– правовую защищенность и высокий социальный статус их сотрудников.

В зависимости от характера внутренних и внешних угроз национальной безопасности российское государство применяет различные меры противодействия, которые отличаются целевой направленностью, правовым содержанием, применяемыми силами, средствами, способами и формами действий.

Законодательством Российской Федерации определен круг субъектов, которые наделены правом пресекать реальные и непосредственные угрозы безопасности личности, общества и государства, подавлять и нейтрализовать преступные посяательства, принуждать носителей этих угроз к отказу от совершения правонарушений.

В научной и специальной литературе при характеристике государственного принуждения принято различать правовое (уголовно-правовое, уголовно-процессуальное, административно-процессуальное), силовое и специальное принуждение (воздействие). Сущность указанных форм государственного принуждения можно охарактеризовать следующим образом.

Правовое принуждение осуществляется в связи с неправомерным, вредным для общества деянием. Оно обеспечивает защиту интересов личности, общества и государства, реализацию государственно-властных

предписаний по отношению к правонарушителям.

Силовое принуждение представляет собой комплексное воздействие органов федеральной службы безопасности на конкретных лиц с использованием физической силы, специальных средств и оружия. Силовое воздействие может применяться в отношении отдельных вооруженных лиц, организованных вооруженных формирований, а также больших неорганизованных групп населения, использующих средства и методы вооруженного насилия.

Физическое принуждение как элемент силового принуждения выражается в виде захвата преступника, его удержания, ограничения передвижения, лишения возможности продолжать противоправную деятельность, принудительной доставки в обусловленное место, принуждения преступника или других лиц совершить определенные действия и т. п.

Специальные средства в арсенале средств силового принуждения (резиновые дубинки, наручники, боеприпасы газового, маркерного, светозвукового, электрошокового воздействия и т.п.) используются только для пресечения преступных посягательств и в случаях, когда были исчерпаны иные ненасильственные меры прямого и косвенного воздействия на правонарушителей.

Применение оружия, боевой техники и других средств вооруженной борьбы является крайней мерой силового принуждения, используемой уполномоченными государственными органами только в исключительных случаях и в порядке, установлен-

ном действующим федеральным законодательством.

Специальное принуждение (воздействие) как форма государственного принуждения подразумевает применение компетентными органами исполнительной власти (прежде всего субъектами оперативно-розыскной деятельности) в отношении объектов принуждения специальных средств и методов (информационного влияния, рефлексивного управления, психологического воздействия и т.п.).

Меры государственного принуждения применяются такими органами в комплексе или в различных сочетаниях в зависимости от характера решаемой задачи, степени угрозы безопасности национальным интересам государства, правам и свободам граждан, состава преступных групп (противника), их вооруженности и уровня сопротивления законным действиям сил обеспечения безопасности и правопорядка.

Необходимо подчеркнуть особую актуальность всех форм государственного принуждения в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом, что подразумевает исключительную важность противодействия их идеологии. Сокращение и нейтрализация влияния идеологии терроризма и экстремизма на население страны как самостоятельное направление государственной политики в указанной сфере должно преследовать цель формирования негативного отношения у населения к любым формам терроризма и экстремизма, что предполагает три основных аспекта: идеологический, организационный, правоохранительный.

Правоохранительный аспект, в частности, предполагает использование не только административно-правовых и уголовно-правовых, но и силовых мер для предупреждения и пресечения противоправной деятельности любых организаций и отдельных лиц, связанной с распространением идеологии и практики терроризма и экстремизма на территории Российской Федерации.

Данный аспект должен получить дальнейшее развитие в части, касающейся обеспечения адекватного по масштабам и последствиям уголовного преследования по фактам не только самих террористических проявлений, но и пропаганды терроризма (ст. 205.2 УК РФ)⁷, а также усиления контрольных и надзорных функций соответствующих федеральных органов законодательной и исполнительной власти, Следственного комитета и прокуратуры в области применения силовых мер воздействия.

Говоря о правомерности и правовом обеспечении мер силового и специального принуждения, осуществляемого уполномоченными государственными органами от лица государства, необходимо отметить, что существует значительная в количественном отношении группа международных правовых актов, образующих прочную международную правовую основу противодействия терроризму. Она состоит из:

- 12 универсальных конвенций ООН по вопросам борьбы с терроризмом;

- отдельных региональных соглашений в рамках Совета Европы, Шанхайской организации сотрудничества и СНГ;

- двухсторонних соглашений Российской Федерации с рядом иностранных государств в области борьбы с терроризмом, организованной преступностью, недопущения отмыwania денежных средств и финансирования терроризма⁷.

Данные акты образуют юридический инструментарий, который указанные органы вправе использовать при применении мер государственного принуждения в борьбе с терроризмом (табл. 1).

Особое место среди них занимают международно-правовые документы по вопросам предупреждения и пресечения захвата заложников и других террористических актов, в которых закреплено право государств применять меры пресечения данных преступлений⁹.

Так, в Гаагской конвенции «О борьбе с незаконным захватом воздушных судов» 1970 г. любой захват воздушного судна, в том числе совершенный по политическим мотивам, является преступлением.

В Европейской конвенции по борьбе с терроризмом 1977 г. определено, что захват заложников расценивается как преступное деяние и относится к террористическим актам.

На основе принятого в 1979 г. Генеральной Ассамблеей ООН Международной конвенции «О борьбе с захватом заложников» многие иностранные государства заключили многосторонние и двусторонние соглашения, предусматривающие возможность проведения национальными спецслужбами специальных операций по освобождению заложников, захваченных в транспортных средствах, на территории других стран или привлечения террористов к уголовной ответственности в той стране, где они сдались властям (табл. 2).

Таблица 1

Документ	Место и дата	Страны-подписанты	Примечания
Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов	Токио, 14.09.63 г.	171	Разработчик ИКАО*
Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов	Гаага, 16.12.70 г.	174	Разработчик ИКАО
Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации	Монреаль, 23.09.71 г.	175	Разработчик ИКАО
Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов	Нью-Йорк, 14.12.73 г.	107	Принята ГА ООН
Международная конвенция о борьбе с захватом заложников	Нью-Йорк, 18.12.79 г.	96	Принята ГА ООН
Конвенция о физической защите ядерных материалов	Нью-Йорк и Вена 03.03.80 г.	68	МАГАТЭ
Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию	Монреаль, 24.02.88 г.	107	—
Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства	Рим, 10.03.88 г.	52	Разработана ИМО**
Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе	10.03.88 г.	48	—
Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения	Монреаль, 01.03.91 г.	67	Разработана ИКАО
Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом	15.12.97 г.	26	Принята ГА ООН
Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма	Нью-Йорк, 9.12.99	–	–
Рекомендации «Группы восьми» по противодействию терроризму	–	–	–
Декларации Генеральной Ассамблеи ООН о мерах по ликвидации международного терроризма	09.12.94 г. и 1996 г.	–	–

* ИКАО – Международная организация гражданской авиации (англ. *International Civil Aviation Organization – ICAO*).

** ИМО – Международная морская организация (англ. *International Maritime Organization – IMO*) – международная межправительственная организация, является специализированным учреждением ООН, служит аппаратом для сотрудничества и обмена информацией по техническим вопросам, связанным с международным торговым судоходством.

Таблица 2

Документ	Место и дата подписания
Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о сотрудничестве в области борьбы с преступностью	Москва, 6.10.97
Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Норвегия о сотрудничестве в борьбе с преступностью	Москва, 26.5.98
Соглашение о сотрудничестве между Правительством Российской Федерации и Правительством Португальской Республики в области борьбы с преступностью	Москва, 29.5.2000
Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индия о сотрудничестве в борьбе с терроризмом	Нью-Дели, 4.12.2002
Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Словения о сотрудничестве в области борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков, терроризмом и иными видами преступлений	Москва, 15.5.2000
Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Швеция о сотрудничестве в борьбе с преступностью	Москва, 19.41.95, с изм. от 2.12.97
Соглашение между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре	Санкт-Петербург, 7.6.2002

Наиболее подробно вопросы проведения совместных контртеррористических операций (КТО) разработаны в странах СНГ, которые в рамках международного сотрудничества создали Антитеррористический центр стран СНГ и разработали ряд важных документов, регламентирующих порядок проведения совместных КТО на территории данных государств (табл. 3).

В целом же антитеррористические международные правовые акты содержат положения, определяющие лишь общие правовые рамки, необходимые для организации действен-

ного международного отпора терроризму.

Как справедливо отмечает Т.М.Виноградская, они не содержат конкретных норм тактических действий против террористов⁹. И хотя, по мнению большинства ученых, принципы антитеррористической борьбы должны быть достаточно жестки и иметь адекватную юридическую поддержку, международные правовые документы пока страдают излишней декларативностью. В первую очередь это относится к юридическому обоснованию мер пресечения террористических акций с использованием мер силового и специального принуждения.

Таблица 3

Документ	Место и дата подписания
Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом	Минск, 04.06.1999 г.
Соглашение о сотрудничестве по обеспечению защиты гражданской авиации от актов незаконного вмешательства	Минск, 26.05.1995 г.
Заявление глав государств – участников Содружества Независимых Государств о борьбе с международным терроризмом	Астана, 16.09.2004 г.
Решение о Докладе о ходе выполнения в 2000 г. Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на период с 2000 до 2003 года и Программы государств – участников Содружества Независимых Государств по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма до 2003 г.	Минск, 01.06.2001 г.
Решение об Информации о ходе выполнения Решения Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 1 декабря 2000 г. об Антитеррористическом центре государств – участников Содружества Независимых Государств	Минск, 01.06.2001 г.
Информация о ходе выполнения Решения Совета глав государств СНГ от 1 декабря 2000 г. об Антитеррористическом центре государств – участников СНГ. Приложение к Решению	Минск, 01.06.2001 г.
Решение о Положении о полномочных представителях государств – участников Содружества Независимых Государств при Антитеррористическом центре государств – участников Содружества Независимых Государств	Минск, 31.05.2001 г.
Решение об Антитеррористическом центре государств – участников Содружества Независимых Государств	Минск, 01.12.2000 г.
Положение об Антитеррористическом центре государств – участников СНГ	
Федеральный закон от 4 мая 2006 г. N 63-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Содружеством Независимых Государств об условиях пребывания на территории Российской Федерации Антитеррористического центра государств – участников Содружества Независимых Государств и Протокола о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Содружеством Независимых Государств об условиях пребывания на территории Российской Федерации Антитеррористического центра государств – участников Содружества Независимых Государств и др.	21.10.2003 г.

Создание полноценной правовой основы борьбы с международным терроризмом, адекватной масштабам этого явления, учитывающей финансовые, организационные, материально-технические, пропагандистские возможности международных террористических организаций, их политическую ангажированность, является настоящей необходимостью. Она существенно усиливается в связи с тем, что до настоящего времени не в полной мере искоренена политика двойных стандартов ряда зарубежных государств, иностранных некоммерческих, неправительственных и международных организаций в отношении силовых мер по борьбе с терроризмом, к которым вынуждена прибегать Российская Федерация. По этой причине одни и те же мероприятия, проводимые Российской Федерацией, США и другими ведущими государствами мира, получают различную оценку¹⁰.

По мнению автора, к неотложным проблемам международно-правового урегулирования деятельности правоохранительных органов и спецслужб в области реализации мер государственного принуждения (его силовой формы), подлежащих совместному решению, следует отнести разработку общепризнанных международных стандартов:

- в области обеспечения прав и свобод личности в условиях особых правовых режимов¹¹;

- основания допустимости ограничения прав и свобод личности при угрозе совершения террористических акций;

- основания, порядок введения, поддержания и отмены особого правового режима «внутреннего вооружен-

ного конфликта» и правового режима «контртеррористической угрозы»;

- основания, порядок и сроки информирования международной общественности о допущенных отступлениях от норм международного права, в области прав и свобод личности, их причинах, обоснованности, временных и пространственных рамках проводимых контртеррористических и иных мероприятий по нормализации обстановки;

- основания, порядок проведения национальными правоохранительными органами и спецслужбами контртеррористических операций на территории иностранных государств.

Что же касается уровня национального законодательства, регулирующего своими нормами меры силового и специального принуждения организаций и лиц к прекращению преступной деятельности, связанной с насильственными посягательствами на национальную безопасность, то необходимо отметить следующее.

Международный опыт свидетельствует, что в большей или меньшей степени разработанности каждое государство имеет свою собственную систему законодательства, рассчитанного на различные чрезвычайные обстоятельства, локализация и ликвидация которых требует применения наряду с другими и силовых форм и способов действий. В российском законодательстве к таким нормативным правовым актам следует отнести:

- федеральные конституционные и федеральные законы, определяющие основания, порядок и содержание правовых режимов контртерро-

ристической операции, чрезвычайного и военного положения;

– федеральные законы, регулирующие правоотношения при наступлении чрезвычайных условий.

Так, в частности, конституционные положения, регулирующие деятельность органов федеральной службы безопасности, других правоохранительных органов и специальных служб, конкретизируются в следующих федеральных законах Российской Федерации:

– Федеральном конституционном законе от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»¹²;

– Федеральном конституционном законе от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»¹³;

– Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»¹⁴;

– Федеральном законе от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» (и последующих редакциях)¹⁵;

– Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹⁶;

– Законе Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации»¹⁷;

– Федеральном законе от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»¹⁸;

– Федеральном законе от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне»¹⁹;

– Федеральном законе от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»²⁰;

– Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»²¹;

– Федеральном законе от 27 июня 2006 г. № 153-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»²² и др.

Одним из важнейших выводов, который может быть сделан из опыта реализации органами Федеральной службы безопасности, органами внутренних дел и военного управления задач в зоне проведения контртеррористических операций на территории Северного Кавказа является понимание того, что реагирование на кризисные и иные чрезвычайные обстоятельства нельзя рассматривать только как деятельность по ликвидации проявлений тех или иных угроз безопасности. Приоритетное значение имеют:

– предотвращение и нейтрализация угроз безопасности на ранних стадиях развития конфликтных отношений;

– заблаговременная разработка и своевременная реализация эффективных мер по урегулированию и разрешению конфликтного противоборства до его перехода в стадию вооруженного конфликта.

В действующем законодательстве эти вопросы пока не решены. Нет норм права, в которых были бы даны соответствующие понятия и определения, раскрывающие содержание такой деятельности органов государственной власти. Не сформулированы ее стратегия, принципы и методы, не определена четко система необходимых для этого сил и средств.

Федеральными законами Российской Федерации установлен порядок и условия применения физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники со-

трудниками правоохранительных органов в обычных условиях мирного времени. Однако проблема заключается в том, что порядок их применения автоматически распространяется и на условия районов кризисных ситуаций и вооруженных конфликтов. Вместе с тем специфика последних, обуславливающая их глубокие отличия от обычных условий обстановки, очевидны.

Таким образом, учитывая неготовность общественного мнения к ограничению прав и свобод граждан вследствие применения уполномоченными государственными органами силовых способов борьбы с насильственными посягательствами на национальную безопасность, представляется своевременным и целесообразным четко регламентировать эти вопросы именно на законодательном уровне.

Показательными в этом смысле представляются отзывы специалистов Главного правового управления Администрации Президента Российской Федерации и Правового управления Правительства Российской Федерации на проект Федерального закона о противодействии терроризму, а также дискуссия среди депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, состоявшаяся в феврале 2006 г. в ходе его обсуждения. Возражение значительного числа депутатов вызвало включение в проект закона нормы, предусматривающей ограничение ряда прав и свобод граждан при введении нового для российского за-

конодательства особого «*правового режима контртеррористической операции*».

Посчитав, что такие ограничительные правовые нормы могут являться составной частью правовых установлений лишь режима чрезвычайного положения, депутаты активно пытались исключить их из проекта. Одновременно из поля правового регулирования выпали другие меры, предложенные в проекте закона, в частности, введение еще одного принципиально нового особого правового режима – «*режима террористической опасности*», предусматривавшего реализацию мер, направленных на повышение готовности оперативно-боевых сил и средств общегосударственной системы противодействия терроризму при получении (поступлении) информации о готовящемся крупномасштабном преступлении.

В то же время следует заметить, что в законодательстве США и ряде других государств уже давно подробно регламентируются действия сил специальных операций, спецслужб и военных органов управления в кризисных ситуациях. При этом такого рода законодательные нормы обязательно находят отражение в подзаконных нормативных правовых актах. Характерно, что существенное место в данных документах отводится не только вопросам недопущения и срыва готовящихся террористических акций, но и вопросам правовой защищенности и поддержанию дееспособности сил обеспечения правопорядка*.

---

* Пункт 1, § 5122, ст. 42 Свода законов США; Закон США «О внутренней безопасности»; Закон Великобритании «Об общественном порядке»; Закон Франции «О свободе прессы»; Закон США «О контроле над преступностью и общественной безопасностью»; Закон Великобритании «О предотвращении терроризма»; Закон Канады «О чрезвычайном положении» и др.

Примечания

- ¹ *Макеев А.В.* Политика и безопасность. М.: Щит. 1998. С. 18–19.
- ² Конституция Российской Федерации: полный официальный текст по состоянию на 1 января 2012 г. М.: Проспект. 2012.
- ³ *Момджян К.Х.* Введение в социальную философию. М., 1997. С. 134.
- ⁴ *Семенов Ю.И.* Философия истории. М.: МФТИ, 2003. С. 433.
- ⁵ *Колотуша В.В.* Социально-философская концепция силового принуждения как методологический подход к обеспечению государственной безопасности от угроз силового характера // Концептуальные основы обеспечения государственной безопасности Российской Федерации: Сб. матер. межвед. науч.-практ. конф. (7 декабря 2010 г.). Академия ФСБ России. М., 2011. С. 130–139.
- ⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. М.: Проспект, 2012.
- ⁷ *Горбунов Ю.* Закон против террора. Формируется национальная правовая система противодействия терроризму // РГ. 2006. 9 авг.
- ⁸ Гаагская конвенция «О борьбе с незаконным захватом воздушных судов», 1970 г.; Европейская конвенция по борьбе с терроризмом 1977 г.; Международная конвенция Генеральной Ассамблеи ООН о борьбе с захватом заложников 1979 г. // URL: www.kn.org
- ⁹ *Виноградская Т.М.* Особенности современного терроризма и правовые основы борьбы с ним в международном формате // Законодательное обеспечение борьбы с терроризмом. Сб. документов и материалов. М.: Издание Государственной думы, 2003. С. 81.
- ¹⁰ *Иванов С.Б.* Россия – НАТО: стратегические партнеры перед лицом новых угроз // Право и безопасность. 2004. № 3. С. 47–52; *Максимов О.М.* Права человека в современной России // Власть. 2003. № 10. С. 6–7.
- ¹¹ *Пчелинцев С.В.* Проблемы ограничения прав и свобод в условиях особых правовых режимов. М.: Норма, 2006. С. 415.
- ¹² СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.
- ¹³ СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.
- ¹⁴ СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 6.
- ¹⁵ СЗ РФ. 2003. № 15. Ст. 1269.
- ¹⁶ СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
- ¹⁷ СЗ РФ. 1994. № 16. Ст. 1861.
- ¹⁸ СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2750.
- ¹⁹ СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 799.
- ²⁰ СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1014.
- ²¹ СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
- ²² СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1214.

Евразийское экономическое сообщество

ЕврАзЭС: специфика, внутренние процессы, перспективы

Изатулло Холов

Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) было учреждено 10 октября 2000 г. главами пяти государств – Белоруссии, Казахстана, России, Таджикистана и Киргизии. В мае 2002 г. статус наблюдателей в ЕврАзЭС получили Молдавия и Украина, а в мае 2003 г. – Армения. В январе 2006 г. в ЕврАзЭС вошел, но в октябре 2008 г. приостановил свое членство Узбекистан. Так сформировался состав объединения, сохранившийся по сей день. Организация открыта для приема любых членов, которые готовы принять на себя соответствующие обязательства.

Важно подчеркнуть, что уже самим фактом подписания Договора об образовании ЕврАзЭС возникало одно из наиболее крупных региональных объединений в мире.

Организация охватывает площадь 20,4 млн кв. км, что составляет 40% площади Евразийского континента, и объединяет страны с населением без малого 180 млн чел.¹

Это соответствует примерно двум третям населения Содружества Независимых Государств и трем четвертям его совокупного ВВП, при этом в ЕврАзЭС вырабатывается три четверти промышленного и две трети сельскохозяйственного производства СНГ².

Согласно Договору об учреждении ЕврАзЭС, объединение создавалось для дальнейшего продвижения сторонами процесса формирования Таможенного союза, а так-

же реализации других целей и задач, определенных в ранее принятых соглашениях с участием вошедших в ЕврАзЭС государств. В качестве наиболее важных задач были выделены:

ХОЛОВ Изатулло Амонович – соискатель Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. *E-mail:* olga_polnikova@mail.ru

Ключевые слова: ЕврАзЭС, СНГ, ЕС, интеграция, Таможенный союз.

– завершение оформления режима свободной торговли, формирование общего таможенного тарифа и единой системы мер нетарифного регулирования;

– формирование общего рынка транспортных услуг и единой транспортной системы;

– формирование общего энергетического рынка;

– сближение и гармонизация национальных законодательств;

– обеспечение взаимодействия правовых систем государств ЕврАзЭС с целью создания общего правового пространства в рамках Сообщества³.

В связи с этим необходимо подчеркнуть один момент, часто упускаемый из виду комментаторами и экспертами по ЕврАзЭС. Поскольку основой объединения был Таможенный союз Белоруссии, Казахстана и России (1995 г.), таможенная проблематика изначально доминировала в целях и задачах ЕврАзЭС, и главной его задачей было объявлено формирование полноценного Таможенного союза. Поэтому Сообщество и следует рассматривать прежде всего как институт, управляющий интеграцией таможенных пространств государств-членов. Конечно, ЕврАзЭС уже при своем учреждении декларировало и целый ряд других задач, предполагающих куда более глубокую и широкую интеграцию, чем только таможенная, но все же при анализе достижений и неудач Сообщества в первую очередь следует исходить из того, как оно решало главную свою задачу – формирование Таможенного союза⁴. В противном случае, как это часто получается у комментаторов, ход развития ЕврАзЭС будет рассматриваться сквозь при-

зму чрезвычайно широких общеинтеграционных задач, многие из которых просто не могут быть решены за столь короткое время существования Сообщества.

Подчеркивание таможенной составляющей ЕврАзЭС как основы и главного ориентира Сообщества является важным еще и потому, что это напрямую связано с вопросом, чем именно является Сообщество по своей политической и экономической природе.

В источниках, особенно официального и полуофициального характера, постоянно проводится мысль о том, что ЕврАзЭС следует или должно следовать модели Европейского союза. С другой стороны, в дискуссиях специалистов постоянно присутствует вопрос о том, чем ЕврАзЭС отличается от СНГ. Кроме того, Сообщество можно сравнивать еще с десятком интеграционных объединений, существующих в мире.

Здесь ограничимся двумя вопросами – чем ЕврАзЭС схоже и отличается, во-первых, от СНГ и, во-вторых, от ЕС. Именно такой анализ позволит определить действительную политическую природу объединения, а вместе с тем и более четко высветит его динамику и перспективы.

Начнем с сопоставления Евразийского экономического сообщества и Содружества Независимых Государств.

В отличие от СНГ, образовавшегося в период распада прежде единого государства – СССР, ЕврАзЭС изначально возникло как объединение независимых государств – и не по вынужденной необходимости, а по ясно осознанному государственному

выбору стран-участниц. СНГ представляло и представляет собой попытку фронтального объединения большинства государств постсоветского пространства с очень широким кругом задач и целей – от политического и экономического до военного и культурного сотрудничества. В отличие от СНГ, ЕврАзЭС – это более компактное сообщество⁵, изначально сконцентрировавшееся на экономической, более всего на таможенной, проблематике (что касается военного сотрудничества, то Сообщество предпочло осуществлять его в рамках другой организации – ОДКБ, состав которого почти в точности совпадает с ЕврАзЭС).

ЕврАзЭС к моменту образования, в отличие от СНГ, уже имело определенную предысторию – эволюцию Таможенного союза, начиная с российско-белорусского соглашения (6 января 1995 г.), к которому сразу же присоединился Казахстан, в 1996 г. – Киргизия, а в 1999 г. – Таджикистан.

К 2000 г., таким образом, на евразийском пространстве был накоплен определенный опыт интеграции, пусть даже во многом негативный. Есть еще одна черта ЕврАзЭС, принципиально отличающая его от СНГ: Сообщество изначально заложило в основу своей работы принципы разносторонней интеграции и разного «удельного веса» государств-участников.

Вообще разносторонняя интеграция⁶ – это явление из истории СНГ. Но там перепад в темпах интеграционных тенденций возник не сразу и был отмечен экспертами лишь задним числом как свершившийся факт. В отличие от этого ЕврАзЭС изначально при-

нял решение о том, что первый эшелон интеграции вообще и формирования Таможенного союза в частности составят три государства – Белоруссия, Казахстан и Россия, а второй – Киргизия и Таджикистан, «по мере вызревания в них условий для присоединения к Таможенному союзу».

Таким образом, работа ЕврАзЭС с самого начала была поставлена на реалистическую основу, чего так не хватало СНГ. При этом предполагается, что успехи в развитии «первого эшелона», «ядра» интеграции со временем привлекут к работе Сообщества Молдавию, Украину и в будущем, возможно, другие государства, что приведет к его территориальному расширению.

Столь же реалистично Сообщество решило и вопрос об определении доли государств в процессах принятия решений. В отличие от СНГ, где решения принимаются консенсусом, ЕврАзЭС ввел систему взвешенного голосования. Было решено, что в Интеграционном комитете – постоянном действующем органе ЕврАзЭС – количество голосов будет соответствовать взносу каждой стороны в бюджет Сообщества, в результате чего России было отведено 40 голосов, Белоруссии – 20, Казахстану – 20, Киргизии – 10 и Таджикистану – 10. Примерно в таком же соотношении распределились места в Межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС, где Россия к середине 2010 года была представлена 42 парламентариями, Белоруссия – 16, Казахстан – 16, Киргизия – 8, Таджикистан – 8 и Узбекистан – 16 парламентариями¹ (при этом представители Узбекистана в работе Межпарламентской ассамблеи не участвуют).

Важно подчеркнуть, что принцип взвешенного голосования при принятии решений не только справедлив, но и благоприятен в отношении «малых» членов Сообщества, поскольку он дает им больше голосов, чем они имели бы по любому из возможных критериев: по численности населения, по доле ВВП или промышленного производства в совокупном валовом продукте объединения. Вообще, вводя этот принцип, Сообщество, по существу, предложило принципиально новое решение одной из наиболее сложных проблем постсоветской интеграции – крайней экономической асимметрии между государствами-членами при явно выраженном превосходстве российской экономики.

У авторов, критически настроенных по отношению к ЕврАзЭС, часто встречается мысль о том, что принятая система голосования «закрепляет гегемонию России» (и это отчасти фактически справедливо). Но с другой стороны, этот механизм может стать катализатором более активного участия Российской Федерации в делах ЕврАзЭС, в то время как система консенсусного принятия решений, существующая в СНГ, уравнивая «большие» и «малые» экономики, отнюдь не всегда способствовала заинтересованности России в продвижении крупных интеграционных проектов.

Наконец, еще одним важным отличием от СНГ стало то обстоятельство, что в деятельность ЕврАзЭС изначально было положено наднациональное начало.

Так, в Межгосударственном совете Сообщества решения принимаются большинством в две трети голосов

и, по крайней мере теоретически, подлежат обязательному исполнению⁷, чего так и не добилось СНГ за 20 лет своего существования. При возникновении коллизий интересов и решений внутри Сообщества его члены могут обращаться в Суд ЕврАзЭС, реально приступивший к своей деятельности в 2012 г.

Таким образом, ЕврАзЭС в целом ряде существенных отношений отличается от СНГ. Можно сказать, что Сообщество – это то, что на постсоветском пространстве возникло после того, как наиболее активные участники интеграционных процессов учли негативные уроки СНГ и решили не допускать этих ошибок в дальнейшем.

Вместо аморфного Содружества с «размазанной» повесткой дня и свободой выполнения или невыполнения принимаемых на высшем уровне СНГ решений возникло компактное объединение, достаточно четко определившее свои задачи и предусмотревшее механизмы их выполнения.

Второй вопрос насколько в ЕврАзЭС воплощены черты Европейского союза.

Хотя ассоциации с ЕС изначально были сильны у архитекторов и лидеров ЕврАзЭС, не только у Н.Назарбаева, но и у других политических деятелей, конкретный анализ темы показывает, что эти ассоциации далеко не во всем основательны.

Если Европейский союз развивался путем последовательного формирования вначале общего таможенного, затем экономического и, наконец, валютного пространства в течение довольно длительного времени пос-

ле того как в 1957 г. было провозглашено образование Европейского экономического сообщества, то ЕврАзЭС пошел по пути «скоростного», по существу форсированного, «волевого» перехода к более сложным стадиям интеграции до того, как была завершена работа по формированию реально работающего единого таможенного пространства хотя бы в ядре Сообщества – Белоруссии, Казахстане и России.

Необходимо сказать, что у многих наблюдателей само учреждение ЕврАзЭС и объявленные им задачи вызвали серьезные вопросы, в особенности по отношению к тому, что Таможенный союз в документах ЕврАзЭС одновременно фигурирует как основа и предпосылка интеграции (в варианте 1995–1999 гг.) и как ее цель по отношению к периоду 2010–2012 гг.

По-разному решается в двух объединениях и вопрос о соотношении между национальными и наднациональными принципами регулирования деятельности.

В ЕС шло постоянное укрепление принципов наднационального регулирования при добровольной передаче (через референдумы) части национального суверенитета в политической, экономической, валютной и внешней политике органам ЕС, что, пожалуй, в наиболее выраженной форме проявилось в замене национальных валют единой валютой – евро. По сравнению с этим наднациональное начало, хотя и принятое в ЕврАзЭС, развито здесь еще крайне слабо, а о единой валюте речь идет разве что в проектах с неясной перспективой на реализацию⁸.

Принципиально по-разному в ЕС и ЕврАзЭС складывается соотноше-

ние между двумя процессами – развитием взаимоотношений государств «снизу» и формированием общих институтов «сверху».

В ЕС отношения институционализировались по мере и после того, как был достигнут значительный прогресс в экономических, социальных и политических взаимоотношениях государств-членов. При этом общие институты в ЕС по преимуществу заняты осуществлением крупномасштабных проектов Сообщества и(или) решают его наиболее сложные задачи.

В противоположность этому в ЕврАзЭС общие институты политической «надстройки» развиваются с явным опережением динамики взаимных отношений; крупномасштабные проекты общерегионального масштаба, по сути, не иницируются; взаимные инвестиции очень незначительны; экспорт-импорт новейших технологий не развивается и, по существу, вообще не играет серьезной роли в развитии государств-членов.

Совершенно разный вид в ЕС и ЕврАзЭС имеет соотношение между макро- и микроэкономическими подходами к интеграции. В ЕС интеграция развивалась как функция взаимодействий одновременно на макро (государства, экономические отрасли) и микроэкономическом уровне (компании)⁹. В ЕврАзЭС почти безраздельно доминируют макроподходы (учреждение общих межгосударственных институтов, гармонизация законодательства, координация экономической политики), а национальные компании государств-членов развиваются по своей логике, часто отличающейся от провозглашенных целей интеграции.

Наконец, и это, возможно, одно из принципиальнейших различий между двумя организациями: ЕС объединил страны со сформировавшимися, зрелыми гражданскими обществами, в которых частный бизнес независим от государства, а члены

ЕврАзЭС представляют собой лишь недавно образовавшиеся независимые государства со слабо развитыми институтами гражданского общества и сильно выраженной зависимостью частнокапиталистического сектора от государства.

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что ЕврАзЭС представляет собой, по существу, уникальное интеграционное образование, принципиально отличное как от СНГ, так и от ЕС, а всякие ассоциации с этими образованиями либо поверхностны, либо основаны лишь на формальном сходстве в том или ином отношении.

Примечания

- ¹ ЕврАзЭС сегодня. 2011. Секретариат Интеграционного комитета Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). М., 2011. С. 4, 14.
- ² Бизнес в ЕврАзЭС в условиях Таможенного союза и Единого экономического пространства. Интервью Генсека ЕврАзЭС Т.А.Мансурова. Беседовала И.Нигмадзянова // Литер // URL: http://www.liter.kz/index.php?option=com_content&task=view&id=7395&Itemid=4
- ³ Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества // Евразийское Экономическое сообщество // URL: <http://www.evrzazes.com/about/history>
- ⁴ Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) // E-report.ru. Мировая экономика // URL: <http://www.ereport.ru/articles/ecunions/eurazes>
- ⁵ Желенин А. Ещё не ЕЭС, но уже не СНГ // Русский курьер // URL: <http://www.ruscourier.ru/archive/947>
- ⁶ Филькевич И. Перспективы развития экономического потенциала Содружества Независимых Государств. Двадцать лет интеграции. М., 2011.
- ⁷ Кавешников Н. Развитие институциональной структуры Евразийского экономического сообщества // Евразийская экономическая интеграция. 2011 май. № 2(11). С. 21.
- ⁸ Панфилова В. У ЕврАзЭС появится своя валюта. Региональная структура СНГ за пять лет овладела мощными интеграционными технологиями. Интервью с генеральным секретарем ЕврАзЭС Григорием Рапотов // НГ // URL: http://www.ng.ru/cis/2005-11-01/4_evrzazes.html
- ⁹ Основные этапы развития интеграционного процесса в ЕС // Библиотека менеджмента // URL: <http://www.management.aaanet.ru/economics/process-es.php>

Второй штурм Грозного

Интервью авторов книги «Грозный. Особый район»

Валерий Журавель
Александр Лебедев

Среди книг о чеченской войне хотелось бы выделить книгу В.Журавеля и А.Лебедева «Грозный. Особый район»*, изданную в конце 2011 г., в которой дана хроника действий воинских частей и подразделений федеральных войск в ходе контртеррористической операции по освобождению столицы Чечни от незаконных вооруженных формирований в декабре 1999 – феврале 2000 г. Именно Грозненская операция, которая длилась 43 дня, по своей значимости, запредельному напряжению, сложности и драматизму стала переломной во второй чеченской кампании.

На вопросы редакции журнала отвечают авторы книги Валерий Журавель и Александр Лебедев.

Перед тем как начнем говорить о книге давайте попытаемся ответить на вопрос: чем, на ваш взгляд, отличается первая чеченская война от второй?

В.Журавель. Первая чеченская война (1994–1996 гг.) сильно подорвала президентство Б.Ельцина, была испытанием сепаратизмом,

---

ЖУРАВЕЛЬ Валерий Петрович – член Экспертного совета Комитета Государственной Думы ФС РФ по безопасности, кандидат педагогических наук, полковник запаса. *E-mail:* zhvalery@mail.ru

ЛЕБЕДЕВ Александр Владимирович – сотрудник пресс-бюро внутренних войск МВД России, подполковник, член Союза журналистов России. *E-mail:* zhvalery@mail.ru

Ключевые слова: федеральные войска, внутренние войска МВД России, Северный Кавказ, второй штурм Грозного, терроризм, список погибших военнослужащих.

* Рецензия на книгу. Соловов А. Героическая страница истории внутренних войск МВД // Обозреватель–Observer. 2012. № 6.

толчком к радикализации ислама на Северном Кавказе, привела к появлению сотен тысяч беженцев, показала слабость армии, МВД и спецслужб, их разобщенность. Она была непонятна населению страны, в гражданском обществе вызывала протест. Армия воевала в невоюющей стране. Война завершилась позорным Хасавюртовским соглашением. Ко всему этому она обнажила недостатки в подготовке, вооружении, действиях армии и силовых структур.

Первая война поставила диагноз недееспособности российской военной организации в целом, всех ее составляющих на всех уровнях. Проводимая реформа армии свелась к механическим обвальным организационно-штатным мероприятиям. Система отсрочек от призыва, массовое увольнение молодых офицеров, офицеров батальонного и полкового звена, сворачивание боевой подготовки резко ухудшили качество и подготовку рядового и офицерского состава. Морально-психологическое состояние личного состава оставляло желать лучшего, грязная работа полицейской направленности, которую делала в последние годы армия, вызывала внутренний протест.

Политическое и военное руководство страны жило воспоминаниями о боевой мощи и славе армии и не представляло себе реального состояния вооруженных сил страны. Поэтому армия, не имея, по существу, боеготовых соединений и частей, в 1994–1996 гг. воевала сводными частями, подразделениями, даже экипажами.

Войска понесли неоправданно большие потери в живой силе и тех-

нике. Итогом этой войны стало крушение мифа о несокрушимой мощи Российской армии. Может, эти мои оценки слишком жесткие и прямолинейные, но, во всяком случае, справедливые. Итог этой войны – это плата за неразбериху, непоследовательность в реформе силовых структур.

А. Лебедев: С нападением боевиков в августе 1999 г. на Дагестан началась вторая чеченская война, которая стала испытанием для территориальной целостности России. В ней армия действовала более целенаправленно и четко, совместно со спецслужбами и правоохранительными органами смогла нанести значительный урон боевикам. Ее действия с самого начала получили поддержку большей части граждан страны.

За три года после Хасавюрта было сделано немало для укрепления армии.

Были значительно усилены Северо-Кавказский военный округ и Северо-Кавказский округ внутренних войск. На опыте первой войны стала активнее развиваться российская военная теория и практика, совершенствоваться организационно-штатная структура войск. Более эффективно стали решаться вопросы морально-психологического, кадрового, тылового, технического обеспечения. Хотя и здесь было немало проблем. Они в той или иной степени проявились во второй войне.

В. Журавель. Хотел бы подтвердить этот вывод. Во второй войне было не меньше проблем, но было меньше потерь, предательства, было больше уверенности в правоте того

дела, которое делали федеральные войска на Северном Кавказе, что способствовало созданию условий, предпосылок для реального установления конституционного порядка в Чечне. Во многом этому способствовала активная, настойчивая деятельность Владимира Владимировича Путина, который в этот период стал Председателем Правительства России.

В своей работе вы опирались на многие издания, посвященные этому периоду российской истории. Что для вас здесь было главным?

В. Журавель. Вторая война, как и первая, стала через какое-то время предметом исследований, воспоминаний и соответствующих публикаций политиков, военных, историков и непосредственных участников войны.

Среди книг, статей по второй войне я хотел бы выделить мемуары генерал-полковника Г. Трошева «Моя война», генерал-лейтенанта Г. Фоменко «От солдатских погон до генеральских».

Содержательными являются книги М. Федоренко «Русский гамбит генерала Казанцева», Н. Гродненского «Вторая чеченская. История вооруженного конфликта», Б. Карпова «Внутренние войска: кавказский крест-2» и других.

Кстати, книга Бориса Васильевича Карпова была первой, посвященной анализу этого периода российской истории. Интересные публикации по этой теме мы нашли и в журналах «На боевом посту», «Братишка» и других.

А. Лебедев. Знакомство с этой литературой показало, что операция по взятию Грозного в этих источниках была освещена недостаточно полно, не просматривалась ее динамика и противоречивость. Создавалось такое впечатление, что войска пробежали, проскочили через Грозный.

На самом деле это было не так. Было сложно, трудно, болезненно, тяжело.

С чего началась работа над книгой «Грозный. Особый район»? В чем преимущества и недостатки совместной работы над книгой?

В. Журавель. Эта работа имеет несколько этапов. Я собрал немало материалов за период с декабря 1999 по март 2000 г., когда исполнял обязанности заместителя командующего группировкой внутренних войска МВД России на территории Северо-Кавказского региона. Главное – это ощущения, переживания с этой войны, дневниковые записи. Потом мы детально изучили отечественную печать того периода. То, что писали в газетах, размещалось в Интернете, было далеко от того, что было на самом деле в Чечне. В Интернете выработали для себя алгоритм поиска, который позволил нам по каждому дню грозненских событий иметь конкретный банк данных.

А. Лебедев. В марте 2003 г. вышла наша совместная статья в газете «Независимое военное обозрение» под названием «Второй штурм Грозного». Она была положительно оценена нашими сослуживцами, рядом военных историков, журналистов. В течение этого года мы работали достаточно интенсивно и к началу 2004 г., как нам казалось, завершили работу. Объем ее составил более 200 страниц. Она и сейчас находится в нашем архиве.

Сейчас, листая страницы этого небольшого «кирпича», убеждаешься в слабости, поверхности работы. Хорошо, что была сделана пауза и мы ее не напечатали.

Тогда же состоялся содержательный разговор с коллегами, которые высказали целый ряд рекомендаций и благословили нас на работу над полноценной книгой о втором штурме Грозного.

Рекомендации В.Панченкова, Б.Карпова, А.Эдокова, В.Шереметы, В.Доможирова, С.Колесникова, В.Николайчука, Г.Жириленко значительно обогатили наши подходы к будущей работе.

В.Журавель. В работе над книгой нам удалось собрать максимум документов того периода. К ним следует отнести приказы, директивы, распоряжения, телеграммы, выписки их журналов боевых действий, дневниковые записи. Все это мы свели в единое целое.

Все было правильно, но было какое-то ощущение внутренней пустоты. Не хватало частностей, деталей, не чувствовалась атмосфера того периода. Поэтому мы пришли к выводу, что необходимо многие вещи показать через людей, которые были там, были их активными участниками, видели все то, что там происходило.

С середины 2005 г. Александр Владимирович, профессиональный военный журналист взял на себя очень трудную и важную часть обязанностей по дальнейшей работе над книгой.

Им были проведены десятки встреч и бесед с непосредственными участниками этих драматических событий. Это были и руководители правительства России, и внутренних войск МВД России. Состоялись многочасовые беседы с командующими группировок войск, командирами

воинских частей, их заместителями, начальниками штабов, командирами батальонов и рот. Много интересного и поучительного рассказали офицеры воспитательных структур, военные медики, тыловики, офицеры, а также прапорщики, сержанты и солдаты. Все это составило живую ткань тех событий.

А.Лебедев. Для каждого участника встречи или беседы составлялся свой вопросник. Это позволило не только уточнить ход боевых действий, воссоздать их хронологию, но и оживить материал, создать более полную, достоверную картину произошедшего, уточнить массу фактов служебно-боевой деятельности войск, максимально подробно восстановить масштабную картину решающей фазы борьбы федеральных сил с бандформированиями, выдержать логику и динамизм повествования.

В результате события стали ярче. Воспоминания участников впечатляют своей искренностью, уверенностью в правоте того дела, которое делали военнотруженики в Грозном, ежедневно рискуя жизнью, теряя боевых товарищей.

Свою работу вы охарактеризовали как «опыт документальной реконструкции». В чем это нашло свое отражение?

В.Журавель. Это является отражением нашего второго этапа работы над книгой. С 2005 г. начался период глубокого осмысления имеющегося материала и накопления нового. Мы приняли решение в основном освещать деятельность внутренних войск, при этом содержание документов подтверждать свидетельствами участников боевых действий.

А. Лебедев. Это так, но я хотел бы отметить, что рассказы участников боевых действий, консультации с товарищами, сослуживцами всегда очень полезны, но они имеют определенные границы. Авторское изложение здесь является главным и определяющим.

О чем книга, какая ее структура и особенности?

А. Лебедев. Период времени, о котором идет речь, небольшой – всего 43 дня, но его значение для судьбы современной России трудно переоценить.

Книга насчитывает 416 страниц и состоит из трех глав и заключения.

В первой главе «Брать или не брать?» рассказывается, как на политическом и военном уровнях принималось решение о проведении операции.

Вторая глава «Смерти вопреки» посвящена первому, наиболее трудному этапу операции – с 26 декабря 1999 г. по 17 января 2000 г.

Третья глава «Мы пришли сюда навсегда» повествует о заключительном этапе спецоперации – с 17 января по 7 февраля 2000 г.

В разделе «Сердце не отболит» помещен список из 269 военнослужащих внутренних войск, погибших при выполнении задач в период проведения операции в Грозном и в близлежащих с чеченской столицей населенных пунктах. Большинство из них награждены орденом Мужества, некоторые удостоены звания Героя России (посмертно). Эпиграфом к этому печальному списку стали яркие, наполненные глубоким жизненным смыслом стихи Бориса Шаховского:

*...Мы очень молодые люди,
Но здесь, на огненном ветру,
Не знаем – будем или не будем
Во взводных списках поутру.*

*Кого-то вычеркнет неслышно
Вот этот хмурый день войны.
А ведь никто из нас не лишний,
Мы все любимы и нужны.*

В книге мы старались раскрыть правду войны, рассказать о тяжелейшей работе солдат и офицеров в боевой обстановке, о высочайшем моральном духе, мужестве и доблести тех, кто выкорчевывал бандитскую нечисть из чеченской земли, о войсковом товариществе и взаимовыручке. В книге показывается, какую колоссальную роль сыграли в штурме чеченской столицы войска правопорядка, какие жертвы они принесли в мятежном регионе, чтобы сохранить территориальную целостность России, создать условия для того, чтобы Чечня пошла по пути мирного строительства.

В. Журавель. Эта книга о военнослужащих, людях поступка и действия.

Перед сдачей рукописи в печать мы попросили прочитать ее и высказать свое мнение генерала армии Юрия Николаевича Балубевского, бывшего начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. В январе 2000 г. он был в Грозном и принимал участие в уточнение плана операции. Первое, что он сказал: так о чеченской войне пока еще никто не писал; указал на смелость авторов показывать различные точки зрения, аргументы при принятии решений, подтвердил тезис о необходимости детально анализировать опыт прошед-

ших контртеррористических операций в Чечне.

Такого опыта в книге недостаточно, его необходимо учитывать при проведении военной реформы, формировании нового облика армии, при совершенствовании служебно-боевой деятельности войск.

Большое количество фотографий, рассказы очевидцев наглядно раскрывают ожесточенный и драматический характер событий, без прикрас показывают жизнь военнослужащих в боевых условиях, поведение солдат, сержантов, офицеров и генералов.

В книге есть такая фраза: «Война – это всегда другая реальность. У войны свои законы, которые определяют суть происходящего. На войне у солдат и офицеров одна, предельно ясная цель: выполнить задачу дня и остаться при этом в живых».

Я хотел бы привести один из отзывов на книгу. Студент Елена Марчан написала: «Это книга о жизни нашей страны, о войне и утратах, о героизме и подлости. Главное в ней – люди и их судьбы. Пока у России есть такие люди, у страны есть будущее. Значит, Родине-матери надо бережнее к ним относиться, проявлять постоянную заботу о своих сыновьях-воинах не только в лихую годину, но в мирные дни. Они это заслужили». Мне кажется, очень верно и мудро сказано.

После выхода книги прошло не так много времени, но в печати появились уже рецензии, отклики на книгу. Они разные, но в основе своей положительной направленности. В одной из них указывается: «На её страницах – россыпи ценнейшего опыта. Уже по одной этой причине книга настойчиво просится в разряд настольных к офицерам Вооруженных Сил,

внутренних войск, полиции и других силовых структур. Трудно переоценить и роль, которую способен сыграть этот добротный изданный том в военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения. Ну и, разумеется, такие книги питают чувство гордости людей в погонах за принадлежность к рядам защитников Отечества». Что вы можете сказать по этому поводу?

А.Лебедев. Приятно слышать такую оценку. Действительно, в книге можно найти много поучительного и важного, что может быть использовано в управленческой и повседневной деятельности командира. Это и твердая позиция в отстаивании принятого решения, и методы согласования действий между должностными лицами разных ведомств, и принятие решения по вопросам использования военнослужащих в боевых условиях, мобилизации личного состава на выполнение стоящих задач.

В.Журавель. В книге раскрыт целый комплекс мероприятий по морально-психологическому обеспечению, поддержанию и повышению морального духа военнослужащих в боевой обстановке, раскрывается практика взаимодействия со средствами массовой информации и институтами гражданского общества. Это и вопросы организации связи и взаимного обмена информацией со штабами МВД, Минбороны, ФСБ, МЧС и другими вооруженными формированиями. К ним также следует отнести вопросы разработки и доведения до войск сигналов взаимного оповещения, опознавания, согласование их со всеми задействованными силами. В книге показано, как уточнялся порядок взаимодействия при осложнениях и других измене-

ниях обстановки. Таких примеров можно привести множество.

Содержание книги построено на анализе противоборства федеральных войск и боевиков. Наряду с показом зверств и бесчинств боевиков мы старались дать анализ действий незаконных вооруженных формирований, не умоляя их сильных сторон. Ведь к началу боев в Грозном, несмотря на потери, группировка боевиков оставалась боеспособной, на некоторых направлениях действий федеральных войск имела количественный перевес. Поэтому победа досталась нелегко.

А.Лебедев. Подтверждая этот тезис, я хотел бы отметить: несмотря на то что вышедшая в свет книга рассказывает о событиях более чем десятилетней давности, ее содержание актуально, оно тесно связано с современностью и устремлено в будущее не только Северного Кавказа, но и всей России.

В.Журавель. Сегодня Грозный полностью восстановлен, республика возвращена в правовое поле, развивается ее экономика, социальная и культурная сфера, хотя не все проблемы решены и на Северном Кавказе пока неспокойно. Там по-прежнему ведется борьба с бандподпольем, которая трудна и жестока и, к сожалению, не обходится без потерь.

Книгу мы завершили панорамными фотографиями восстановленного Грозного с подтекстом о том, что жертвы были не напрасны. Нынешним руководителям Чечни, ее жителям об этом необходимо помнить с благодарностью.

Хотел бы отметить, что издание книги осуществлено при помощи ве-

терана боевых действий, в прошлом военнослужащего внутренних войск МВД СССР Игоря Ивановича Бондаренко.

А.Лебедев. Сейчас книга живет своей жизнью. Мероприятия последних месяцев подтверждение этому.

В книге, как мы уже говорили, помещен поименный список военнослужащих внутренних войск МВД России, отдавших свои жизни при освобождении Грозного, подготовленный С.С.Колесниковым, ныне главным редактором журнала «На боевом посту».

Этой непростой, но благородной работе он посвятил несколько лет, провел много встреч с родителями, родственниками, друзьями и боевыми товарищами погибших. О многих из них рассказывается, упоминается в нашей книге.

В России увековечивается память о погибших военнослужащих, например, 6 декабря 2011 г. в общеобразовательной школе № 3 г. Курчатов Курской области состоялось открытие мемориальной доски в память о ее выпускнике, военнослужащем внутренних войск Кавалере Ордена Мужества Алексее Анатольевиче Москаленко, погибшем 29 декабря 1999 г., в самом начале операции по освобождению Грозного от незаконных вооруженных формирований.

9 декабря 2011 г. был отмечен День Героев Отечества. Сейчас во внутренних войсках 103 Героя Российской Федерации. Среди них участники контртеррористической операции в Грозном, это: генералы М.Паньков, И.Груднов, Г.Фоменко, офицеры Е.Кукарин, В.Нургалиев,

Н.Кульков, сержант А.Белодедов, старший сержант М.Дангириев, ефрейтор Е.Бушмелев, рядовой Р.Мустафин.

Информация об их подвигах, действиях в экстремальных ситуациях, содержащаяся в книге, является важным направлением в патриотическом воспитании военнослужащих и гражданской молодежи.

В.Журавель. 24 февраля 2012 г. в Центральном музее МВД России состоялась презентация книги, на которую пришли участники тех событий, ветераны боевых действий и ветераны внутренних войск МВД России, сотрудники органов внутренних дел, представители научной общественности и журналисты.

Участники и гости презентации осмотрели тематическую фотовыставку, специально подготовленную Центральным музеем внутренних войск МВД России. На презентации состоялось живое и предметное обсуждение книги.

Своими воспоминаниями поделились генерал-полковник Вячеслав Дадонов, Герой России генерал-майор Геннадий Фоменко, полковник запаса Борис Карпов, военный журналист Андрей Эдоков, ректор Московского открытого юридического института, кандидат педагогических наук Игорь Рукавицын и другие.

А.Лебедев. В Главном командовании внутренних войск МВД России

реализуется комплекс мероприятий по вручению данной книги в семьи погибших военнослужащих, а также участникам тех событий. Она направлена в военные институты внутренних войск.

Как нам известно, ряд кафедр планируют ее включить в список литературы по некоторым учебным дисциплинам. На наш взгляд, это будет способствовать подготовке будущих офицеров.

В.Журавель. Президентом России, Правительством Российской Федерации одной из стратегических задач определена дальнейшая нормализация жизни людей на Северном Кавказе. В свете ее решения предусматривается конкретизация многих экономических и гуманитарных программ, улучшение качества политики в сфере промышленного производства, финансов, социального развития, образования и культуры.

В то же время перед правоохранительными органами ставится задача по проведению контртеррористических операций по подавлению и уничтожению бандгрупп и террористов, стремящихся запугиванием и терактами, захватами заложников навязать населению некоторых кавказских республик свои бредовые идеи и варварские порядки. Авторы будут рады, если опыт проведения операций, описанный в книге, пригодится нынешним солдатам правопорядка в борьбе с терроризмом.

Беседу вел В.Штоль

Социальная ответственность российского бизнеса

Елена Николаева

Проблема социальной ответственности бизнеса в последние годы вызывает повышенное внимание как международных организаций, так и правительств многих стран, профсоюзов и общества.

В Российской Федерации проблема социальной ответственности бизнеса возникла в конце 90-х годов XX в., основными причинами для этого стали как внутренние процессы развития бизнеса, так и изменения общественных отношений в стране в ходе проведения радикальных социально-экономических преобразований в последнее десятилетие XX в.

Поэтому проблемы социальной ответственности в рамках взаимодействия бизнеса и государства выходят в настоящее время на одно из ведущих мест в политических процессах современной России¹.

В связи с этим назрела необходимость использования единых принципов социальной ответственности бизнеса перед всем обществом, понимания значимости социальной политики предприятия как необходимого условия его принятия всеми группами населения.

Российские предприятия, с одной стороны, пытаются разработать конкретные подходы к социальной ответственности, к внедрению международных принципов прозрачности, к повышению экологической безопасности, к поддержанию трудовых отношений и социально-экономической поддержки общества.

С другой стороны, они вынуждены строить свою политику в условиях кризисного состояния социальной сферы российских регионов.

НИКОЛАЕВА Елена Анатольевна – кандидат психологических наук, соискатель Института социологии РАН. *E-mail:* el.nikolaeva@yandex.ru

Ключевые слова: глобализация, Европейский союз, Россия, социальная ответственность бизнеса.

В этой ситуации выходом из создавшегося положения может стать разработка таких подходов и моделей социальной ответственности бизнеса, которые были бы основаны на общепринятых международных принципах, но учитывали бы сегодняшние российские реалии.

Важно, чтобы реализация социально ответственной политики бизнеса активно влияла на повышение уровня и качества жизни населения, изменение отношения потребителя к социально ответственным корпорациям, а также на повышение конкурентоспособности российских предприятий на мировых рынках за счет использования единых этических норм и стандартов ведения бизнеса.

Социально ответственный бизнес как состоятельный субъект политических отношений

За последнее десятилетие социально ответственный бизнес показал свою состоятельность. Более того, в условиях глоболизирующейся экономики к социальной ответственности бизнеса стали предъявлять новые требования.

В этой связи социальная ответственность не ограничивается только соблюдением правовых норм, а рассматривается с точки зрения интересов всех заинтересованных сторон.

При этом частное предпринимательство и глобализация рынков являются не только движущими силами развития экономики, обеспечивая выгодные инвестиции и давая новые рабочие места, но и создают предпосылки к поляризации общества и возникновению существенных диспропорций в доходах. Общество разделилось, с одной стороны, на элиту, т.е. собственников, менеджеров крупных корпораций, а с другой – на остальное население.

Следует отметить, что в последние годы проблемы преодоления социальной диспропорции, формирования и реализации моделей социальной ответственности, а также профессиональной этики в бизнес-

сообществе выдвинулись на первый план².

Процессы глобализации позволили бизнесу повысить свои доходы за счет расширения рыночной позиции, что привело к еще большей дифференциации общества.

Социальная ответственность – это один из основных критериев и важное условие эффективности проводимой органами власти на международном, федеральном, региональном и муниципальном уровнях, а также бизнесом, неправительственными организациями социальной политики, от которой в большой степени зависит устойчивое политическое и экономическое развитие общества.

Каждая из сторон этого политического процесса несет свою ответственность за принимаемые социальные решения, а также за их выполнение. И это вполне естественно, так как социально ориентированная рыночная экономика в условиях политической демократии предполагает наличие развитой и эффективно действующей системы социального партнерства³. В этом контексте критерий оценки осуществляемых в той

или иной стране преобразований может быть лишь один: стали ли люди при их осуществления жить лучше?

Однако возросший разрыв в доходах из-за того, что общество разделилось на два слоя (собственников,

руководителей, работников корпораций) и население, обслуживающее элиту, не вызвал реакции со стороны крупных корпораций в отношении повышения защищенности населения от новых угроз, а также уровня и качества жизни людей⁴.

Расширение социальной функции бизнеса

Устойчивой тенденцией в мире является расширение социальной функции бизнеса за пределы минимально определенных обязательств государства. Бизнес рассматривает управление программами социальной ответственности, повышение качества корпоративного управления, согласование интересов с другими участниками социального диалога в качестве ключевого элемента стратегии своего развития⁵.

Данная тенденция складывается под воздействием в основном двух факторов:

- усиления роли внутренних и внешних групп влияния на деятельность компаний (собственники, акционеры, персонал, местное сообщество, деловые партнеры, потребители, государство, СМИ);

- инициативы ведущих представителей делового сообщества в данной области на корпоративном и консолидированном уровне.

Основанная на социальных и этических принципах стратегия развития бизнеса позволяет обеспечить высокую репутацию, рыночную привлекательность, расширенные возможности доступа к капиталу, повысить переговорное влияние в отношениях с государством.

Ключевым фактором развития социальных и этических программ

бизнеса является наличие акцептованных участниками правил, кодексов и механизмов, а также практических методик и процедур их реализации, встраиваемых в бизнес-процессы.

Существует множество различных теорий, описывающих схемы взаимодействия власти и бизнеса в социальной сфере, в частности бизнес-сообщества, однако классическим является выделение плюралистического и неокорпоративистского типов бизнеса.

Отличительными чертами первого типа являются:

- наличие широкого, фактически неограниченного, спектра групп интересов;

- отсутствие институционализации, формализации их взаимоотношений с государством;

- взаимодействие друг с другом на основе конкурентной модели.

В отличие от плюралистического типа представительства для неокорпоративистского характерны следующие черты:

- наличие ограниченного числа групп давления, обладающих правом представительства интересов тех или иных отраслей и секторов;

- наличие институционально, формально закрепленных отношений этих групп с государством по-

средством договора той или иной формы;

– взаимоотношения групп давления между собой на основе сотрудничества;

– наличие значительной степени ответственности этих групп за внедрение принятых с их участием решений.

С середины 70-х годов XX в. социальная политика стала одним из приоритетных направлений политики Европейского сообщества как на государственном, так и на коммуни-тарном уровнях⁶. Однако на практике все исчерпывалось командно-контрольными функциями и принятием небольшой части законодательных актов, которые лишь с начала 90-х годов стали использоваться, а из-за своей ограниченности начали подвергаться резкой критике.

Основные стратегии Евросоюза в сфере социальной политики

Европейскими странами и Европейским союзом в качестве приоритетных стратегий социальной политики активно используются стратегии:

– государственного регулирования;

– дерегулирования;

– национального контроля;

– наднационального контроля.

Стратегия государственного регулирования. В функции национального регулирования социальной политики входят следующие основные задачи:

– разработка принципов финансирования социальных мероприятий;

– развитие институциональной структуры целевого резервирования финансовых и кредитных ресурсов;

Это произошло вследствие двух основных причин:

– *во-первых*, в силу полученных негативных результатов экономического регулирования и жесткой промышленной конкуренции;

– *во-вторых*, командно-контрольные механизмы в социальной политике оказались на практике малоэффективными.

В 1995 г. Европейское агентство по социальной политике указало, что по своему характеру и масштабам эти меры были недостаточны, чтобы улучшить социальную ситуацию в Европе.

В настоящее время социальные проблемы Европейского союза рассматриваются в контексте перехода от концепции устойчивого развития к стратегии стабильного развития.

– формирование рынка социальных услуг;

– настройка рыночных механизмов экономическими и социальными инструментами регулирования;

– совершенствование правовой базы с учетом специфики экономических и социальных целей;

– закрепление системой программных и прогнозных документов стратегии действий долгосрочного характера, целевых и лимитирующих показателей устойчивого развития.

В широком смысле национальное регулирование представляет собой вмешательство государства в частную предпринимательскую деятельность для защиты общественных интересов.

Стратегия государственного дерегулирования. Проведение полити-

ки дерегулирования позволяет изменить средства и механизмы государственного вмешательства в социальную деятельность бизнеса.

Трудно определить взаимосвязь между либерализацией экономики, государственным дерегулированием и социальной ответственностью бизнеса.

Так, в Швеции, в стране, которая является лидером Евросоюза по эффективности реализации социальной политики, основное внимание государством было уделено деятельности инициативных групп бизнеса для улучшения качества социальной ситуации в стране. В результате проведение политики дерегулирования позволило изменить механизмы и средства государственного вмешательства в социальную сферу, а также значительно повысить их эффективность.

В рамках ЕС политика дерегулирования ведется на различных, но взаимосвязанных уровнях. Следует отметить, что политика государственного дерегулирования находилась также в центре внимания стран – членов Европейского союза в период завершения создания ими Единого европейского рынка.

Дискуссии о наднациональном вмешательстве при передаче части суверенитета органам Евросоюза также можно рассматривать в плане проведения политики дерегулирования. Одновременно на социальную политику Евросоюза начала воздействовать концепция устойчивого развития, в результате чего был принят ряд коммунитарных директив ЕС. Однако социальная политика ЕС носила и носит характер в основном запретительных мер и контроля за их исполнением.

Стратегия национального контроля. Согласно принципу субсидар-

ности, каждое государство ЕС может выбирать те меры и способы контроля, которые помогут лучше выполнить социальную функцию. Но в основном все страны используют командно-контрольные функции.

Так, в Великобритании система действует, опираясь на уголовное и общее право, главным контролирующим органом является Агентство по социальной политике, которое работает с 1996 г. В его распоряжении находятся самые разнообразные средства воздействия.

В других странах ЕС существует система штрафов, причем штрафы и налоги являются дополнением к законам о прямом государственном регулировании.

Во Франции такие налоги существуют с 1968 г., а доходы используются на проведение экологической политики.

В ФРГ налоги вводит администрация земель, которая использует доходы на покрытие коммунальных затрат и решения социальных задач.

В Нидерландах, Бельгии, Испании и Португалии – аналогичная ситуация.

Стратегия наднационального контроля. Европейская комиссия предложила странам ЕС принять новую Директиву о контрольных функциях Европейского союза по отношению к социальной сфере, в которой будет делаться упор на контрольные наднациональные функции. Государства – члены ЕС в рамках стратегии наднационального контроля должны осуществлять мониторинг социальной сферы при соблюдении принципа гласности и проведения всесторонних консультаций между странами. В целом Еврокомиссия выступает за менее дирижистский подход

к решению стратегических задач социальной политики Европейского союза.

В основе стратегии наднационального контроля ЕС в настоящее время используются рыночные механизмы в дополнение к количественному регулированию, а также

введение общих социальных стандартов качества жизни.

Стратегическими направлениями системы регулирования должны стать разработка и внедрение оптимальных эксплуатационных параметров и нормативных требований устойчивого развития.

Концептуальный подход к социальной ответственности бизнеса

Социальная ответственность бизнеса – это добровольный вклад в развитие общества в социальной, экономической и экологической сферах, напрямую связанный с основной деятельностью компании и выходящий за рамки определённого законодательного минимума.

Социальная ответственность бизнеса определяется как широкое понятие, включающее комплексную ответственность делового партнёра, работодателя, гражданина и участника социальных отношений.

Данные определения подчёркивают добровольность в деятельности компании и превышение установленных законодательством нормативов, а также определяют составляющие социально ответственной компании, которыми являются:

– ответственный деловой партнёр. Это такая компания, которая соблюдает правовые и этические нормы ведения бизнеса, строя свои отношения с партнёрами на основе профессиональных стандартов деятельности и финансовой ответственности;

– ответственный работодатель – компания действует в соответствии с нормами трудового права или превосходит их, заботится об условиях

труда и социальном благополучии своих работников;

– ответственный гражданин – компания платит установленные налоги и ведёт свою деятельность в соответствии с нормами установленного законодательства;

– участник социальных отношений – компания занимается благотворительностью в отношении социально уязвимых групп населения.

Социальную ответственность разделяют на две большие группы: внутреннюю и внешнюю.

К *внутренней социальной ответственности* относят деловую практику в отношении собственного персонала, всего, что касается развития человеческих ресурсов на предприятии, а именно: безопасность труда; стабильную выплату заработной платы; поддержание социально значимой заработной платы; дополнительное медицинское и социальное страхование сотрудников; развитие человеческих ресурсов через обучающие программы, подготовку и повышение квалификации; помощь в критических ситуациях.

К *внешней социальной ответственности* бизнеса относят: спонсорство и корпоративную благотворительность; экологию, которая

включает в себя всё то, что превышает установленные в государстве экологические стандарты: (взаимодействие с местным сообществом; готовность компании участвовать в кризисных ситуациях; выпуск качественной продукции)⁷.

В настоящее время в ряде стран мира всё большую роль играют документы, содержащие нормативные требования, политическую линию и процедуры, обеспечивающие социальную ответственность организаций. Это – социальная отчётность.

В России только 12 компаний включились в эту инициативу.

Не следует думать, что социальная ответственность бизнеса это только оказание спонсорской помощи, особенно по просьбе властей. Социальная ответственность бизнеса носит многоуровневый характер.

Первый уровень предполагает выполнение следующих обязательств: своевременная оплата налогов, выплата заработной платы, по возможности – создание новых рабочих мест.

Второй уровень предполагает обеспечение работников адекватными условиями не только работы, но и жизни: повышение уровня квалификации работников, профилактическое лечение, строительство жилья, развитие социальной сферы.

Такой тип ответственности был условно назван корпоративной социальной ответственностью.

Третий, высший уровень ответственности предполагает благотворительную деятельность.

Социальная ответственность по настоящему проявляется в равнодушии к тому, как обстоят дела в об-

ществе, в котором бизнес – одна из составляющих. Социальная ответственность бизнеса означает достижение коммерческого успеха только теми способами, которые не противоречат этическим нормам и уважительному отношению к людям и окружающей среде.

Российский бизнес все активнее оперирует терминами «корпоративная социальная ответственность», «социальные инвестиции», «корпоративное гражданство».

Между тем реальная социальная политика компаний нередко ограничивается обычной благотворительностью.

Следовательно, под социальной ответственностью бизнеса понимается и благотворительность, и меценатство, и корпоративная социальная ответственность, и социально-маркетинговые программы, и спонсорство, и филантропия, и инвестиции.

Итак, социальная ответственность бизнеса – это влияние бизнеса на общество, ответственность тех, кто принимает бизнес-решения перед теми, на кого прямо или косвенно эти решения влияют.

Данное определение социальной ответственности бизнеса скорее идеальное и вряд ли может быть полностью претворено в действительность хотя бы потому, что просчитать все последствия одного решения просто невозможно. Но социальная ответственность бизнеса – это не правило, а этический принцип, который должен быть задействован при принятии решения.

К внутренней социальной ответственности бизнеса в России можно отнести:

- безопасность труда;
- стабильность заработной платы;
- поддержание социально значимой заработной платы;
- дополнительное медицинское и социальное страхование сотрудников;
- развитие человеческих ресурсов через обучающие программы и программы подготовки и повышения квалификации;
- оказание помощи работникам в критических ситуациях.

К внешней социальной ответственности бизнеса можно отнести:

- спонсорство и корпоративную благотворительность;
- содействие охране окружающей среды;
- взаимодействие с местным сообществом и местной властью;
- готовность участвовать в кризисных ситуациях;
- ответственность перед потребителями товаров и услуг.

Типы социальных программ:

- собственные программы компаний;
- программы партнерства с местными, региональными и федеральными органами государственного управления;
- программы партнерства с некоммерческими организациями;
- программы сотрудничества с общественными организациями и профессиональными объединениями;

- программы информационного сотрудничества со СМИ.

Мотивы социальной ответственности бизнеса:

- развитие собственного персонала позволяет не только избежать текучести кадров, но и привлечь лучших специалистов на рынке;
- рост производительности труда в компании;
- улучшение имиджа компании, рост репутации;
- реклама товара или услуги;
- освещение деятельности компании в СМИ;
- стабильность и устойчивость развития компании в долгосрочной перспективе;
- возможность привлечения инвестиционного капитала для социально-ответственных компаний выше, чем для других компаний;
- сохранение социальной стабильности в обществе в целом;
- налоговые льготы.

Инструменты реализации социальных программ:

- благотворительные пожертвования и спонсорская помощь;
- добровольное вовлечение сотрудников компании в социальные программы;
- корпоративное спонсорство;
- корпоративный фонд;
- денежные гранты;
- социальные инвестиции;
- социальный маркетинг.

Социально-ответственный бизнес в России

Трансформационные процессы, происходившие в 90-х годах XX в. в России, инициировали внимание общественности к предпринимательству как к источнику разви-

тия экономической и социальной сферы общества. Предприниматель стал одним из главных действующих субъектов рынка, поскольку без творческого подхода к организации

производства, использования новых комбинаций, смелого подхода к организации нового дела невозможно получить прибыль в условиях рыночной экономики.

Реформы 90-х годов XX в. в России проводились в соответствии с либеральной моделью рыночной экономики, где фигурирует «экономический человек», который действует рационально и в соответствии с личными интересами. При этом не учитывались последствия таких действий, что нанесло непоправимый вред стране, обществу и индивиду.

Государство произвольно меняло правила игры, причем избирательно, к примеру, при незаконном захвате предприятий и их репрофилировании. В чрезвычайно трудном положении оказался средний, и в особенности мелкий, бизнес. Вообще отношение государства к крупному и малому бизнесу сильно отличается друг от друга.

Принципиальными характеристиками предпринимательской деятельности являются: принятие предпринимателем на себя риска осуществляемой им деятельности и получение прибыли. Принятие риска напрямую означает ответственность предпринимателя за ведение своего дела.

Предприниматель ответственен за успех предприятия, за предоставление рынку необходимого товара, за качество товара, за соблюдение законов и договоренностей с партнерами, инвесторами, работниками и государством. Однако несоблюдение законодательства, уход от налогов, некачественная продукция, плохие условия труда – это реалии наших дней.

С точки зрения философии при любой степени свободы жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Соответственно, предприниматель стремится найти компромисс между получением прибыли и удовлетворением потребностей общества. Практически это означает, что социально ответственный предприниматель будет заниматься не всякой деятельностью, пусть приносящей даже высокую прибыль. Тема социальной ответственности бизнеса неразрывно связана с задачами построения в России институтов гражданского общества.

Многие исследователи, например, С.Ю. Глазьев, В.Г. Караваяев, В.В. Козловский, В.Г. Федорова⁸, отмечают, что в России есть тенденция завершения стадии первоначального накопления капитала.

Практика многих предприятий показывает, что социальная защищенность работников, их благосостояние становятся фактором роста производительности труда, обеспечения стабильности и роста производства. К сожалению, в данном случае и государство не выполняет своих прямых функций, не может четко расставить акценты, ввести процесс социальной ответственности в реальное правовое русло.

Социальная ответственность российского бизнеса подразумевает определенный уровень развития предприятия и добровольный отклик на социальные проблемы общества. Этот отклик означает соблюдение законодательно установленных норм и правил и осуществление деятельности сверх этих требований. Именно такой подход предпринимателя к своей деятельности позволит совершить коренные изменения в слож-

ной социально-экономической ситуации, в которой находится сейчас Россия.

Ответственность – это отношение зависимости человека от чего-то, воспринимаемого им в качестве определяющего основания для принятия решений и совершения действий. Объектом ответственности могут быть другие люди, в том числе будущие поколения, общности, а также окружающая среда, материальные, социальные и духовные ценности. Также ответственность следует рассматривать как категорию этики и права, отражающую особое социальное и морально-правовое отношение личности к людям, к обществу (человечеству в целом), которое характеризуется выполнением своего нравственного долга и правовых норм.

Вообще, постановка вопроса о социальной ответственности бизнеса в современной России не только и не столько ответ на общемировые тенденции, а прежде всего социально-экономическая неизбежность, вызванная результатами провальных реформ 90-х – начала 2000-х годов.

Неудивительно, что, согласно данным Аналитического центра Ю. Левады, 67% россиян боятся завтрашнего дня, ожидая худшего.

Естественно, неудачи реформирования российской экономики понимаются по-разному, да и не все оказались в проигрыше, особенно это касается крупнейших собственников, так называемых олигархов.

Следует отметить, что в настоящее время у 60% населения доходы ниже реального прожиточного минимума. Все это происходит на фоне стремительного ухода государства из

столь сложной и запущенной социальной сферы, что только обостряет обстановку, отбрасывая Россию еще дальше от развитых стран, в которых координирующая роль государства в этой области достаточно высока.

У нас наблюдается гигантская диспропорция между первичным и вторичным распределением национального дохода.

75% в приросте чистого продукта приходится на природную ренту. При этом ее вклад в общий объем налоговых поступлений составляет примерно 13–16%, а 70% налогов получают с труда. В итоге налоговая система страны способствует тому, чтобы 15% богатых россиян становились еще богаче, а 85% бедных – еще беднее.

Социальная ответственность бизнеса – это ответственность тех, кто принимает бизнес-решения, перед теми, на кого прямо или косвенно эти решения влияют. Следовательно, социальная ответственность бизнеса зависит от его масштаба, поэтому социальная ответственность бизнеса – это не только оказание спонсорской помощи нуждающимся, а целый комплекс моделей, механизмов социальной политики, которая имеет многоцелевую конструкцию и состоит из двух основных механизмов реализации.

Первый механизм предполагает выполнение следующих обязательств: своевременная оплата налогов, выплата заработной платы и предоставление новых рабочих мест.

Второй механизм – обеспечение работников адекватными условиями не только работы, но и жизни (повышение уровня квалификации персонала, профилактическое лечение, строительство жилья и развитие со-

циальной инфраструктуры). Такой тип ответственности был условно назван корпоративной социальной ответственностью.

Таким образом, российский бизнес должен все активнее включаться в политические процессы корпоративной социальной ответственности, социальных инвестиций, благотворительности, спонсорства и корпоративного гражданства.

Внедрение современных принципов корпоративного управления с учетом социальной результативности становится важной практической задачей, в том числе для российского бизнеса. Есть все основания ожидать, что реальная практическая деятельность предпринимательских структур, построенная на принципах социально ответственного ведения бизнеса, будет только расширяться.

Примечания

- ¹ Социально ответственный бизнес и проблемы межсекторного взаимодействия. М.: Институт социологии РАН, 2005.
- ² Гаврилова И.Н. Социально ответственный бизнес в России // Социально-ответственный бизнес и проблемы межсекторального взаимодействия. М., 2005. С. 3–28.
- ³ Москвин Л.Б. Социальная ответственность в реформируемом обществе (на примере России) // Социум и власть. М., 2003. С. 149–162.
- ⁴ Мильнер Б. Японский парадокс: реальности и противоречия капиталистического управления. М.: Мысль, 1985.
- ⁵ Snyder R. Government and Business: The United States in Comparative Perspective. N.Y., USA: Chatham House Publishers, Incorporated, 2001. P. 34–56.
- ⁶ McIntosh M., Thomas R, Leipziger D., Coleman G. Living Corporate Citizenship // Strategic routes to socially responsible business. (Hardback) 2002. Oct. P. 3–22.
- ⁷ Солодкая М.С. Ответственность субъекта управления: состояние проблемы и перспективы исследования // Credo. 1998. № 11. С. 33–43.
- ⁸ Глазьев С.Ю. Как оживить отечественное товаропроизводство? // РЭЖ. 2004. № 10. С. 3–12.

Государственный терроризм и его активизация в современном международном терроризме

Урал Шарипов

В современной идеологической пропаганде для мировой общественности и в международной политике все большее место уделяется проблеме международного терроризма. Поэтому данный «прогрессирующий» болезненный изъян сегодняшней жизни мирового сообщества подвергается глубокому исследованию и обсуждению на различных научных конференциях и межгосударственных переговорах.

При этом внимание государственных деятелей, исследователей и работников СМИ стран так называемого «Севера» по существу концентрируется только на одной форме международного терроризма – на самостоятельных и эпизодических вылазках отдельных личностей или группировок. Хотя проблематика международного терроризма по своей природе весьма сложна и во многом закамуфлирована, в ней целенаправленно анализу подвергается, по существу, лишь одна ее сторона. Причем к такому варианту оценки террористической деятельности большую заинтересованность проявляют именно те силы, которые и являются зачинателями и проводниками международного терроризма, а именно – современные мировые державы.

О бъективно главным действующим фактором осложнений в международных отношениях можно

считать именно государственный терроризм. Государственный терроризм – первичный фактор мирового

ШАРИПОВ Урал Зиятудинович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. *E-mail:* charipoff@yandex.ru

Ключевые слова: неоглобализм, силовые действия Запада, Ближний и Средний Восток.

террористического процесса, он же наиболее действенный провокатор крайне негативных настроений, возникающих в международном сообществе, отдельных регионах и государствах.

Прежде чем давать сравнительную оценку этой системе терроризма, целесообразно рассмотреть в целом характер международных отношений между сильными в военном отношении мировыми державами, с одной стороны, и их значительно более слабыми оппонентами на мировой арене – с другой.

Не останавливаясь на негативных сторонах колониального и постколониального наследия прошлых столетий, которые в принципе продолжают сохраняться в жизни международного сообщества и сегодня, отметим, что, когда в мирохозяйственных и политических отношениях возникают процессы, а также политические фигуры, угрожающие нарушить сложившееся неравенство между двумя мирами – «Севером» (или иначе – Западом) и «Югом» (или иначе – развивающимися странами), – именно развитые страны, используя свое военное и технологическое превосходство, прибегают к форс-мажорным средствам – к масштабным агрессивным военным кампаниям против строптивых оппонентов – для наведения «на местах» удобного им порядка вещей. В последние десятилетия к ним наиболее часто прибегали, в частности Соединенные Штаты Америки.

В качестве наиболее ярких примеров назовем войну во Вьетнаме; тесное военное сотрудничество с Израилем, полная поддержка устремлений последнего в арабо-израильском

противоборстве; операции по уничтожению иранских военно-морских судов в Персидском заливе с угрозой расширения своего военного вовлечения в ирано-иракскую войну на стороне Багдада; развертывание масштабной войны против режима Саддама Хусейна в период так называемого ирако-кувейтского конфликта в 1990–1991 гг.

Развал Советского Союза на ряд самостоятельных государств и ликвидация мировой социалистической системы привели к тому, что Вашингтон провозгласил США единственной супердержавой, которая ответственна за геостратегическую судьбу современного мира.

Именно в этих новых политических условиях современности и родилась концепция неоглобализма, распространившая «зону жизненных интересов» США, а вслед за ними и других западных держав на весь мир.

«Неоглобализм» – это широкий набор идей и мер по переустройству мира. Он наполнен не столько экономическими и политическими средствами, сколько военно-полицейскими доктринами и практическими мерами их применения. В нем одновременно присутствуют и идеи о силовых методах размывания национально-культурных традиций народов, и рассуждения о постоянстве действия фактора агрессивной конкуренции между цивилизациями.

В рамках статьи не представляется целесообразным заниматься рассмотрением всех аспектов неоглобализма – наше внимание сосредоточено на её крайней агрессивности и практическом допущении вседозво-

ленности действий государственно-го, т.е. имперского, терроризма.

Мировому сообществу, невзирая на сложившиеся веками в различных странах свои национальные, политические, экономические и культурные традиции, структуры внутренних социальных взаимоотношений, стали всемерно навязываться угодные Вашингтону и Западу принципы, «порядки» государственного и внутриобщественного функционирования, в том числе «правила» ведения внешнеполитических курсов. Причем «неоглобализм» одно-сторонне существенно расширил возможности силового решения различных международных проблем.

Таким образом, диапазон и формы проявления (завуалированного или откровенно явного) государственного терроризма включают как меры политического и экономического давления на страны, их правящие режимы и народные массы, так и применение вооруженного насилия. В конце XX и в первое десятилетие XXI в. державный неоглобализм затронул ряд государств мусульманского региона Азии и Африки, так как руководители США и западноевропейских стран заявили о своем неотъемлемом праве обеспечить себе решающее влияние в государствах третьего мира.

Идеологическим организатором такой политики выступает патологический эгоизм правящих неокOLONиалистских социальных групп в державах, которые идут на применение любых мер, чтобы максимально властвовать в мире через эксплуатацию более слабых социальных и государственных образований, чтобы сохранять неравенство и подавлять про-

тивников существующих атрибутов неравенства, чтобы продолжать эксплуатацию подавляющей части человечества.

Если кратко сказать обо всех формах и методах действий мировых держав в течение последнего столетия, то, по сути, это вся политическая и экономическая история современности: все войны, борьба за сохранение неэквивалентного ценообразования в мировой торговле, деятельность монополий и спецслужб, а также разжигание межрелигиозных противоречий и столкновений.

В настоящее время главным державным проводником таких форм международных отношений выступают Соединенные Штаты Америки, их союзники в Европе и в других регионах мира.

Для выделения самой опасной на сегодняшний день формы международного терроризма остановимся только на текущих войнах западного мира против слабых народов и политических режимов.

В первом и в начале второго десятилетия XXI в. в регионе Персидского залива и Среднего Востока наблюдается крупномасштабное проявление государственного терроризма. Это – войны на земле мусульманского ареала: вооруженная оккупация Республики Ирак и Исламской Республики Афганистан, грубейший шантаж Исламской Республики Иран при помощи международных санкций и политических угроз. При этом не следует исключать выражение недовольства с намеками на осложнение взаимных связей еще большему кругу стран мирового сообщества, даже в отношении таких сравнительно терпимых к американ-

ским деяниям мусульманских государств, как Саудовская Аравия и т. д.

Как известно, в начале 2002 г. правительство США провозгласило новую концепцию, в соответствии с которой США наделяли себя правом свергать любое правительство, политика которого, по мнению Вашингтона, угрожала национальной безопасности США. Помощник президента по национальной безопасности К. Райс заявила: «Теперь Вашингтону не требуется даже предлога о нарушении прав человека в той или иной стране, чтобы совершить против нее агрессию или иным путем добиваться смены неудобного для него политического режима»¹. Таким образом, США присвоили себе право определять на мировой арене области для интервенции без всяких пределов и ограничений, руководствуясь собственными «национальными интересами».

Для осуществления своих агрессивных акций, нарушающих международное право и суверенитет «неудобных» государств, используются любые подходящие предлоги. Такой, кстати, оказалась спекуляция на террористических актах 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне.

Вместо обдуманых объективных действий против истинных преступников, включая и их руководителей, Вашингтон пошел по пути безоглядной реализации своих геостратегических устремлений на Большом Среднем Востоке (БСВ). Без обсуждения даже в рамках Совета Безопасности ООН, без его резолюций, без согласованности с командованием НАТО и своими стратегическими союзниками в Западной Европе американской администрацией были развернуты широкомасштабные воен-

ные действия вооруженных сил США в Афганистане и Ираке. А сопутствующие контингенты так называемой многочисленной международной коалиции (в Ираке 39 государств, а в Афганистане – 15) были сформированы впоследствии в результате разных форм давления на правительства ряда стран, начиная от Германии и кончая островами Самоа и Фиджи.

В итоге были оккупированы Афганистан и Ирак, свергнуты их законные президенты. Оккупации подверглось около 40 млн чел., а по существу, под военный контроль попало 240-миллионное население Ближнего и Среднего Востока, так как в регионе развернуты 19 военных баз, вокруг барражируют эскадры ВМС США и западных держав, воздушное пространство контролируют всевозможные электронные разведчики, периодически проводятся военные маневры под руководством и при участии внешних сил.

За прошедшие годы иностранной оккупации Ирака и Афганистана в совокупности было убито и искалечено около 2 млн чел., в основном мирные жители, включая детей, стариков и женщин. Расстрелы свадеб, похорон, праздничных шествий и других общественных мероприятий стали частыми и обыденными «ошибками» иностранной военщины, и легко списываются как случайности.

Народы указанных стран расколоты силовыми методами извне, запуганы и подавлены местными коллаборационистами, опирающимися на полную поддержку оккупантов. Народы Ирака и Афганистана несут огромные потери в собственном жизнеобеспечении, а это чрезвычайно негативно сказывается на важнейших областях внутрисоциальной

ного функционирования: развитии производительных сил, просвещении и медицинском обслуживании, развитии национальной культуры и чувства национального достоинства.

Более того, в Вашингтоне утверждают о своем законном праве на продолжение своего военного присутствия и в дальнейшем ввиду необходимости гарантирования интересов мирового сообщества в приобретении местных (стратегических по своей хозяйственной и военной значимости) ресурсов (углеводородов, лития и т. д.), а также для сохранения «демократических» государственных структур, навязанных извне, т.е. во имя интересов западных монополий и геостратегических интересов. США и НАТО была сделана заявка, по крайней мере на ближайшее десятилетие, на осуществление вооруженных операций по своему усмотрению в любом регионе мира, а на практике – пока в мусульманских странах.

В первые годы второго десятилетия XXI в. Запад приступил к ликвидации знаковых фигур в руководстве мусульманских государств на Ближнем Востоке.

Как известно, на протяжении целого ряда десятилетий после того, как в азиатско-африканском мире возникли и более или менее стабилизировались на национальной основе государственные структуры, мировое сообщество было связано с руководителями, которые долго возглавляли местные страны. Это были монархические, либо диктаторские и полудиктаторские, либо внешне демократические режимы и т.д.

Среди них, наряду с феодальными монархическими династиями, «вы-

росли» знаковые фигуры в рамках современного государственного устройства: Саддам Хусейн (Ирак), Муммар Каддафи (Ливия), Хосни Мубарак (Египет), бен Али (Тунис), Али Абдалла Салех (Йемен), наследственный клан Хафеза и Башира Асадов (Сирия) и т. д.

Таким образом, ближневосточный мир представлял собой конгломерат разнообразных политических систем, во многом противоречащих друг другу и социально специфических. Однако с точки зрения глобалистских взглядов Запада наибольшее неприятие у США и европейских держав вызывали так называемые «строптивые» мусульманские режимы. Это те, которые проводили свой независимый политический курс, что противоречило и даже приводило к конфронтации с западными правительствами по многим важным международным и двусторонним проблемам. Как показали события на БСВ в конце XX в., США и другие державы – члены НАТО стали все более склоняться к силовым вариантам осуществления своих интересов в регионе.

Если в первом десятилетии к таким методам, в первую очередь, прибегли США, то в 2011 г. военная инициатива по «наведению должного порядка» в регионе Ближнего Востока в основном перешла к западноевропейским державам – Франции, Италии и Великобритании. Учитывая то, что Вашингтон увяз в своих военных (а по сути – оккупационных) кампаниях в Афганистане и Ираке, ограниченно поддержанных многими членами НАТО и зависимыми режимами мира, а ближневосточный театр военных действий стран непосред-

ственно примыкает к Европе, то на первые роли в «решении ряда международных стратегических задач на Ближнем Востоке» вышли европейские назовцы.

Дело в том, что, хотя Вашингтону и удалось свергнуть неугодные режимы в Ираке и Афганистане, в арабском регионе по-прежнему сохранилась пестрота политических руководств. Особенно их беспокоило, что существование и укрепление таких правительств, как Муаммара Каддафи в Ливийской Джамахирии и Башара Асада в Сирийской Арабской Республике (при этом не исключалось действие подпольного разрушительного фактора «Аль-Каиды») шаг за шагом вызывало и усиливало социальное брожение в других странах

региона. Это могло привести к радикальным политическим и социальным переменам в руководящих эшелонах как в соседних странах, так и в среде аравийских прозападных монархий, включая Саудовскую Аравию и Кувейт. Первые признаки такого процесса уже начались это: свержение власти Зин аль-Абидина бен Али в Тунисе, затяжной период отстранения от власти президента Хосни Мубарака в Египте и президента Али Абдаллы Салеха в Йемене.

Будучи весьма расчетливыми, правящие круги западных держав заранее подготавливали условия для оправдания своего агрессивного вмешательства в той или иной стране это прежде всего любые протестные выступления местной оппозиции.

Стоит отметить, что так называемая «арабская весна» 2011 г. социально-политических брожений и потрясений на БСВ – это многоликий внутриобщественный процесс противоречий Арабского региона. А местные коллизии стимулируются извне: в них в разной степени и формах участвуют спецслужбы, финансовые и политические круги Запада и др.

Основная цель, которую преследуют правящие круги Запада – это разрушить либо достаточно ослабить антиимпериалистический потенциал среди режимов региона. Поэтому в первую очередь в поле их зрения попали Ливия, Сирия и Иран.

Каковы итоги политического и вооруженного вмешательства западных держав на БСВ по данным на середину 2012 г.?

Уничтожен режим Муаммара Каддафи в Ливии: страна живет противоречивыми отношениями между различными политическими, а также племенными и клановыми силами.

В Сирии идет кровопролитная борьба между правящим режимом и оппозицией, которая может перерасти в долговременную гражданскую войну.

Иран зажат жесточайшими международными санкциями и подвергается угрозе вооруженного нападения со стороны Израиля при поддержке США.

Примечание

¹ Идеология и политика. ООН и мировая политика. 1945–2005. ООН сквозь призму кувейтского кризиса и агрессии США против Ирака // URL: www.barichtv.ru/public/oon7.htm

Журналист и историк Амин Саид

Абдель Керим Ибрагим Ас-Самак

Биографика является одним из высших достижений в истории человеческой цивилизации. Многие исследователи и писатели пишут о великих учёных и мыслителях и оставляют потомкам их литературные портреты.

Биографика – это наука с высокой миссией.

Амин Саид обогатил библиотеку арабской и исламской истории, внёс весомый вклад в развитие журналистики. Это один из признанных корифеев, который участвовал в создании этих направлений гуманитарных наук и способствовал их подъёму и расцвету на протяжении шести десятков лет.

Политические условия жизни Амина Саида

Амин Саид считается одним из лучших арабских историков Нового и Новейшего времени, который издал много трудов по арабской истории, когда осознал, что литература более значима, чем журналистика. Он считал, что газетные и журнальные материалы недолговечны, а книги оставляют заметный след. Но даже став писателем, он не расстался с журнали-

стикой до 1957 г., когда было приостановлено издание его газеты «Аль-Кифах». После этого А.Саид целиком посвятил себя историческим исследованиям. Редко можно встретить научный материал по современной истории арабов, на котором бы не значилось имя Амина Саида.

Амин Саид родился в семье учёных, и это определило его будущее.

Ас-Самак Абдель Керим Ибрагим – историк, магистр по специальности «Новая и современная история Арабских стран». *E-mail:* ladoga@gmail.com

Ключевые слова: арабская революция, Ас-Самак, Великая Сирия, декларация Бальфура, соглашение Сайкса – Пико.

Отец Амина Саида – шейх Мухаммад Саид Хасан Ат-Тарифи¹ был одним из известных учёных г. Латакия, торговый дом которого считался научным клубом, куда приходили учёные, поэты и литераторы, а также крупные государственные чиновники. Будучи состоятельным человеком, он приобрел типографию для печатания собственной газеты «Латакия», основанной им в 1908 г.¹, а с 1913 г. он стал издавать газету «Аль-Арабийя»¹, которая отражала политическую атмосферу, в частности, борьбу на международной арене, которую вели в течение всего XIX в. Ве-

ликобритания, Франция и Россия за установление своего господства над вилайетами Османской империи. Однако Османское государство в XIX в. было сильным и при этом достаточно успешно использовало противоречия, существовавшие в отношениях между европейскими странами. После 1871 г. на международной арене появилась объединенная Германия, которая пошла на союз с Османской империей против трёх европейских государств. Соперничество на международной арене сыграло значительную роль и задержало падение Оттоманской Порты².

Детство и отрочество

Амин Саид родился 23 мая 1309 г. (по хиджре), или 28 ноября 1891 г., в Латакии, которая в то время была одним из районов Великой Сирии*.

Шейх Мухаммад Саид Хасан Ат-Тарифи, будучи одним из корифеев в области литературы и поэзии, стремился дать сыну хорошее образование и послал его в каноническую школу шейха Мустафы Ваззана.

Система письма, принятая в школе, относилась к образовательным системам, господствовавшим в то время в исламских обществах. Первое, что должен был сделать ученик школы – это выучить наизусть Коран, затем уже шли арабский язык и математика.

В своих мемуарах Амин Саид пишет: «Как обычно, шейх звал меня каждый раз, когда к нему приходил важный гость. Затем он спрашивал меня о месте аята в Благословенной

Книге, который он вспоминал, а я ему говорил номер этого аята, его расположение в Коране, а также номер предшествующего этому и последующего аята».

Из богословской школы шейха Ваззана Амин Саид перешёл в начальную школу при Новой мечети, где проучился два года, а затем поступил в среднюю школу, находившуюся в районе Каль'атун и известную как подготовительная. Он посещал её два года, а в 1907 г. стал учиться в так называемой «школе совершеннолетия». Это была его подготовка в Султанской школе Стамбула, однако его отец хотел, чтобы сын был рядом с ним. Это помешало Амин Саиду получить университетское образование.

В начале XX в. в Сирии началось развитие средств массовой информации, и Латакия нуждалась в ежедневной газете особенно после того, как в 1908 г. в Османском государстве

---

* Город Латакия в настоящее время является крупным сирийским портом на берегу Средиземного моря.

произошёл конституционный переворот. Владея типографией и газетой, отец нуждался в квалифицированных помощниках, поэтому он направил своего сына в Бейрут для изучения полиграфии. Там Амин Саид оказался у одного из известных корифеев журналистики – Халиля Саркиса, владельца газеты «Лисан эль-Халь», издававшейся с 1877 г.¹

Кроме изучения полиграфии Амин Саид учился у шейха Ахмада аль-Азгари, встречался с поэтом Хайруддин Аз-заркали, изучал французский язык, а также занимался журналистикой как новым жанром для Арабского Востока.

Необходимо отметить, что и подъём журналистики в Египте тоже связан с выходами из

Сирии, которые устремились в Египет после того, как в 1840 г. его покинул Ибрагим-паша.

Среди них были: Филип Такылла, который основал газету «Аль-Ахрам»; Джорджи Зейдан, владелец журнала «Аль-Гиляль» («Полумесяц»), а также Фарис Ныыр, Якуб Саруф и Халиль Сабит, владельцы газеты «Аль-Мукаттам» и журнала «Аль-Муктатаф»; Шагин Макариус, основатель масонской журналистики в Египте; Искандер Макариус, владелец газеты «Аль-Латаиф» и многие другие.

В начале 1914 г. Амин Саид начал замечать, прежде всего на Европейском континенте, признаки будущей мировой войны. Турция должна была участвовать в этой войне как союзник Германии. После вступления в войну Турции (5 ноября 1914 г.) ему пришла повестка в армию.

В Османской армии

Служба Амина Саида в армии открыла для него новые возможности в сфере журналистики. Здесь он сблизился с шейхом Асад аш-Шукейри*, который помог ему войти в круг Джемала Паши. Кроме того, А.Саид работал в газете «Аш-Шарк», принадлежавшей эмиру Шакибу Арслану. В этой же газете работали шейх Абделькадер ал-Магриби, Мохаммад Курд Али, шейх Таджеддин аль-Хусни, главный редактор, который дважды входил в руководство Сирии – в 1932 и 1941 гг.

В это же время в Хиджазе под руководством Фейсала бен-Хусейна** и

Лоуренса, направленного в Бюро по арабским делам (штаб-квартира в Египте), началась арабская революция***, которая совпала с британской кампанией, начавшейся в Египте. Цель военной кампании – объединение с войсками Фейсала бен-Хусейна, чтобы воспрепятствовать участию семидесяти тысяч османских солдат в войне на стороне Германии.

Амин Саид был переведён со своего поста в газете «Аш-Шарк» в руководство армии в качестве офицера связи. Он осознавал важность революции, которая началась в стране, понимая при этом всю опасность

---

* Асад аш-Шукейри – отец председателя Организации освобождения Палестины Ахмада аш-Шукейри. Шейх Асад родился 1840 г., умер в 1940 г. Учился в Аль-Азгари, был муфтием 4-й османской армии в Шаме.

** Шериф Мекки Аль-Хусейн бен-Али 10 июня 1916 г. возглавлял Великую арабскую революцию¹.

*** Бюро по арабским делам занималось административными делами в районе Египта, Судана, Северной Африки и в регионе Великая Сирия.

колониальных проектов, которые осуществляли французы и англичане в Великой Сирии на основании соглашения Сайкса – Пико, подписанного в 1916 г. Как результат этого соглашения появилась декларация Бальфура (2 ноября 1917 г.), поспособствовавшая иудизации Палестины. Российская империя сначала участвовала в соглашении Сайкса – Пико до начала большевистской революции. В Советской России были опубликованы пункты соглашения и его задачи¹.

В этот период в османской армии произошла смена военного руководства: Ахмад Джемаль-паша стал премьерником командующего Джемаль-паши Кучука. Амин Саид работал с новым командующим в его штаб-квартире в г. Салат (современная Иордания).

19 сентября 1918 г. передовые части объединённых арабо-британских сил вошли в Назарет, где располагалось командование османской армии. На следующий день, 20 сентября, османские части отступили. В их рядах находились Амин Саид и шейх Асад аш-Шукейри. Османские подразделения отступили до г. Алеппо (Халеб). Амин Саид вернулся в Латакию 30 октября 1918 г., где находилась его семья и близкие. В это время в Алеппо турецкое руководство подписало Мудросское соглашение о перемирии (28 октября 1918 г.)¹.

После капитуляции Турции и Германии страны-победительницы стали делить военные трофеи.

Амин Саид снова в Дамаске

В Дамаске в руках Амина Саида было острое перо журналиста для борьбы с политикой Великобрита-

Так, Британия отказалась от своих обещаний, данных шерифу Хусейну. На мирной конференции в Париже (1919 г.), известной как «Конференция победителей», была утверждена система протекторатов в странах Арабского Машрика (Востока), что соответствовало соглашению Сайкса – Пико (1916 г.). Этот акт был утверждён на конференции в Сан-Ремо (Италия), состоявшейся в 1920 г.

Арабы были обмануты миром независимости, которую им обещала Великобритания. Тогда генерал Шукри аль-Айюби во главе отряда в сто человек отправился в Бейрут, чтобы водрузить над городом арабский флаг. Однако англичане, используя арабское правительство в Дамаске, вмешались и заявили: «Судьба этих государств будет определена на конференции по перемирию, которая состоится в Париже. Необходимо дождаться её решений»¹. Англичане и французы приступили к реализации соглашения Сайкса – Пико.

В это время Амин Саид отправился из Латакии на французском корабле в Бейрут. В соответствии с британско-французским соглашением французы назначили своего представителя военным комендантом Бейрута и всего региона. Арабы, которые ожидали, что смогут посадить арабского правителя в Бейруте, потеряли всякую надежду на успех арабской революции. Из Бейрута Амин Саид направился в Дамаск; он пришел в ужас, когда увидел ситуацию, сложившуюся после ухода отсюда турок.

нии и Франции в регионе. Арабская общественность приветствовала возвращение журналиста, который ак-

тивно отстаивал интересы своего народа.

В Дамаск вернулся и Ахмад Курд Али – коллега Амина Саида по журналу «Аш-Шарк». Ахмад Курд Али работал вместе с А. Саидом, а затем Амину Саиду была предложена должность главного редактора газеты, при этом Ахмад Курд Али сказал ему: «Ты теперь главный редактор газеты, а я – простой обозреватель».

Позже сирийская партия «Аль-Ахд» стала выпускать свою газету «Аль-Канана», и Амин Саид был назначен её редактором, сменив на этом посту Амир Фуада Шахаба. Однако Ахмад Курд Али просил Амина Саида не оставлять газету «Аль-Кабас», хотя его брат Мохаммад Али был против. Реальная ситуация, сложившаяся в регионе Шам в 1919 г., требовала, чтобы Амин Саид был независим в своей работе, а в газете, принадлежащей другим, он был скован и не имел возможности публиковать те или иные критические материалы.

Политическая ситуация в регионе показала, что Фейсал бен-Хусейн

вернулся с Версальской мирной конференции с пустыми руками; англичане отрицали, что они давали какие бы то ни было обещания шейху Хусейну¹. Арабы понимали, какая опасность нависла над их странами. И только журналистика отражала реальные события в регионе.

Именно тогда Амин Саид решил пойти своим путём и начал издавать газету «Аль-Урдун», сделав её лозунгом «Иордания – символ сирийского единства».

Первый тираж газеты вышел в Дамаске 19 сентября 1919 г. В газете говорилось о её миссии и задачах, а основная задача – защита интересов единой Сирии в ответ на происки авторов соглашения Сайкса – Пико и декларации Бальфура. Лидер арабской палестинской молодёжи Салим Абдеррахман приветствовал выход газеты, поскольку она большое значение палестинской проблеме, заявив, что первейшей арабской проблемой является проблема Палестины.

Страны Великой Сирии после падения Османской империи

Беспорядки и анархия царили на улицах городов в странах Великой Сирии, где народ жил в постоянном страхе за свое будущее. Ситуация усугублялась тем, что в соседнем Ираке шла война против британской оккупации. Более того, Великобритания отрезала г. Мосул и включила его в состав Ирака*. Франция нехотя приняла этот проект.

Этот передел территорий проходил в соответствии с резолюциями Версальской мирной конференции, которая поддержала мандат Великобритании и Франции над странами Великой Сирии.

Кроме того, осуществлялась и декларация Бальфура, означавшая иудизацию Палестины. Это следовало из того, что арабы, представлен-

---

* При этом Великобритания включила г. Мосул, входивший до этого в Великую Сирию¹, в состав Ирака после того, как выяснилось, что в районе города располагаются огромные нефтяные месторождения, а взамен г. Доризор был передан Сирии.

ные Фейсалом бен Хусейни, не получили представительства в такой же степени, как Вейцман и представители еврейского движения, несмотря на то что 3 января 1919 г. было подписано соглашение между Фейсалом и Вейцманом¹.

Таким образом, резолюции Версальской мирной конференции, а также соглашение между Фейсалом и Вейцманом стали крупнейшим провалом в истории решения арабских проблем, которые обсуждались странами-победителями на конференции в Версале. Совет победителей в Версале согласился с позицией Франции и Великобритании, определившими будущую политику в отношении государств Арабского Машрика. Совет утвердил принципы предоставления мандатов. В 1920 г. состоялась конференция в Сан-Ремо, которая окончательно закрепила все пункты соглашения Сайкса – Пико и декларации Бальфура¹.

Газета Амина Саида «Аль-Урдун» проводила крупномасштабную информационную кампанию в поддержку решения палестинской проблемы и против резолюций Версальской конференции и конференции в Сан-Ремо. Три года, прошедшие после окончания Первой мировой войны, были самыми тяжёлыми для арабов. Арабский Восток со всеми его многочисленными регионами шёл навстречу смутному будущему, к которому его вели недалёковидность арабских правителей и политиков арабской революции. Они не осознавали, какое будущее им уготовано, несмотря на то что большевики в России предсказывали, что ждёт арабов.

24 июля 1920 г. произошло сражение при Майсалуне¹, и французские

войска заняли Дамаск. Великобритания, опередив Францию, тихо оккупировала Палестину.

Газета «Аль-Урдун» продолжала выступать против политики Великобритании и Франции. В её материалах звучал голос нации. Французские власти стали преследовать Амин Саида, и он отправился в Палестину, где провёл три месяца у шейха Асада Аш-Шукейри в г. Акка. Затем он вернулся в Дамаск, чтобы вновь продолжить работу в газете «Аль-Урдун». Французские власти арестовали его, и он был освобождён только лишь в результате посредничества его земляка, в то время министра сельского хозяйства Юсефа Аль-Хакима. Через несколько месяцев он покинул свой пост в газете и передал бразды правления Юсефу Ииса¹, поскольку французские власти относились к тому более лояльно.

Сразу после продажи своей газеты «Аль-Урдун», Амин Саид приступил к изданию новой. Французские власти дали ему на это разрешение, однако язык новой газеты был шутливо-критический.

Такой сатирический стиль господствовал в то время в средствах массовой информации Сирии. В странах Великой Сирии издавалось около 50 газет подобного типа.

Среди них еженедельная газета «Абу Нуваса аль-Асари»¹, издававшаяся в Дамаске.

Амин Саид хотел, чтобы газета носила имя аббасидского поэта, который был современником халифа Гаруна аль-Рашида. Поэта звали Абу Нувас, однако Амин Саид прибавил к его имени слово «асари», что означает «современный».

Немного было людей, которые могли работать в таком жанре, поскольку его язык имел двойной смысл и ранил того, против кого был направлен.

Французские власти неоднократно закрывали газету, но Саид вновь

возобновлял издание. Это продолжалось до тех пор, пока французские власти не арестовали Амина Саида, который направлялся в юридическую школу в Дамаске, где он хотел учиться ещё со времён османского владычества.

Амин Саид – изгнанник в Египте

С большими сложностями Амин Саид добрался до Каира 5 мая 1922 г. Уже на следующий день после приезда он встретился с шейхом Кямилем аль-Кассабом, который повёл его в штаб-квартиру Исполкома Сирийско-палестинского конгресса.

Шейх познакомил его с Наджибом Шукейри, секретарём Исполкома, и с профессором Тауфиком аль-Язиджи, которого А.Саид знал ещё в Дамаске по работе в газете «Дифаа», им издававшейся.

Аль-Язиджи представил Амина Саида Халилю Сабит-паше, главному редактору газеты «Аль-Мукаттам», которая нуждалась в редакторе со знанием османско-турецкого языка, а Амин Саид владел им в совершенстве.

Работа Амина Саида в газете совпала с началом войны между Грецией и Турцией; во главе Турции стоял Кемаль

Амин Саид провёл в тюрьме целую неделю, после чего офицер Ахмад аль-Джалляд, который был его другом, посоветовал ему в течение 48 часов покинуть страну. Амин Саид выехал из Дамаска и начал новую жизнь в Египте, где прожил около 17 лет¹.

Ататюрк¹. Газета освещала все перипетии этой войны: египтяне интересовались этой темой и поддерживали турецкую сторону, учитывая исторические связи Египта и Турции.

Амин Саид на страницах газеты «Аль-Мукаттам» рассматривал многие насущные арабские проблемы, подписываясь при этом как Восточный Политобозреватель. Содержание его публикаций было объективным. Работавший в газете «Аль-Мукаттам» инженер Ахмад Абуд-паша подготовил издание газеты «Кашшаф», которая принадлежала египетской партии «Аль-Вафд». Саад Заглюль, глава этой партии, согласился на её издание, а Амин Саид возглавил в ней иностранный и арабский отделы.

Вклад Амина Саида в культуру Египта

В египетский период своей жизни Амин Саид много и плодотворно работал, внес значительный вклад в журналистику и историю. Каждый день он писал более 50 страниц, и это несмотря на его многочисленные обязательства и контакты с различными официальными и неофициальными инстанциями. Как журналист он, кроме работы в газете «Аль-Мукаттам», сотрудничал со следующими изданиями:

1. Журнал «Ближний Восток»

А.Саид стремился быть независи-

мым и иметь собственное информационное издание, чтобы его никто не контролировал. Это издание должно было быть трибуной для защиты арабских интересов. Он договорился с Наджибом Шукейри издавать еженедельный журнал «Ближний Восток»¹, который должен был освещать события и проблемы региона, а уже потом события в мире. После смерти Наджиба Шукейри Амин Саид стал самостоятельно издавать журнал. Его первый номер вышел 1 октября 1927 г.

В предисловии к первому номеру Амин Саид написал: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного. Это – первый политический журнал, выходящий на арабском языке, предназначенный для рассмотрения проблем стран Востока и для научного и аналитического изучения этих проблем. Журнал будет также служить делу сближения наших стран, знакомству с народами и национальностями, проживающими в этих странах, делу защиты их прав и возрождения. Наш журналистский опыт и рассмотрение соответствующих проблем на страницах газеты “Аль-Мукаттам” на протяжении пяти лет, поддержка ученых, известных людей, помощь литераторов и одобрение читателей даст нам возможность выполнить поставленную перед нами задачу. Уповаю на Аллаха. Амин Саид».

На обложке первого номера журнала была дана карта Ближнего Востока, представляющая регион Великой Сирии с его четырьмя частями, объединенными географически в единое целое. Так как Великобритания считала, что такая карта опасна для ее колониальных планов на Арабском Востоке, то стала добиваться снятия карты с обложки журнала. В последний раз карта региона на обложке фигурировала в 67-м выпуске журнала.

В выпусках 68-м, 69-м на обложке были даны карикатуры на официальных арабских и неарабских деятелей. После 69-го выпуска издание журнала было приостановлено.

Вклад Амина Саида в историческую науку (1924–1939 гг.)

Амин Саид рассказывает об этом аспекте своей деятельности в мемуарах «Как я стал писателем». В мемуарах он указывает, что в 1930 г. у него в руках оказалась книга «Жизнь Мухаммеда»¹ на французском языке. Автор ее – Эмиль Дарманаджам, известный французский писатель. Поскольку Амин Саид хорошо владел французским, он пере-

Основные рубрики журнала*:

- Исследования и мнения;
- Проблематика арабских стран;
- Письма корреспондентов и авторов;
- миссия Сирии – Ирак – Палестина – Ливан – Турция – Хиджаз;
- Открытия, находки, информация.

2. Журнал «Арабское содружество»¹

Это – второй журнал, который Амин Саид издавал в Каире. Как он сказал в первом номере журнала, он хотел, чтобы этот журнал отражал мнения всех арабов.

Первый выпуск журнала состоялся 27 мая 1936 г. (6 марта 1355 г. хиджры). На его страницах публиковались многие арабские писатели и поэты. Вышло 153 номера журнала. На выпуске № 154 Амин Саид объявил, что он уступает свой пост профессору Абдельгани Ар-Рафи. Причиной ухода стало его возвращение в Сирию в сопровождении брата Абдеррахмана Шахбендера. 14 июня 1939 г. Амин Саид вернулся в Сирию.

вёл книгу на арабский язык, заручившись поддержкой во французских культурных кругах. Когда он закончил перевод, ему сообщили, что главный редактор газеты «Ас-Сияса» Мохаммад Хейкала опередил его. Он сделал в книге некоторые исправления и издал её под своим именем. Мохаммад Хейкала был известен в научных и общественных кругах и

* С журналом можно ознакомиться в научном исследовании «Известия королевства Хиджаза и Наджда»³.

занимал заметное место в египетском обществе. Это был первый писательский опыт А.Саида.

В 1933 г., когда Амин Саид еще работал в газете «Аль-Мукаттам», к нему пришёл владелец газеты «Аль-Латаиф» Искандер Макариус и попросил написать книгу о королях современных мусульман и их государствах¹. Книга была опубликована и имела большой успех в арабском и исламском мире. Затем он написал книгу под названием «Дни Багдада»¹.

Особо следует отметить его книгу «Великая Арабская революция» в трех томах. Амин Саид собрал обширные архивные документы, связанные с революцией. Кроме того, в Багдаде Амин Саид встретился с Али бен-Хусейном и попросил у него переписку его отца с Макмагоном, поскольку эти письма были необходимы для книги. А.Саид съездил в Амман и получил все официальные документы и письма, в которых он нуждался. После того как были собраны окончательно все документы и материалы, Амин Саид выпустил свою работу «Великая Арабская революция»¹. Он стремился к тому, чтобы книга стала источником информации, написанном писателем, который был не только современником и свидетелем событий арабской революции, но и её участником, служившим в рядах османской армии, боювшейся с революцией.

В первом томе речь идет об арабской революции и переписке Хусейна с Макмагоном.

Во втором томе автор повествует о падении Хашимитского государства и становлении Королевства Хиджаза, Неджда и прилегающих территорий. Здесь же имеется раздел, посвященный Палестине с момента подписания декларации Бальфура и вплоть до момента сдачи книги в типографию, а также говорит

ся о революции, вспыхнувшей в Ираке против англичан.

Третий том посвящен событиям в Сирии после падения феисалистского государства, а также событиям сирийской революции 1925 г. против французских колонизаторов и результатам соглашения, подписанного в 1936 г. между Францией и Сирией.

Несомненно, Амин Саид удивил международных, арабских и сирийских политиков, издав книгу, посвященную одному из важнейших периодов арабской истории – революции. Политики, ученые и представители дипломатического корпуса устроили в его честь в египетской столице вечер в связи с выходом в свет книги. Комиссия по организации вечера отправила письма руководящим деятелям арабского мира и деятелям науки с приглашением принять участие в церемонии 24 апреля 1934 г.

На вечере присутствовал шейх Мухаммед Рашид Рида, который сказал А.Саиду: «Мы обычно не чествуем наших людей при жизни. Как правило, мы чествуем их после смерти. Сегодня мы нарушили этот обычай. Сохрани эту руку для своей нации, служи ей всегда с верой и преданно».

На следующий день, 27 апреля 1934 г., десятки газет и журналов напечатали сообщения о чествовании Амина Саида¹.

Так прошла встреча в Каире, а вот Франция отнеслась негативно к книге и запретила ее ввоз в Сирию. Когда поэт Шафик Джабри привез книгу в Дамаск, ее конфисковали. Он был задержан, и его судил сирийский военный суд, который находился под полным контролем французского колониального режима.

Чествование и высокая оценка книги А.Саида подвигли его заняться историческими работами. Он обогатил библиографию по исламской истории, написав две работы по истории возникновения политического ислама в период после исламских

завоеваний Египта, Африки, Аравийского полуострова, Ирака и Персии.

При создании книг «История политического ислама: войны мусульман против персов. Завоевание Аравии, Ирака, Персии» (1938 г.) и «История политического ислама. Войны мусульман против Рима, завоевание стран Великой Сирии и государств Северной Африки» (Каир, 1938 г.)¹ он опирался на подлинные источники, в частности на материалы, связанные с историей завоевания Египта, а также на коптские источники, которые относились к периоду завоевания Египта Амру бен-аль-Асом. Самое интересное в этих двух книгах заключалось в том, что автор использовал географию для объяснения военных событий в истории.

Обе книги вышли под общим названием «История политического ислама».

Это говорит о том, что А. Саид опередил многих авторов, писавших на тему истории ислама и использовавших в названиях своих книг термин «политический ислам». Среди этих авторов, например, Ибрагим Хасан.

Кроме того, А. Саид написал критическую работу, посвященную реалиям Великой арабской революции и негативным последствиям ее для арабов. Книга вышла под названием: «Великая арабская революция, или Трагедия шерифа Хусейна».

В ней Амин Саид говорит о многочисленных отрицательных моментах, которые были в истории арабской революции как накануне ее, так и на последующем этапе. На страницах книги он показывает, что шериф Хусейн, лидер революции, не был готов возглавить её. Саида интересовал ответ на вопрос, каким образом

начинались отношения между шерифом и Великобританией.

Али бен-Хусейн, сын шерифа Хусейна, ответил ему следующим образом: «Англичане прибыли в Хиджаз и привезли с собой белый лист бумаги, на котором была поставлена печать. Они сказали: это имперская печать. Потом они предложили: пишите на этой бумаге свои требования.

Британское правительство обещало выполнить все, что будет на ней написано. Мы поверили этим словам и скрепили документ подписью. Мы написали, что мы требуем независимости для арабских стран. Они сказали: вот она. Мы им поверили. И вдруг после всего этого они нас обманывают и лгут. И таким образом обрекают нас на зависимость. Все это потому, что наша власть была властью бедуинов, мы не имели опыта в решении международных проблем»¹.

Саид переиздавал эту книгу несколько раз, поскольку она содержала критическую оценку Великой арабской революции, а также оценку катастроф и бед, которые она принесла арабам. Этот труд стал одним из самых важных источников, посвященных Великой арабской революции.

Среди книг, которые А. Саид издал в Египте, были «История нового национального пробуждения арабов»¹ в трех томах.

Том 1. Объединенное арабское государство, история английского колониализма в арабских странах (1938 г.).

Том 2. История французского и итальянского колониализма в арабских странах (1938 г.).

Том 3. История пробуждения арабов и программа создания объединенного арабского государства (1938 г.).

Это все работы, написанные А. Саидом в Египте.

Сирийский период жизни Амина Саида

Вернувшись в Сирию и преодолев все препятствия, Амин Саид стал издавать газету «Аль-Кифах». Первый выпуск газеты он приурочил к дате известной битвы при Майсалуне (24 июля 1939 г.). Это историческая дата, которую сирийский народ никогда не забудет, и связана она с гибелью героя этой битвы Юсефа аль-Азма. Кроме того, именно в этот день в Сирию вошли французские колониальные войска.

Газета выходила до 1957 г. Тираж составлял 6 тыс. экз. Впоследствии владелец газеты переплел все выпуски газеты, и получилось 17 томов¹.

Что касается научных книг, то надо указать на следующие работы:

– *Современная история Египта (в 5 томах)*¹.

– *Египет от нашествия французов до падения монархии.*

– *Революция 23 июля 1952 г.*

– *Агрессия 28 октября 1956 года.*

– *Объединенная Арабская Республика (в 2 томах).*

Все эти книги дополнили каталоги крупных государственных и частных библиотек, где имеются книжные фонды по истории Египта.

Позднее вышло еще несколько книг:

– *Великие арабские революции XX века (1960 г.);*

– *Арабская родина (1960 г.);*

– *Политическая история Йемена (1959 г.);*

– *Арабский залив: его политическая история и современный подъем**.

По арабской литературе А. Саид дал толкование сборника стихов Антара бен-Шадад бен-Муавия бен-Карад аль-Абасий, а затем издал эту работу.

Амин Саид оставил в своем наследии по современной истории арабов более 10 работ, некоторые из них были опубликованы. Например, книга «Моя жизнь и политические мемуары» в двух томах; «Египет в период правления Насера» в трёх частях (подготовлена к публикации). Кроме того, имеется ряд неопубликованных работ:¹

– *Краткий очерк по истории Кувейта;*

– *Факты и цифры, связанные с отношениями между арабами и Советским Союзом;*

– *Арабская Лига;*

– *Записки по современной истории арабов вплоть до 1960 г.;*

– *Палестинская проблема и ее история;*

– *Национальный союз;*

– *Арабские страны в период османского правления;*

– *Независимый Судан;*

– *Современная политическая история Магриба с 1860 по 1961 гг.;*

– *Мужественный Алжир;*

– *Сирия от мандата до объединения;*

– *Политическая история Ливана.*

* Одна из важных работ, посвященных проблеме оазиса аль-Бурейми и отношениям Саудовской Аравии с Великобританией, учитывающая существенную документальную базу, на которую опирался автор при ее написании.

Амин Саид в тюрьмах Абдель Насера

О б объединении Сирии и Египта было объявлено 24 февраля 1959 г. В период сирийско-египетского единства Амин Саид переехал в Египет, чтобы быть ближе к информационным структурам, связанным с руководством республики. Он занимает пост советника президента Насера по информационным вопросам. В течение двух лет после провозглашения объединения Амину Саиду не удалось заниматься реальным делом. Его положение ничем не отличалось от положения многих сирийцев, которых направили в Египет в соответствии с формально принятым исполнительным решением. Их деятельность в Египте заключалась в том, что они собирались вместе, пили кофе, проводили досуг, обсуждали разные несущественные проблемы и т.д. Таков был реальный образ жизни сирийцев в Египте.

Вскоре стало ясно, что в условиях режима Абдель Насера, опирающегося на органы безопасности, ситуация в Сирии все более ухудшалась. Сирийцы протестовали. Всё, что происходило в Сирии, доходило до А.Саида, однако он не мог ничего сделать. Он встретился со своим другом Махмудом Риядом, который был советником президента Насера, рассказал ему о тяжёлой ситуации в Сирии и попросил передать содержание их разговора лично президенту.

Эта встреча произошла за неделю до объявления разрыва Сирии с Египтом (28 сентября 1961 г.). После переворота, когда А.Саид собирал вещи для отъезда в Сирию, его арестовали (6 октября 1961 г.). Ему было в то время уже 72 года, он находился

под медицинским наблюдением в одной из кардиологических клиник, поскольку страдал от сердечной недостаточности. Его выпустили на свободу через 11 месяцев и шесть дней из-за плохого состояния здоровья.

Его освобождению из тюрьмы способствовали многие арабские политические деятели, например такие, как наследник Саудовского престола Фейсал бен-Абдельазиз, который обратился к египетским властям с соответствующей просьбой.

Амин Саид – блестящий журналист. Он не мог не написать о том, что видел своими глазами в тюрьме (гнёт, пытки и убийства, которые применялись в отношении заключённых в тюрьмах Египта). Ещё находясь в тюрьме, он написал книгу «Египет в эпоху правления Насера»¹.

Амин Саид говорит в своих мемуарах: «Пребывание в тюрьме, частые посещения больниц и лагерей способствовали моим контактам с честными египтянами, которые тысячами заполняли застенки страны. Среди них были лидеры братьев-мусульман, вафдистов, представители различных коммунистических течений... Я вызывал их на разговор, касающийся их проблем, обсуждал с ними все детали и записывал всё, что слышал от них. В тюрьмах и концентрационных лагерях я продолжал свою журналистскую деятельность и работал над книгами.

Я зафиксировал множество секретных сведений, которые получил от структур госбезопасности Египта. Этой книге я дал название «Египет в период правления Насера». Она является важной работой, посвящён-

ной новой и современной истории арабов.

Спустя четыре месяца после моего выхода из тюрьмы, в результате усилий множества моих друзей и сотрудников посольства Саудовской Аравии в Каире, которым саудовский наследный принц Фейсал бен-Абдельазиз поручил оказывать мне

помощь, я получил заграничный паспорт. Передо мной распахнулись двери Большой египетской тюрьмы, и я отправился, при помощи главы отдела египетской госбезопасности Салаха Насра, в Бейрут. Я оставался в Бейруте до тех пор, пока к власти в Сирии не пришла партия «Баас»¹.

Ливанский период в жизни Амина Саида

Все арабские страны страдали от ига колониальных режимов, в том числе и Сирия. Даже после прихода к власти партии «Баас» Амин Саид, не обрёл жизненного покоя.

Ещё находясь в Бейруте, он начал писать историю Саудовской Аравии, в Сирии он продолжил эту работу.

Он собирал историю этой страны начиная с её возникновения и вплоть до сегодняшнего дня.

Эта работа послужила фундаментальной основой для исторических исследований, которые он опубликовал в Бейруте.

Амин Саид и король Фейсал

Амин Саид был одним из сирийских граждан, которые связали свою судьбу с королём ас-Саудом, учитывая ту реальность, в которой оказались жители Аш-Шама в результате Великой арабской революции, произошедшей под руководством хашемитов. Революция принесла странам Аш-Шама и её народам множество трагедий и бед.

Среди них:

— Часть 1. Первое Саудовское государство начиная с имама Мохаммада бен-Сауда и до имама Абдеррахмана аль-Фейсала (публикация Дар-аль-Кятиб-аль-араби, Бейрут, 1964);

— Часть 2. История Саудовского государства. Король Абдельазиз бен-Абдеррахман аль-Фейсал ас-Сауд (публикация Дар-аль-Кятиб-аль-араби, Бейрут, 1964);

— Часть 3. История Саудовского государства. Эпоха Сауда бен-Абдельазиза (публикация Дар-аль-Кятиб-аль-араби, Бейрут, 1964);

— Великий Фейсал (публикация Дар-аль-Кятиб-аль-араби, Бейрут, 1965 г.);*

— Биография шейха Мохаммада бен-Абдельвахаба (публикация Дар-аль-Кятиб-аль-араби, Бейрут, 1965);

— Прославление ас-Сауда**.

Это было одной из причин того, что люди стали обращать свои взоры на поднимающееся Саудовское государство.

Многие поколения в странах Аш-Шама стали устанавливать связи с королём Абдельазизом, а затем и с его потомками.

Амин Саид в 1965 г. прибыл в Саудовское королевство, чтобы посе-

* Нам удалось переиздать эту работу после проведения симпозиума короля Фейсала в 2009 г.

** Эта книга была написана после поездки А.Саида в Саудовскую Аравию в 1960 г. во время правления короля Сауда. Она была опубликована в 1961 г. Нам удалось переиздать её в издательстве «Ас-Сакый» в Бейруте в 2011 г.

литься здесь. Впервые он посетил королевство в 1928 г. Здесь он встретился с королём Абдельазизом в доме шейха Мохаммада Насыфа в Джидде.

Об этой встрече он рассказывал в своём журнале «Ближний Восток» в статье под названием «Шесть дней в Хиджазе»⁴.

Он опубликовал эту статью в трёх выпусках.

Во второй раз он посетил Саудовскую Аравию в 1930 г., а в третий раз – в 1960 г.

Когда он прибыл в Эр-Рияд и встретился с королём Фейсалом, ко-

роль приветствовал его и предоставил ему кабинет рядом со своими апартаментами. Амин Саид продолжал жить по соседству с королём Фейсалом вплоть до своей кончины. 21 июля 1967 г. он умер в Ливане, где проводил свой отпуск вместе с семьёй. С его смертью закончился славный путь историка и журналиста Амина Саида. Его тело было отправлено для захоронения на его родину, в Дамаск, который был слишком тесен для него при жизни и стал слишком просторен после смерти¹.

Примечания

¹ Саид А. Ас-Самак Абдель Керим Ибрагим. Моя автобиография и мои политические мемуары / сост. Ас-Самак А.К.И. Бейрут, 2005. В 2-х томах. Т. 1. С. 24, 25, 21, 28, 30, 37, 79, 169, 133, 134, 174, 222, 206; Т. 2. С. 988; Т. 1. С. 174–180, 237, 228, 265, 267, 69, 471, 515, 451, 492, 454, 456, 457–469; Т. 2. С. 1057; Т. 1. С. 456, 520; Т. 2. С. 1057, 1058–1059, 814–872; Т. 1. С. 24.

² Зейн Нуриддин Зейн. Борьба на международной арене и создание двух государств – Сирии и Ливана. Дар-Ан-Нагар, Бейрут, Ливан. Изд. 2. 1977. С. 28.

³ Мир книг в Саудовской Аравии. Изд. 4 (1430 г. хиджры). 2009. Апрель. Т. 309. С. 617.

⁴ Ас-Самак Абдел Керим. Журнал «Мир книг». Саудовская Аравия. С. 633.

**Подписка на 2012 г.
на журнал «Обозреватель – Observer»
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:**

47653 — на полугодие

36789 — на год

Глобальные политические технологии: теория и практика

Полина Васильева

Понятие «политические технологии», вошедшее в научный и политический обиход, на Западе изучается и используется уже порядка 100 лет. В России политические технологии стали целенаправленно применяться с 1989 г. в период перестройки и гласности.

В политологии рассматриваемый термин стал изучаться не так давно, однако реальное применение политических технологий уходит своими корнями в далекое прошлое, так как представить себе любой политический процесс без их применения фактически невозможно. Но если раньше применение политических технологий носило несистемный характер, не было выработано четких механизмов реализации той или иной технологии, то сегодня политический процесс представляет собой достаточно четкую систему применения тех или иных механизмов и методов. Любой политический проект (избирательная кампания, партийное строительство, референдум или организация революции) в своей основе содержит набор определенных политических технологий.

О политических технологиях можно сказать следующее:

- политические технологии применяются в области публичной политики;
- они представляют собой совокупность наиболее целесообразных приемов, способов, процедур реализации функций политической системы, на-

---

ВАСИЛЬЕВА Полина Игоревна – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. *E-mail:* Polina.i.vasilieva@gmail.com

Ключевые слова: политические технологии, глобальные политические технологии, архетипы сознания, информационное воздействие.

правленных на повышение эффективности политического процесса и достижение желаемых результатов в сфере политики;

– инструменты политических технологий могут быть разделены на тактические и стратегические;

– целью применения политических технологий является достижение политической власти.

Предпосылки становления глобальных политических технологий

Сегодня наступил новый этап в осмыслении термина «политические технологии». Ранее применение политических технологий носило достаточно локальный характер для достижения конкретного политического результата в рамках страны или региона. В настоящее время масштаб применения политических технологий существенно расширяется.

В информационную эру, когда зародилось глобальное информационное пространство, наиболее развитые государства получили возможность использовать политические технологии не только во внутренней, но и во внешней политике.

Можно выделить две ключевые причины данного явления.

Во-первых, это процесс глобализации, который, безусловно, затрагивает и сферу политики. Взаимозависимость государств становится все более ощутимой, поэтому политические процессы, проходящие в той или иной стране, оказывают все большее влияние на ситуацию в других государствах.

Вторая причина – это технический прогресс, открывший, по сути, безграничные возможности для осуществления коммуникации и передачи информации.

Глобализация и информационно-техническое развитие позволили говорить о том, что сегодня формируется новый вид политических технологий – глобальные политические технологии.

Однако их появление не исключает применения тех или иных технологий на локальном уровне. По сути, глобальные политические технологии – это один из новых видов политических технологий.

Понятие «глобальные политические технологии» можно охарактеризовать как особый вид политических технологий, в результате применения которых актор стремится к реализации своих политических интересов, выходящих за пределы одного государства, а применение данных технологий сказывается на политическом процессе в мировом масштабе.

Использование архетипов сознания в рамках политических технологий

Научно-философским обоснованием гипотезы о появлении в современном обществе глобальных политических технологий служит концепция Карла Густава Юнга о кол-

лективном бессознательном и архетипах сознания.

К.Г.Юнг выдвинул идею коллективного бессознательного как одной из форм бессознательного, единой для общества в целом и

являющейся продуктом наследуемых структур мозга.

Основное отличие коллективного бессознательного от индивидуального в том, что оно является общим для разных людей, не зависит от индивидуального опыта и истории развития индивида, представляет собой некий единый «общий знаменатель» для разных людей.

Коллективное бессознательное в отличие от индивидуальной (личной) формы бессознательного основывается на опыте не конкретного человека, а общества в целом.

Юнг обозначил его как более глубокий слой, чем индивидуальное бессознательное: за словом стоят не только прямые значения, но и более скрытые слои, смыслы, понятные на бессознательном уровне¹.

Использование архетипов в массовой культуре

Архетипы представляют собой весьма формальные, бессодержательные и крайне обобщенные образы. Тем не менее Юнг считал, что, как только архетипы приобретают более отчетливые формы, они начинают сопровождаться необычайно оживленной эмоциональной реакцией и тем самым получают способность впечатлять, внушать, увлекать², поскольку восходят к универсально-постоянным началам в человеческой природе.

Отсюда вытекает роль архетипов для художественного творчества. Тайна воздействия искусства, согласно концепции Юнга, состоит в особой способности художника почувствовать архетипические формы и точно реализовать их в своих произведениях. «Тот, кто говорит архетипами, глаголет как бы тысячей голосов... он подымает изображаемое им из мира единократного и преходящего в сферу вечного; притом и свою личную судьбу он возвышает до всечеловеческой судьбы...»²

Основу коллективного бессознательного составляют архетипы – первичные схемы образов, воспроизводимые бессознательно и априорно формирующие активность воображения, а потому появившиеся в мифах и верованиях, в произведениях литературы и искусства, в снах и бредовых фантазиях.

Тожественные по своему характеру архетипические образы и мотивы (например, повсеместно распространённый миф о потопе) обнаруживаются в несоприкасающихся друг с другом мифологиях и сферах искусства, что исключает объяснение их возникновения заимствованием.

Концепция Юнга интересна тем, что на ее основе, на основе архетипов сознания во многом строится современная массовая культура. Так как архетипы сознания присущи человеку независимо от той среды, в которой он вырос и живет, они активно используются в современном искусстве, и прежде всего в кинематографе.

Примером может служить обращение к темам былинных и мифических произведений народов мира или теме апокалипсиса.

При этом, по мнению исследователя А.И. Соловьева, политика сегодня также становится частью массовой культуры³. К тому же применение в ней архетипов эффективно не только при реализации локальных политических кампаний, когда образ политических лидеров может строиться на определенных культурных стереотипах. Использование архетипов в политике имеет потенциал при применении глобальных политических технологий, так как образы, к

которым можно обращаться в рамках таких кампаний, универсальны и могут использоваться в рамках широкого географического и политического пространства.

Согласно концепции Юнга, обращение к архетипам сознания может вызывать несоизмеримую реакцию по сравнению с причиной, лежащей в ее основе⁴. Данный факт в свою очередь служит базой для провокации массовых акций, в первую очередь, протестных, когда причиной к столь бурной реакции населения могут послужить малозначительные события, описываемые при этом в контексте архетипичных символов сознания или сравниваемые с символическими событиями из прошлого.

Юнг также говорит о важной особенности человеческой психики – подражании, на основе которой строятся массовые организации, государство и общественный порядок.

Он пишет следующее: «Любой процесс, носящий эмоциональный характер, немедленно вызывает сходные процессы в других. Когда вы находитесь в движимой эмоциями толпе, вы не можете не поддаться этим эмоциям»⁵.

Следовательно, обращение к эмоциям и бессознательному порождает в человеке, а затем и в большой массе людей гипертрофированную и плохо контролируемую с их стороны реак-

цию, которая быстро распространяется в обществе в силу эффекта приспособления. При этом инициатор обращения может управлять этой группой лиц, тем или иным образом трансформируя свое обращение.

Культурные и исторические символы несут в себе определенную сакральность для общества и отдельных индивидов. Известно, что они могут вызывать глубокий эмоциональный резонанс у некоторых людей, и такой психический заряд заставляет их действовать во многом так же, как и в случае суеверий или предрассудков. Эти символы относятся к тем же факторам, с которыми вынужден считаться психолог, и было бы глупо игнорировать их лишь потому, что в рациональных понятиях они выглядят абсурдными и несущественными².

В российском сознании такую роль могут исполнять, например, события Великой Отечественной войны. Освещение событий за рубежом, связанное с попытками пересмотра истории, или демонтаж памятников советским солдатам вызывают резко негативную реакцию в российском обществе и определенным образом формируют общественное отношение к правительству и политическому курсу стран, в которых происходят подобные события.

Некоторые инструменты реализации глобальных политических кампаний

При осуществлении политической кампании, как национальной, так и кампании за рубежом, также важно точно определять каналы коммуникаций и лидеров мнений,

через которых будет осуществляться трансляция взглядов и идей. Рассматривая людей как каналы коммуникации, ЮСИА* так формулирует свои приоритеты: для нас важнее

* ЮСИА – Информационное агентство США.

достичь одного журналиста, чем десяти тысяч домохозяек или пяти тысяч врачей⁶. В свою очередь, лидеров мнений можно разделить на локальных и космополитичных: в зависимости от цели кампании – повлиять на внутринациональную ситуацию или сформировать мнение по международному вопросу – коммуникация осуществляется через лидеров мнений первого или второго типа.

К универсальным инструментам ведения политической кампании в любой стране можно отнести метод создания виртуальных объектов.

Виртуальные объекты не только легче создавать, чем настоящие, но с ними еще и легче бороться, так как они открыты для любых трансформаций. Поскольку вся информация, которую мы получаем, идет единым потоком (за и против объекта), то в

этот поток вплетают нужные сообщения⁷.

К виртуальным объектам, формирующим положительное восприятие, стоит отнести заявления о «стратегическом партнерстве» государств, а негативное отношение формируют, например, такие заявления, как существование «оси зла».

Важно, что виртуальный объект не имеет содержательной стороны – понятие «стратегического партнерства» не отражает интересы государств и не объясняет их действия, а существование «оси зла» и ее состав зависит от текущих внешнеполитических интересов одного государства. При этом виртуальный объект обращен к эмоциям людей, четко рисует в их сознании необходимые образы и формирует общественные мифы.

Методы глобальных политических технологий

Исходя из всего вышесказанного, можно вывести следующую классификацию глобальных политических технологий.

1. Политические технологии, носящие мировой масштаб применения (состав акторов, реализующих ту или иную технологию; тип объекта или объектов, на который направлено действие технологии; проблема, решение которой предполагает участие большого числа акторов на международной арене).

2. Политические технологии, в рамках которых один актер оказывает влияние на политику в мировом масштабе.

Важно понимать, что политические технологии, и в том числе глобальные политические технологии,

стоит различать по методам, которые используются при их реализации.

Одним из важнейших здесь будет вступать метод информационного воздействия. Влияние СМИ на политику очевидно и вряд ли может оспариваться в современном научном сообществе. Однако наибольший интерес представляют международные СМИ и интернет-источники.

В основном именно СМИ выступают главным проводником технологий влияния и психологического воздействия на общество. И первую роль в этом процессе играет телевидение. Такие международные телеканалы, как *BBC*, *CNN* или *Al Jazeera*, являются не только авторитетными источниками информации, но и зачастую,

хотя это активно опровергается и отрицается, выступают проводниками определенных политических идей и позиций.

Информационные каналы позволяют проводить интервенцию в страну без применения военной силы, совершая революции и перевороты руками собственных граждан. Особенную роль в современном мире начинают играть интернет-каналы распространения информации.

Особенностью применения подобных технологий является то, что в Интернете достаточно сложно отследить первоначальный источник или источники информации, а также остановить ее лавинообразное распространение в Сети, что существенно затрудняет борьбу с данными технологиями.

К тому же доступность и дешевизна применения политических технологий в Интернете как существенно сокращает расходы субъектов на реализацию политических проектов, так и расширяет круг самих субъектов. Если раньше доступ к информационным ресурсам был у ограниченного круга политических лидеров и объединений, то сегодня даже незначительная политическая организация или отдельный человек способны не только быстро и существенно увеличить число сторонников своих взглядов, но и подорвать имидж своего соперника.

Естественно, не стоит идеализировать применение интернет-технологий в политике, стоит понимать, что это только один из новых методов ведения политической борьбы, который вовсе не отменяет применение классических технологий.

Другим методом реализации глобальных политических технологий служит создание международных стандартов и условий соответствия. Примером подобной технологии могут быть различные международные рейтинги.

Распространение информации о содержании данных рейтингов формирует общественное восприятие политического, экономического, культурного или социального положения в той или иной стране. При этом наличие данных рейтингов предполагает существование определенного эталона, идеала или универсальной модели, к которой государства должны стремиться в своем развитии. Также сохраняется вопрос об объективности и независимости организаций, занимающихся составлением международных рейтингов.

Другим примером применения метода создания условий соответствия служит выдвижение требований, которые необходимо выполнить для вступления страны в наднациональные структуры (например, ВТО), при этом, как правило, на весьма невыгодных для нее условиях.

К иным методам реализации глобальных политических технологий можно отнести:

- глобальные сетевые проекты;
- создание глобальных политических движений и управление ими;
- проекты актуализации национальной идентичности и стимулирования сепаратистских движений (уйгурский проект, финно-угорский мир, курдский проект и др.);
- глобальные геополитические проекты («Великий Туран», евразийский проект);

– деструктивные глобальные технологии (международный терро-

ризм, контроль и маршрутизация наркотрафика) и др.

Перспективы изучения глобальных политических технологий

В силу углубления процессов глобализации и развития информационных технологий уже в ближайшем будущем можно ожидать расцвета глобальных политических технологий, увеличение их многообразия.

Так как подобные технологии зачастую являются манипулятивными, скрытыми и вызывают к плохо контролируемым эмоциям людей, то позднее распознавание таких технологий и неоперативное предотвращение их применения может подорвать стабильность в обществе и привести к необратимым и негативным последствиям.

Тщательное изучение глобальных политических технологий сможет помочь решить сразу две важные задачи:

– *во-первых*, позволит расширить арсенал инструментов продвижения национальных интересов за рубежом, что существенно повысит эффективность при достижении целей внешней политики государства;

– *во-вторых*, даст возможность защитить внутреннюю политическую жизнь в стране от попыток применения подобного рода технологий другими державами.

Изучение методов «глобальных политических технологий» имеет большой потенциал в свете возрастания глобальной взаимозависимости государств, так как эффективное применение подобных технологий даст возможность государствам добиваться реализации своей политической воли вне рамок отдельно взятой страны и тем самым наращивать свое влияние в глобальном масштабе.

Распознавание же механизмов применения таких технологий позволит правительствам государств защитить себя от негативного влияния применения глобальных политических технологий со стороны политических противников.

Примечания

¹ Юнг К.Г. Очерки по психологии бессознательного. М.: Когито-центр, 2010.

² Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. С. 110, 84–85.

³ Соловьев А.И. Политическая культура: к проблеме идентификации национальных моделей // Принципы и практика политических исследований. М., 2002.

⁴ Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994. С. 138.

⁵ Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. М., 1998. С. 142.

⁶ Jowett G.S. O' Donnell V. Propaganda and persuasion. Newbury Park, 1992. P. 218.

⁷ Почепцов Г.Г. Виртуальные революции: использование виртуальных объектов при смене власти // Политичний менеджмент. 2004. № 4(7). Пер.

У истоков американской пропаганды

Дмитрий Суржик

Одной из наиболее популярных ныне в США теорий массовой коммуникации является **идея «публичной дипломатии»**, согласно которой государство продвигает свои идеи в массы в условиях демократических свобод, обретая **«мягкую силу»** – поддержку общественного мнения, не препятствуя критике и работая с оппонентами в медиaprостранстве.

Наглядный пример работы государственных органов по ведению «публичной дипломатии» в США можно найти в работе Управления военной информации (УВИ) в годы Второй мировой войны.

Одним из малоизученных вопросов истории Второй мировой войны является пропагандистская деятельность администрации Франклина Рузвельта.

В демократическом государстве, где нельзя было игнорировать мнение оппозиции, президентской администрации пришлось немало сделать, чтобы подготовить сознание

американского общества к участию в войне и, соответственно, роли великой мировой державы. Как известно, президентская администрация имела серьезную оппозицию в конгрессе, а примерно 70% американцев полагали, что после войны наступят тяжелые времена, связанные с безработицей, ростом цен и падением заработной платы¹.

СУРЖИК Дмитрий Викторович – научный сотрудник научно-исследовательского отдела Военного университета Министерства обороны России. *E-mail:* dimsu@inbox.ru

Ключевые слова: публичная дипломатия, пропаганда, информационная война, Уильям Донован, координатор информации, Управление военной информации, Элмер Дэвис, Уильям Пейли, «Голос Америки».

Президенту и его окружению пришлось многое сделать для того, чтобы убедить американцев в необходимости участия в боевых действиях.

К началу Второй мировой войны в США имелась теоретическая база пропаганды, основанная на работах журналиста Уолтера Липпмана и психолога Эдварда Бернейса – советников Вудро Вильсона и членов «комитета Крила». Был также и практический опыт агрессивных информационных газетных кампаний Уолтера Уинчелла и Уильяма Херста.

13 июня 1942 г. для координации информационной (а фактически пропагандистской) деятельности американских государственных учреждений было образовано УВИ, которое вывели из состава Управления координатора информации (*Office of the Coordinator of Information, COI – УКИ*)*, созданного 11 июля 1941 г.

Организация гражданской стратегической неведомственной разведслужбы мирного (США еще не вступили во Вторую мировую войну) времени (УКИ) преследовало цель улучшить взаимодействие между существующими ведомственными разведорганами, ликвидировать дублирование ими функций друг друга и поднять «отраслевые» вопросы на уровень «национальных угроз». Ситуация со вступлением США в обе мировые войны была очень схожей. Во многом это было следствием широкомасштабной пропагандистской работы, которая велась британскими специалистами не без согласия

Белого дома² и ряда государственных структур США.

Своим появлением УКИ в значительной степени обязан двум британцам – главе военно-морской разведки Джону Гудфи (*John H. Godfrey*) и британскому резиденту в Нью-Йорке Уильяму Стефенсону (*William Stephenson*), который позднее будет сотрудничать с Управлением военной информации³.

Координатор имел полномочия собирать и анализировать сведения, которые можно отнести к вопросам национальной безопасности и отвечать на запросы главы государства, а также докладывать о полученной информации правительству и президенту США, а также лицам, определенным последним, и охранять подобные сведения, еще не доступные правительству³.

Главой УКИ был назначен участник Первой мировой войны и «Кавалер креста за боевые заслуги» Уильям «дикий Билл» Донован – выпускник Колумбийского университета, человек с безупречной репутацией, кандидат от Республиканской партии на пост губернатора штата Нью-Йорк (1932 г.). Он был известен своей бурной деятельностью на посту прокурора Нью-Йорка, активной жизненной позицией и антифашистскими взглядами. В 1935 г. Донован побывал в расположении итальянских войск в Эфиопии. Среди его знакомых были влиятельные финансисты и юристы: Фрэнк Нокс, Дэвид Брюс и братья Даллес – Аллен и Джон Фостер.

---

* В русском переводе встречаются такие названия этого органа, как Координатор по информационному обеспечению, или Служба координатора по информации.

После вступления США во Вторую мировую войну в информационных отделах некоторых государственных ведомств развернулась агитационная деятельность.

Подобные отделы были созданы в министерстве по чрезвычайным ситуациям (*Division of Information, Office for Emergency Management*), управлении цен (*U.S. Office of Price Administration*), комиссии по мобилизации трудовых ресурсов (*U.S. War Manpower Commission*) и некоторых других.

Их деятельность объединило Управление военной информации (*The United States Office of War Information, OWI – УВИ*). После нападения на Перл-Харбор, когда объем развединформации значительно вырос, американским спецслужбам потребовалось переориентироваться с европейского театра на тихоокеанский, который стал приоритетным, УКИ было разделено на две службы: УСС (разведка с отчетностью о тайных операциях Комитету начальников штабов) и УВИ (пропаганда).

В соответствующем указе от 13 июня 1942 г. говорилось о том, что создание нового ведомства преследует цель обеспечения права американского и других народов антигитлеровской коалиции на получение правдивых сведений об общих военных усилиях союзников.

Согласно документу, в рамках Управления создавался наблюдательный совет – комитет по вопросам военной информации (*Committee on War Information Policy*). В него входили директор УВИ (как председатель) и представители государственного департамента, министерств обороны и ВМС, объединенного комитета психологической войны (*Joint Psy-*

chological Warfare Committee), координатор по внутриамериканским делам (поскольку пропаганда на Латинскую Америку и Карибские острова оставалась в его прерогативе)*, а также другие лица, назначенные по представлению председателя Президенту США.

Комитет определял основы политики в сфере военной информации, а также рассматривал пропагандистские материалы УВИ для европейского, азиатского и африканского театров военных действий⁴.

Значительную роль в его работе занимали директивы, направленные на подрыв морального состояния противника и подготовку проамериканского общественного мнения.

Эти распоряжения имели различные формы.

Центральные директивы ежедневно отправлялись всем служащим УВИ в разных регионах и содержали темы, которые УВИ желала слышать в радиопередачах, видеть в листовках и, где возможно, в газетах.

Региональные директивы были ориентированы непосредственно на противника, оккупированные или нейтральные страны, они создавались специально для каждой страны и содержали различные аспекты основных тем для пропаганды.

Третья категория – специальные директивы были посвящены событиям, которые требовали особого внимания.

Четвертая категория – перспективные директивы закладывали основы послевоенного пропагандистского аппарата США в таких ключе-

---

* Таким образом, в указе перечислялись все органы специальной пропаганды США. Управление военной информации обладало монополией на пропаганду внутри Соединенных Штатов и работало на гражданское население союзников и противников в Азии, Европе и Африке.

вых странах, как Китай, Филиппины, Сирия, Ливан и Индия⁵.

Центральной фигурой Управления военной информации являлся директор Элмер Дэвис. Назначенный Президентом США, он получал все сведения о предпринимаемых правительством шагах в военной политике (официальная позиция правительства Соединенных Штатов, данные о военных действиях, дипломатии, экономике и т.п.). Он же нес ответственность за все исходящие от правительства сведения данного характера, их содержание и форму, а также распространение в США и за рубежом. Директор УВИ входил в редакционные советы всех теле- и радиопередач по военной тематике, созданных при поддержке федеральных агентств. Он мог потребовать закрыть любую из государственных информационных служб⁵.

Выпускник Оксфорда, Элмер Дэвис был хорошо известен американской публике своими еженедельными вечерними пятиминутными комментариями европейских событий, которые он давал из нью-йоркской редакции радиостанции CBS с 1939 г. Мягкий голос и отсутствие акцента были не единственными его положительными моментами. Выказывая в своих передачах мнение «простого американца», он представлял собой редкое исключение из комментаторов тех лет с их напыщенным тоном. Эти пятиминутные передачи дали возможность Дэвису раскрыться как аналитику, который мог противостоять геббельсовской пропаганде. Он пользовался авторитетом и у коллег.

Так, журнал «*Time*» назвал его человеком со светлой головой, здравомыслящим и одним

из лучших ведущих программ новостей⁶.

Во время «польской кампании» вермахта Дэвис работал по 18 часов в сутки, позднее назвав те несколько недель «бесперывным прокатным станом новостей с нерегулярными и непредсказуемыми перерывами для сна»⁷. Именно тогда информационная составляющая радиостанции развернулась на полную мощность, превратившись в круглосуточный «марафон новостей».

Однажды на завтрак создатель «империи CBS» и его начальник Уильям Пейли заявил Дэвису, что государственная политика – это не застывший в мраморе памятник и что они, представители средств массовой информации, могут ее изменить⁸. Пройдет немало времени, и слова Пейли сбудутся с точностью до наоборот: радио станет одним из важнейших средств государственной пропаганды Управления военной информации.

В УВИ под руководством Элмера Дэвиса были сосредоточены ведущие специалисты в своих сферах: драматурги (Милтон Эйзенхауэр, Артур Миллер, Роберт Эммет Шервуд*, Ли Фолк и Хамфри Кобб), поэты (Арчибальд Маклейш и Чарльз Олсон), социологи (Артур Шлезингер-мл. и Левис Уэйд Джонс). Это были люди разных национальностей, объединенные общим стремлением приблизить крах фашистского блока. Всего с УВИ в годы войны сотрудничало 11 тыс. чел.⁹

УВИ имело разветвленную структуру для ведения агитации на «домашнем фронте», на союзников, нейтральные страны и на противников (спецпропаганда). Пропаганда УВИ на территории США велась всеми доступными средствами массовой информации (печатные издания, радио и кино) по максимально широко-

му направлению: не только «отрицательная» (негативный образ стран «Оси»), но и положительная (соответствующий образ США как многонациональной страны, всё население которой, гендерно и профессионально, сплотилось, чтобы помочь сражающимся за демократию). Наиболее важным средством пропаганды, конечно же, являлось радио.

К 1940 г. 85% домовладельцев имели радиоприемники, а опрос, проведенный в 1941 г., показал, что американцы предпочитали получать новости из радиовыпусков, а не из прессы¹⁰.

В стремлении усилить впечатление от гитлеровской угрозы власти снова обратились к обмену пропагандистскими материалами с Великобританией. Этот опыт был настолько успешным, что американцы поверили: им тоже грозит кошмар «воздушной войны».

Некоторые современники вспоминают, что жители восточной части Нью-Йорка в начале войны боялись немецких авианалетов. Жители Атлантического побережья всерьез боялись «самоубийственных» налетов (в один конец, без возвращения обратно) люфтваффе, а Миннеаполис – бомбежки со стороны Северного полюса¹¹.

Хотя кригсмарине не имели авианосцев и США были расположены вдали от основных театров военных действий, возможность бомбежек люфтваффе большинством горожан рассматривалась всерьез. Проводились учения по противовоздушной обороне и светомаскировке¹².

Боевые действия на территории непосредственно США ограничили лишь нападением на Перл-Хар-

бор, единичным налетом нескольких (предположительно, японских) самолетов на Лос-Анджелес и отдельными бомбардировками американского нефтеперерабатывающего завода (вблизи Санта-Барбары) и форта (штат Орегон), не имевших серьезных последствий¹¹.

В ойна внесла свои коррективы и в повседневную жизнь американцев. Ушедших на фронт мужей у станков сменили 14 млн женщин и около 4 млн юношей в возрасте до 18 лет, многие из которых никогда не занимались поиском работы¹¹. Но пойти на заводы их вынудила не острая нужда, а нехватка рабочих рук на предприятиях. На площадях и в парках проходили митинги за покупку военных займов.

Главной достопримечательностью тех дней (накануне «эры телевидения») были кинотеатры, где транслировалась военная кинохроника. Однако до 1943 г. (из-за малых побед или боязни волнений) по указанию правительства было запрещено показывать на экранах павших. Перед каждым сеансом шел анонс в патристическом духе, призывавший население не обсуждать передвижения войск, покупать облигации и поддерживать своих воюющих отцов, братьев и сыновей. Аморальным считалось для женщины прекратить отношения с воюющим за границей. Популярными были песни, написанные о военнослужащих, сравнивали американок с золотом, ибо они ждут своих возлюбленных, которые вернутся «либо слишком молодыми, либо слишком старыми»¹².

Однако, как отмечают современники тех событий, «несмотря на экстренные усилия,

связанные с поставкой продуктов и материалов... американский народ не испытывал острых лишений. В ходе самой опустошительной в истории человечества войны американцы в целом лучше питались, лучше одевались и лучше жили, чем в предшествовавшей войне десятилетие»¹¹.

Со вступлением в войну связано усиление позиций государства в диалоге с обществом.

В Соединенных Штатах имелись достаточно крупные иностранные диаспоры: японская (110 тыс., из которых 1/3, родившаяся в Японии, по закону 1924 г. не имела гражданства); немецкая (256 тыс. чел.) и итальянская (599 тыс. чел.)¹¹. Несмотря на бытовавшие в обществе предрассудки в отношении них¹³, власти старались не допустить проявлений шовинизма.

Пропаганда велась только против политических лидеров. Карикатуры на Гитлера, Муссолини и Тодзио обычно висели рядом с патриотическими плакатами: «Ты нужен дяде Сэму!»

Тем не менее все американские японцы были интернированы в 11 лагерей восточнее горной гряды Сьерра, где жили в легких деревянных бараках (одна комната на семью), огороженных колючей проволокой¹¹.

Несмотря на декларируемое официальной властью (устаи УВИ) национальное единение перед лицом общих врагов, в стране сохранялась расовая сегрегация. Она проявлялась как официально (в законах южных штатов и в более низкой оплате труда, выполненного чернокожими), так и неофициально. Следствием ее стал ряд небольших расовых бунтов

в 1942–1943 гг., которые были быстро подавлены с применением огнестрельного оружия.

Однако большинство американцев соглашалось с тем, что война была необходима, справедлива и морально оправданна¹¹.

Надо отметить, что пропаганда на «внутренний фронт» носила всеобъемлющий характер.

Как вспоминают современники: «Несмотря на то что Соединенные Штаты вели войну с теми, кого они рассматривали как тоталитарные режимы, уровень контроля государства над жизнью граждан (в те годы) был небывалым. Однако население в массе соглашалось с необходимостью военной цензуры»¹².

Опасения конгрессменов-оппозиционеров (прежде всего из-за возможности потерять голоса своих избирателей) имели веские основания. Ведь в лице директора УВИ исполнительная власть сосредоточила большие полномочия в сфере информации, которые шли вразрез со свободой слова и прессы. Под лозунгом защиты последней вскоре активизировалась оппозиция Франклину Рузвельту (в том числе комитет «Америка превыше всего»). Для противодействия им государственные органы не чурались самых разных средств. Так, ФБР организовало «утечку» информации о том, что влиятельные лидеры «изоляционистов» подозреваются в связях с немецкой диаспорой.

Управление военной информации было ликвидировано указом президента Трумэна 31 августа 1945 г. Однако специалисты УВИ были переведены в другие ведомства*

* Так, «советское направление» в созданном чуть позже ЦРУ возглавил Артур Шлезингер-мл.

и их наработки в «психологической войне» (именно с деятельностью УВИ связано появление этого термина) не были утрачены. Консолидация пропагандистских служб (УВИ, Управления психологической войны – УСС и аналогичного отдела «комитета Рокфеллера») продолжилась и после войны, когда они были ориентированы на следующие регионы: пропаганда в США и Латинской Америке, Европе и СССР. Пропагандисты из УВИ стали ядром для информационно-пропагандистской составляющей начинав-

шейся холодной войны: некоторые – советологами в ЦРУ, другие – жертвами «охоты на ведьм»¹⁴ (проект *Venona*). Радиопередатчики УВИ были выделены в редакцию «Голоса Америки» с подчинением Государственному департаменту. Тон их передач об СССР с началом холодной войны сильно изменился. Зародившееся во Второй мировой войне разделение на гражданскую (координируемую Государственным департаментом) и военную пропаганду в США существует до сих пор.

Итак, на период Второй мировой войны пришлось становление американской пропагандистской машины, в состав которой входили Управление военной информации, отдел «моральных операций» Управления стратегических служб, а также соответствующие подразделения в вооруженных силах и в Управлении по внутриамериканским делам. Этот всплеск пропаганды был подготовлен интенсивной интеллектуальной работой 20-х – 30-х годов. Появившиеся в те годы идеи и методы стали фундаментом, на котором Франклин Рузвельт создал американскую пропаганду. Американские исследователи соглашаются с тем, что целью УВИ и его аналогов была пропаганда, а не некое аморфное «информирование общественности»¹⁵.

«Горизонт» обычных граждан и руководства страны, ранее ограниченный пределами штата или Латиноамериканского континента, теперь резко расширился. Усилиями рузвельтовской администрации Соединенные Штаты после окончания Второй мировой войне превратились из мощной силы на Американском континенте в одну из двух супердержав. Подобное изменение потребовало активной (как внутри страны, так и вне) агитационной работы. Во многом эти задачи были решены с помощью Управления военной информации.

Примечания

¹ Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердлов.: Изд-во Уральского Университета, 1990. С. 189.

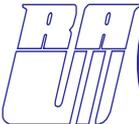
² Hinsley F.H., Simkins C.A. G. British intelligence in the Second World War: its influence on strategy and operations. Cambridge University Press, 1990. P. 142.

³ COI Came First / Center for the study of intelligence // the Official Central Intelligence Agency web-site // URL: <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/oss/art02.htm>

⁴ See Executive Order 9182 // Franklin Delano Roosevelt Library (FDRL). Hyde Park, N.Y. Oscar Cox collection, container 63, Folder: Committee on War Information.

⁵ Office of Policy Coordination // FDRL. Official File as President, File 5015, Folder: Committee on War Information.

- ⁶ Man of Sense // Time. 1942. Jun. 22, P. 21.
- ⁷ Hosley D.H. As Good As Any: Foreign Correspondence on American Radio, 1930–1940. Westport, CT: Greenwood Press, 1984. P. 74.
- ⁸ Paper, Lewis J. 1987. Empire: William S. Paley and the Making of CBS. N.Y.: St. Martin's Press, 1987. P. 65.
- ⁹ McKenzie V. United Nations Propaganda in the United States // Public Opinion Quarterly. 1992. Vol. 6. P. 351.
- ¹⁰ Voss F. Reporting the War: The Journalistic Coverage of World War II. Smithsonian Institution Press, 1994. P. 120.
- ¹¹ Александр Ч.С. Соединенные Штаты: хорошая ли это была война для Америки? // Союзники в войне / под ред. А.О.Чубарьяна. М.: Наука, 1995. С. 304, 303, 306, 311, 312, 315.
- ¹² Sage H.J. World War Two: The Home Front. Northern Virginia Community College, 2008. P. 28, 30, 31.
- ¹³ See These Japans // Life. 1942. March. 16. P. 12.
- ¹⁴ Benson R., Warner M. Venona: Soviet espionage and the American response. Wash. 1996.
- ¹⁵ Duncombe S. FDR's Democratic Propaganda // The Nation. 2008. Apr. 7. P. 10.

 ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail: observer@ru.ru

**На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:**

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2011 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Судьбы революционного наследия: Октябрьская, Февральская и Французская революции

Александр Гордон

В современной России по отношению к памяти революции, к самому понятию в массовых настроениях заметно подобие священного трепета.

Что в этом больше – здорового инстинкта самосохранения или не критического усвоения тех истин, что регулярно и интенсивно преподносят СМИ?

Интеллигентному и иному обывателю представители современного агитпропа внушают, что в российской истории все благодетельно-прогрессивное проистекает исключительно от Власти, которая одна просвещает, модернизирует и в конечном счете спасает народ от самого себя. Если народу доводится выступить на политической арене, то его самочинное действие может стать лишь «бунтом», по хрестоматийному определению «бессмысленным и беспощадным».

Правда, согласно хорошему советскому поэту, коли «бунт кончается удачей, он называется иначе». На такой случай у названной когорты есть свои объяснения: «Бес попутал». И этот бес не имеет подлинного отношения ни к России, ни к русскому народу. Это «темные силы» Достоевского, честолюбцы-властолюбцы, а заодно (новация уже без содействия автора «Бесов») предатели и иностранная агентура.

ГОРДОН Александр Владимирович – доктор исторических наук; заведующий сектором ИНИОН РАН. *E-mail:* gordon_aleksander@mail.ru

Ключевые слова: Октябрьская революция, Февральская революция, оттепель, перестройка, антикоммунистическая революция 1991 г., культура памяти.

Успешно разобрались с Октябрем 17-го года. Дескать, вообще не революция, а государственный переворот. Осуществили его экстремисты-большевики, их вождь – фанатик, проникнутый мизантропией и русофобией. Вмешательство в судьбы России чуждых ей сил иллюстрирует германское золото. Золотой телец иноземного происхождения и оказывается в конечном счете тайной, но отныне усилиями беззаветных «каббалистов» выявленной пружиной революционных потрясений.

Объединенными усилиями широкого идеологического спектра закопали событие, которое семь десятилетий определяло жизнь страны и под знаменем которого были одержаны бесспорные победы, прежде всего в страшной войне человеческой истории.

По той же схеме, как со всей определенностью продемонстрировал недавний юбилей, спешат закопать и Февральскую революцию. Не германское, так американское золото, не Ленин, так Троцкий – все те же заклятые враги России.

А что царь оказался изолирован и общество его дружно не поддержало – так «предательство». И никак не трогает воображение новейших истолкователей отечественной истории, что среди «предателей» оказался цвет российского воинства – георгиевские кавалеры, императорская гвардия, а заодно священство, славшее от имени епископата приветственные адреса Государственной Думе, и, наконец, питерский пролетариат, авангард российской индустриализации.

«С жиру бесились» – такое объяснение с оглядкой на непонятное это-

му медийному племени протестное самосознание в обществе предложил ведущий одного из телеканалов. Вроде как и тысячные очереди были от того, что питерский пролетариат стоял за свежеспеченными французскими булками! О том, что в стране разворачивался транспортный коллапс и продовольственный кризис, что полыхали помещичьи усадьбы, за этими булками да иностранном золотом как-то и не видно стало.

Как же случилось, что в вопросах революционного прошлого страны официальная историческая память проделала поворот на 180 градусов?

Если странно, то лишь на первый взгляд, сигналом стала тоже революция – антикоммунистическая революция 1991 г. Ее вожди вдохновлялись простейшей арифметикой революционного действия – огульным отрицанием коммунистической модели:

- национализация – приватизация;
- гиперцентрализация – суверенизация;
- воинствующий атеизм – массовое воцерковление.

Вместе с коммунистической моделью отвергли и все коммунистическое прошлое, начиная с 1917 г., прибегнув для его дискредитации к упомянутым схемам фанатизма – доктринерства – иностранного золота.

И дождались возмездия – теперь уже антикоммунистических вождей обвиняют в доктринерстве и подкупленности.

Распространению подобных обвинений немало способствовало то, что сами вожди 1991 г. постарались

отделаться от своего революционного происхождения, предав по различным поводам (вроде расстрела парламента) анафеме обстоятельства утверждения новой власти.

Все это отнюдь не означает, что осмысление (и переосмысление) революционного прошлого свершилось в 1991 г. как бы с нуля.

Первая серьезная коллизия возникла еще во время Великой Отечественной войны. Доктрина Тысячелетнего Рейха, «империи германской нации» явилась мощнейшим идеологическим вызовом, которому не могла полноценно противостоять революционная традиция, искаженная десятилетиями государственного насилия.

Для настроений творческой интеллигенции летом 1943 г., судя по сообщениям спецорганов, было характерно критическое отношение к советскому строю, точнее, к существовавшему режиму и, в частности, подчеркнем к манипулированию им революционным наследием. Его выразили партийные и беспартийные деятели культуры, верившие, никогда не верившие и утратившие веру в созданную систему:

«Подумайте, 25 лет советская власть, а даже до войны люди ходили в лохмотьях, голодали... Для чего же было делать революцию?» (Ф.В.Гладков).

«Неужели наша власть не видит всеобщего разочарования в революции... Революция не оправдала затраченных на нее сил и жертв. Нужны реформы, преобразования. Иначе нам не подняться» (М.А.Никитин).

Лейтмотивом критических настроений были: демократизация политической системы, прекращение репрессий, восстановление рыноч-

ных отношений (роспуск колхозов – самая распространенная тема)¹. Но правящей номенклатуре демократизация представлялась смертным приговором.

Счастливо избежав гибели, советский режим хотел смотреть вперед с оптимизмом. Такое триумфальное будущее и сулили интеллектуальные модели, в которых прошлое и настоящее страны рассматривалось через призму имперской традиции. Они активно внедрялись в историческое сознание и науку после Сталинградской битвы и стали предметом обсуждения историков на созванном ЦК в 1944 г. совещании².

Оттесняя присущий революционной традиции классовый подход, в неоимперских моделях в качестве доминанты утверждался принцип извечного единства народа и государства. Низы и верхи сближала в истории защита государственных интересов России, представители господствующего класса провозглашались национальными героями как успешные их защитники. «Люди, носящие блестящие эполеты, украшенные дорогими парчами, орденами, а иной раз и короной», – вот кто, по словам самого напористого участника Совещания, выступает теперь “перед нами из тумана прежних столетий как воплощение народного духа”³.

Опрокинутый в монархическое прошлое культ Власти оборачивался прославлением «народных царей» – Петра I и Ивана IV, причем пальма первенства волею вождя утвердилась в конце концов именно за Грозным: в отличие от основателя империи тот «стоял на национальной точке зрения», «иностранцев в свою

страну не пускал», от иностранного влияния «ограждал»¹.

Выстраивание прямой преемственности от Московского царства к советскому государству придавало культу партийного вождя сакральный аспект царской харизмы и одновременно самодержцам жаловались атрибуты культа вождя народов.

У неоимперских моделей была еще одна мишень: интернационалистское обоснование СССР как революционного, не имевшего прототипов исторического явления. Идее равноправного союза противопоставили дуализм народа, создавшего государство, и присоединившихся к последнему «неисторических» народов.

На обсуждении учебников по истории СССР в Наркомпросе (январь 1944 г.) чл.-корр. АН СССР А.И.Яковлев заявил: «Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз... Но русскую историю делал русский народ... Совмещать с этим интерес к 100 народностям, которые вошли в наше государство, мне кажется неправильным... Мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений в русских условиях»⁴.

Подменявшие национальную идентичность критерии этносознания накладывались на историю государственного образования Россия - СССР. И хотя этноцентризм в столь чистом виде не был господствовавшим, мнение о необходимости разработки истории России как «русской истории», отвечающей «русским интересам», поддерживающей «честь и достоинство» русского народа, становилось все более убедительным, превращаясь подчас в убойный аргумент даже в научных дискуссиях.

Заметим, что неоимперские идеи встретили серьезный отпор в профессиональной среде. Академики

А.М.Панкратова, М.В.Нечкина, В.П.Волгин, Н.С.Державин стойко придерживались революционно-интернационалистской традиции. Особо внимания заслуживает то, что за построениями неоимперцев увидели новую форму вульгаризации истории, «покровщину с обратным знаком» (В.П.Волгин).

«Одним из порочных моментов в схеме Покровского, – говорил чл.-корр. АН С.В.Бахрушин, – было отрицание громадной исторической роли русского народа». Но из преодоления этого порока не следует «такая сплошная идеализация всего прошлого»⁵.

Отношение идеологического аппарата ЦК (высшее руководство до конца войны не выявляло свою позицию) к выдвиганию неоимперских моделей было двусмысленным: с одной стороны, поддержка, стимулирование и порой прямое навязывание, а с другой – сдерживание. Руководителям агитпропа могла импонировать чисто «русская история», но противопоставление русского патриотизма патриотизму других «100 народностей» нельзя было допустить, во всяком случае до тех пор, пока не закончится война.

Политически с середины 30-х годов дело шло к развенчанию идеологии «тюрьма народов»; но та вошла в доктрину самой Октябрьской революции как соединения трех потоков – рабочего, крестьянского и национально-освободительного движений. Неоимперская идеология таила многостороннюю угрозу для основополагающей традиции.

Оттепель начиналась со стремления восстановить ореол Революции (с большой буквы), очистив ее образ от наслоений и искажений пос-

ледующего времени, прежде всего, разумеется, от Большого террора, а заканчивалась постановкой вопросов о «цене революции» и «ошибках» ее вождей.

Поскольку Октябрьская революция продолжала табуироваться, подрывная тематика обрабатывалась на Французской революции – той самой, опыт которой служил в первое десятилетие после Октября легитимацией Советской власти, включая государственный террор, диктатуру, однопартийность. В сталинское время Великая французская революция из прототипа Великой Октябрьской превратилась в ее антипод: утратив эпитет Великой, она была объявлена вождем одной из сонма «буржуазно-ограниченных».

Главной «ограниченностью» Французской революции советскому руководству представлялся ее финал. Нормативно урезанная календарными рамками 1789–1794 гг., она заканчивалась, по этой схеме, термидором. А переворот 9 термидора обозначил падение якобинской диктатуры, с которой так или иначе отождествляла себя Советская власть. Примириться с крахом революционной диктатуры советские коммунисты никак не могли. Поэтому термидор навсегда оказался жупелом для власти и общественного сознания в СССР, потому-то в конечном счете и требовалось подчеркивать «ограниченность» революции во Франции: мнилось, что советскую, социалистическую революцию подобная участь не могла ожидать.

Хотя термидор оставался жупелом, революция 1789 г. вернула при оттепели название Великой (с добавлением «буржуазной»), что отражало

несомненное стремление к реабилитации революционной традиции в общественном сознании. Оттепель внесла новые нюансы и в понимание собственно российской революции. Пожалуй, самым знаменательным было обоснование историками «нового направления» ее общенационального, демократического характера. На концептуальном уровне была наконец полноценно осмыслена роль в революции крестьянских масс. Тем самым, между прочим, закрывалась дорога для сужения сущности Октября, для модного ныне изображения его верхушечным переворотом.

Однако режим воспринял тенденцию «демократизации», или «окрестьянивания», революции в штывы. Подрывались догматы о социалистической революции и диктатуре пролетариата, на которых и держалось обоснование монополии коммунистической партии на власть. Судьба «нового направления» хорошо известна. Ортодоксы победили, и то была пиррова победа. Режим вновь продемонстрировал свое пренебрежение собственной историей за пределами канонизированной схемы.

Между тем «новое направление» в лице его лидеров П.В.Волобуева, А.Л.Сидорова, М.Я.Гелфтера вовсе не дерзало сокрушить основы системы. Это были люди, искренне преданные революционной идее, хотели ее возрождения путем очищения и обновления, «возвращения к истокам». Разве не нормальный путь для всякого великого идейного движения, будь оно религиозным или нерелигиозным? Идеологический режим советской системы не выдержал в конечном счете именно испытания обновлением, и его историческое

поражение было предрешено уже в 60-х годах.

Обновление развернулось по-настоящему в конце 80-х годов, когда самой системе оставалось несколько лет существования. Между тем это обновление, конкретно в революционной проблематике, было весьма поучительным. Одним из ближайших поводов пересмотра традиции вновь явилась Французская революция в связи с ее 200-летием. А радикальный тон задавали не столько франковеды, сколько широкая научная и литературная общественность, и самое знаменательное – историки-партийцы, представители идеологического истеблишмента.

Выявилась определенная перекличка с настроениями французского общества периода Третьей республики, когда была восстановлена, прежде всего в государственной символике, преемственность в отношении революции XVIII в. Актуализация революционной традиции мыслилась тогда оплотом в защите Республики. Одновременно в национальном сознании возникал как род иммунитета своеобразный инстинкт социального самосохранения. Он проявил себя, в частности, ощущением губительности междоусобия и насилия, которыми ознаменовала себя революция XVIII в. и последовавшие потрясения XIX в. (вплоть до Парижской коммуны).

Жорес, сохранявший при классическом гуманизме преданность рево-

люционным идеалам, отчетливо выразил возникшую амбивалентность, сформулировав в конце своей много-томной «Социалистической истории» вопрос-надежду, что человечество изжило революцию как «варварскую форму прогресса»*.

Спустя 80 лет, в другую эпоху и в другой стране загадка основателя «*L'Humanite*» и классика истории Французской революции задала тон общественно-политической дискуссии, затронувшей не только Французскую или Российскую, но и всю типологию революций как исторического явления.

Диалектика исторического прогресса и форм, в которых он совершается, оказалась в центре обсуждения на юбилейной конференции в Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС. Диктаторская система якобинцев и террор, традиционно прославлявшиеся в советской историографии, были подвергнуты осуждению. На первый план выступило общедемократическое содержание Французской революции; гуманистические ценности, права человека как непреходящие по своему цивилизационному значению завоевания революции были противопоставлены формам, в которых она совершалась.

Профессор АОН М.И.Ананьева уточнила высказывание Жореса: «Революция есть высшая форма классовый борьбы, но не высшая форма прогресса»⁷.

Загвоздка была между тем в отождествлении того и другого в постула-

---

* «Какой бы благородной, плодотворной, необходимой ни была революция, она всегда относится к более низкой и наполовину звериной эпохе человечества»⁶.

тах истмата. Поэтому требовалось еще развенчать абсолютизацию классовой борьбы и революционного насилия как формы прогресса. И вот после многолетней апологии «революции-праздника» на форуме высшего партийного научно-учебного заведения зазвучали слова о «революции-трагедии»!

«Революция по природе своей трагична, – говорил руководитель кафедры Ю.Н.Гаврилов. – Большой трагедией для многих французов, живших в конце XVIII в., была Великая французская революция». Из этого трагического опыта буржуазия извлекла уроки: «Французская революция положила начало пониманию частью правящего класса... что своекорыстная политика самоубийственна... что благоразумней и выгодней уступить часть, чтобы не потерять все».

Иначе говоря, стратегия «социального мира» виделась уже отнюдь не утопией, поскольку «организации, ведущие свое происхождение от жиронды», оказались в состоянии разработать действенную экономическую и социальную политику и «создать эффективный механизм» ее проведения в жизнь.

Гаврилов критически отзывался о последователях якобинской традиции в СССР, о тех, кто считал, что «кардинальные общественные преобразования невозможны без агрессивного, ожесточенного вооруженного противостояния и выжигаящей душу народа гражданской войны»⁷.

Попадание было точным: именно степень ожесточенности в противостоянии классов провозглашалась в советской идеологии высшим критерием прогресса, а возможность снять

назревшие противоречия преобразованиями сверху по-настоящему не допускалась.

О трагических последствиях подобной ориентации большевиков говорил проректор АОН И.И.Антонович: «Всякая даже легкая попытка оправдания террора неприемлема... Попытки решить что бы то ни было с помощью насилия после и за пределами революционного взрыва порождали только ответное насилие... Я хочу покаяться уже не за себя, а за нашу революцию. В отличие от Великой французской наша революция родилась в слепой вере в созидательную роль революционного насилия. Сплошь и рядом она оказалась глухо враждебной разуму. И этим наша революция все-таки обесславилась себя»⁷.

Самокритичной была и позиция А.В.Адо. Профессор МГУ уточнял, что большевистская вера в насилие, спроецированная советской историографией на Французскую революцию, выразила себя недооценкой преемственности и выпячиванием произошедшего разрыва с прошлым.

«Мы преувеличивали, абсолютизировали реальные возможности самого акта насильственной революции, его способность коренным образом перестроить все общество, во всех его структурах сверху донизу»⁷, – за себя и за своих коллег признавал наиболее авторитетный представитель советской историографии.

Одновременно Адо выразил опасение, как бы ни произошла новая aberrация и принципы идеологической перестройки конца XX в. ни были спроецированы на реалии конца XVIII в.

«Имеем ли мы право судить о людях и событиях прошлого только с

позиций нового мышления? – вновь и вновь задавал вопрос историк своим коллегам. – Кроме чувства настоящего, существует такая вещь, как историзм. Мы обязаны помнить о достигнутом тогда уровне цивилизованности, учитывать, насколько общество было связано выработанными в ту пору общественными и политическими структурами, могло ли, умело ли оно решать назревшие проблемы таким образом, чтобы это соответствовало нашим этическим критериям»⁸.

Существуют два плана, постоянно подчеркивал Адо.

Один – «революция и наша современность», когда выявляется, что «из наследия Французской революции сохраняется немеркнущую ценность» и что следует рассматривать как «присущее лишь той эпохе» и, в частности, «отнести к тем кровавым формам исторического творчества, которых мы не можем принять сегодня».

Но есть и другой план – «научного исторического анализа острых и сложных проблем Французской революции в контексте ее эпохи, когда задача историка не столько дать нравственную или иную оценку, сколько объяснить и понять»⁷.

О выявившейся тенденции подменить утратившую убедительность теоретическую интерпретацию революций и их роли в истории нравственным судом было сказано немало. Бессмысленно выносить приговор революциям, доказывал Антонович: «Революции, рождаясь в насилии, не знают иной формы своего существования, но никому не обязаны за это своими объяснениями. Им недосуд извиняться, что они

приходят в мир. Сам факт свершения революции есть главная ее легитимизация (курс. – *Авт.*)».

Морализация революционной истории усугублялась ее модернизацией: подсознательно происходило проецирование идейных установок и моральных ценностей одной эпохи на иную. «Наше сознание, – говорил Адо – как и все почти современное европейское сознание, порядком “деволюционизировано”, и нам трудно воспринять и ощутить... мышление революционеров, совершавших великую революцию, и людей – историков, которые непосредственно вышли из этой революции и писали о другой, тоже великой революции – Французской»⁹.

Но ни тогда, ни тем более впоследствии не удалось избежать смещения двух планов – «революция и наша современность» и революция «в контексте ее эпохи».

Современное понимание не только Французской революции, но и, в первую очередь, отечественного наследия по-прежнему отягощено порой сознательной, чаще неосознаваемой морализацией, тем грузом морально-политических оценок, что привнесло быстротекущее время со всеми его драматическими поворотами.

Может ли быть примером зрелости восприятие своего (а заодно и нашего) революционного прошлого во Франции?

Трудно сказать, принесет ли это удовлетворение национальному самолюбию, но это факт, что во Франции современное понимание своего революционного прошлого в немалой мере испытало влияние революционного процесса в России.

Зародившаяся в период Третьей республики и приобретшая законченную форму после 1917 г. «классическая» историография Французской революции в лице своих классиков Матьева и Лефевра, а в послевоенный период Альбера Собуля подпитывалась той исторической перспективой, которую обозначила революция в России: французская революция виделась прототипом русской, которая расширяла и закрепляла достижения первой в решении социального вопроса и пророчила светлое, без эксплуатации и антагонистических классов будущее человечества.

Первый надрыв этой перспективы случился именно тогда, когда большевики приступили к реальному строительству социалистического общества на путях создания его материально-технической базы и одновременного насаждения единомыслия. «Академическое дело» 1929 г. вызвало протест профессорского сообщества Франции, а возглавил протестующих восторженный поклонник Октябрьской революции Альбер Матьева.

Процесс охлаждения симпатий к советскому эксперименту остановила победа Советского Союза над Германией. Французские друзья СССР вновь получили повод гордиться своей верностью этой дружбе и вдохновляться верой в социалистическую революцию. Научно-теоретическая перспектива поступательного развития человечества от одной (Французской) революции к другой (Российской) обрела на фоне послевоенных настроений французского общества серьезное подкрепление, став гос-

подствующей в подходе к революционной проблематике.

Перелом произошел в 60-х годах. Среди разнообразных факторов успеха атаки «ревизионистов» на «классическую» историографию Французской революции было угасание авторитета СССР – несмотря на достижения в космосе и провозглашенную де Голлем идею Европы «от Атлантики до Урала».

На революционной проблематике явно сказалось окостенение идейно-теоретического арсенала ФКП (заодно с соцпартией), обнаружившееся одновременно и в прямой связи с торжеством догматизма в КПСС. Французские коммунисты, в том числе среди вузовской профессуры, утратили творческую инициативу, и ее перехватили люди, прошедшую ту же марксистскую школу, но ставшие в итоге антикоммунистами (симптоматична фигура самого лидера «ревизионистов» Франсуа Фюре, прошлое которого было связано с ФКП).

Главным полем боя сделалась классовая интерпретация – опровержение фундаментального постулата «классической» историографии о том, что Французская революция была буржуазной. В обоснование этого постулата идеология имела приоритет над социологией. Родоначальникам «классики» (Тьерри, Гизо, Минье, Тьер) оправдание революции требовалось для противостояния клерикально-монархическим силам Реставрации, и таким оправданием сделалась интерпретация ее приемлемой для класса, восходящего к власти, и, главное, это восхождение обосновывающей.

Для марксистов понятие «буржуазной революции» становилось важ-

нейшим звеном учения о формациях, предвещавшего, что за буржуазной революцией наступит торжество социалистической. «Ревизионисты» противопоставили марксистской философии истории преимущественно доводы из области эмпирической социологии и историко-экономической статистики, а эта методика приобрела исключительную популярность в академическом сообществе Франции в рамках обретшей моду в 60-х клиометрии.

Классовый анализ движущих сил революции опровергался социопрофессиональным анализом революционного руководства. Оказывалось, что большинство последнего представляли не «подлинная», торгово-промышленная буржуазия, а интеллигентские группировки (юристы-журналисты), которые «ревизионисты» относили к разряду внеклассовых (прямо как «прослойка» у Сталина). В то же время оказалось, что именно торгово-промышленная буржуазия старого порядка, наряду с дворянством и священниками, больше всего пострадала от революции. Довершал дело экономстатистический анализ, фиксирующий спад французской экономики после революции и ее нарастающее отставание от главного конкурента – Великобритании.

Утратив статус буржуазной, Французская революция усилиями «ревизионистов» перестала быть и позитивной с точки зрения экономического развития страны. Своими эгалитаристскими тенденциями она оказывалась препятствием для прогресса капитализма, а следовательно, в исторической перспективе не прогрессивной, как утверждала

«классическая» историография, а «реакционной».

В прочем, и сама концепция прогресса подверглась переоценке. Собственно, идеологема прогресса стала выглядеть в одиозном свете как вечная предпосылка революционного сознания: раз изменение к лучшему возможно, любого изменения недостаточно. А поскольку идеологема прогресса явилась основополагающей для Просвещения, цепочка «ревизионистских» опровержений поставила под вопрос и духовную ценность важнейшего культурного явления XVIII в.

Здесь тоже обнаруживается российский (или антироссийский) след.

Еще в XIX в. утвердилось социалистическое прочтение Просвещения. Преемственности между классиками Просвещения и социалистическими проектами XX в. уделяли большое внимание в СССР и во Франции. И критики Просвещения использовали афишируемую классиками марксизма и их последователями преемственность (вкуче с извращением социалистического проекта в СССР) для разоблачения «тоталитаризма» Просвещения.

Спасая славу важнейшего культурного явления цивилизации Нового времени, «ревизионисты» вынуждены были поступиться его целостностью, разделив на приемлемую и неприемлемую части.

Позитивность политических идей Просвещения была допущена лишь в пределах умеренного реформизма. И они, по оценке французского академика Пьера Шоню, вполне укладывались в эти пределы до той поры, пока Руссо не выступил с пропагандой «об-

щественного договора». Не сдерживая политических эмоций, академик утверждал: «В брешь, пробитую “Общественным договором” хлынул поток утопий, отяготивший эпоху Просвещения реакционной и дегенеративной идеологией». Это был «ядовитый нарост на теоретико-дедуктивной ветви конструктивных политических размышлений просветителей», который и придал «архаичность» и «профетизм» Французской революции¹⁰.

Дереволюционизация современного общественного сознания на Западе вылилась в деидеологизацию и «кризис великих метанарративов».

Изменившееся отношение к Просвещению многолетний руководитель Французского общества по изучению XVIII в. Жан Стар объяснял аллергией на «культ великих принципов» и «великих чувств», вместе с наступлением на Западе эры процветания. В 60-х годах «мы считали, что нам предстоит участвовать в строительстве нового мира... Сегодня так же думают люди во многих странах, где будущее еще неопределенно. Но среди тех, кто... живет в мире и благополучии»¹¹, восторжествовал гедонизм.

К концу 80-х годов антиреволюционная реакция собрала столь значительные силы, что смогла поставить вопрос: «Стоит ли праздновать двухсотлетие Французской революции?»¹²

Повернуть историческую память большинства французского общества вспять не удалось. Юбилей был отпразднован на всех уровнях, начиная от правительственных приемов до многочисленных массовых меро-

приятий при стечении широкой международной публики. В Сорбонне проходил всемирный исторический конгресс, посвященный «Образу Революции» в мире.

Знаменательно, что активное участие в юбилее приняли «ревизионисты». Под руководством Фюре вышел капитальный энциклопедический словарь, собравший статьи ученых различной идейно-теоретической ориентации и отчетливо продемонстрировавший, что и «ревизионисты» не отказываются от революционного наследия страны¹³.

Отметим также, что юбилею революции предшествовали достаточно значимые мемориальные акты – 1500-летие крещения Хлодвига и 1000-летие Капетингов, признающих первой династией собственно французских королей. Знаменательное событие произошло в 200-ю годовщину казни Людовика XVI.

21 января 1993 г. на площадь Согласия пришло множество французов, чтобы возложить цветы к тому месту, где когда-то стояла гильотина. В своей массе то не были монархисты. На прямые вопросы они объясняли свою акцию причастностью к событиям национальной истории.

Не следует думать, что во Франции за давностью лет возникло единство общества в отношении исторической традиции. Нет, сохраняется раскол, начало которому было положено революцией. Кроме 1789 г., открылось еще немало «болевых точек», самой чувствительной из которых остается оценка колониального прошлого, и прежде всего войны в Алжире. Различные меньшинства, в том числе жители исторических регионов страны, чья культурная идентичность была подавлена вместе с поли-

тической самостоятельностью, требуют теперь ее, по выражению академика Пьера Нора, «записи в великую книгу национальной истории». А для этого нужно «официальное слово государства»¹⁴.

Все стороны взывают к государству, которое и становится верховным арбитром в вопросах исторической памяти, организующим торжественные юбилеи (кроме указанных, очень значащим было празднование 400-летия покончившего с религиозными войнами Нантского эдикта под девизом «признания Другого») и издающим так называемые мемориальные законы: о геноциде, работорговле, обустройстве колоний. Притом что профессиональные историки критически относятся к «мемориальной» деятельности государственной власти, сама общественная потребность подталкивает к ее продолжению.

Принципы отношения Пятой республики к национальной истории были заложены еще ее основателем.

В мировоззрении де Голля, отмечал директор лево-католического журнала «Эспри» Жан-Мари Доменак, соединились «самые противоречивые элементы национальной традиции, притом, однако, сублимированные, гармонизированные, переплавленные в синтез, в котором разум и сердце принимают равное участие. В некотором роде он предался работе историка, важнейшее качество которого доброжелательность»¹⁵.

Согласно Франсуа Бедарида, занятия де Голля историей Франции «соединяли преемственностью традицию и Революцию, не исключая ни

один из эпизодов этой истории». То был «экуменизм, который все принимает и все собирает, отдавая должное каждому персонажу и каждому времени»¹⁵.

Преемники де Голля заявляют о необходимости восприятия истории страны со всеми ее противоречиями, во всем многообразии культурного опыта. «Величие страны заключается в том, – говорил президент Жан Ширак, – чтобы принять всю ее историю. С ее славными страницами, но также с ее теневыми сторонами»¹⁶.

Пожалуй, это самый серьезный урок, который можно извлечь из французского опыта. В стране в последние десятилетия ведется целенаправленная государственная политика в отношении исторической памяти. Преодолевая различные искушения и крутые перегибы, эта политика ориентирована на восприятие национальной истории в ее целостности. Закрепленной в государственной символике памяти великой революции ничто не угрожает, что отнюдь не исключает дискуссии историков о характере революции, ее предпосылках и последствиях.

В свою очередь профессиональное сообщество, оставаясь разделенным по принципиальным методологическим вопросам, едино в необходимости культивирования исторической памяти. Создавая фундаментальные труды по ключевым моментам национальной традиции, французские историки не отдают своего приоритета тем, кого называют «медийными интеллектуалами», а СМИ поддерживают в общем этот приоритет.

Выводы, думаю, напрашиваются сами собой.

Революционная традиция – в России или Франции – многогранна и на различных этапах национальной истории выявляется различными своим гра-

ниями¹⁷. На эту объективную закономерность накладывается деятельность политических сил, придающих традиции нужную для себя ориентацию. Именно поэтому в культивировании традиции преобладает та или иная схема. Порой при диаметральной противоположности оценок это одна и та же схема, например отождествление революции с насилием («повивальная бабка истории» – в одних оценках, «разбой и грабеж» – в других), «спасительным» или «опустошительным» террором и «прогрессивной» или «преступной» диктатурой победоносной партии.

Подобные схемы грешат односторонностью.

Когда революцию приравнивают к хаосу или смуте, оставляют без внимания огромную созидательную энергию, что позволила Стране Советов превратиться в индустриальную державу и выстоять в смертельной схватке с фашизмом, ту самую творческую энергию, что вызвала к жизни сами Советы (подобно тому, как во Французской революции народное творчество породило секционную организацию – органы самоуправления городских кварталов).

Редуцирование революционной традиции к стихии разрушения опровергается сопровождавшим постреволюционный период мощным культурным движением. Это, не говоря уже о подъеме массового народного творчества, многоликий художественный авангард, поэзия Маяковского и проза Платонова, музыка Шостаковича...

Ради плодотворного усвоения культуры «русского зарубежья» не следует приносить в жертву славу (поистине всемирную) тех деятелей отечественной культуры, кто «был со своим народом» и, более того, до конца оставался как автор симфоний памяти 1905 и 1917 гг. верен революционной традиции.

Дискредитация революционной традиции по-новому воспроизводит прежний раскол.

Большевики были повинны в отсечении религиозно-монархической традиции России.

Но чем лучше отечественные антикоммунисты разной природы, что творят ныне самосуд над декабристами и шестидесятниками, над Радищевым и Чернышевским, Герценом и Некрасовым?

Трагический опыт показал: «сбрасывать с парохода современности» культурное наследие разрушительно для культуры и для самой современности.

Примечания

¹ Спецсообщение управления контрразведки НКГБ СССР «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б) – НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. / сост. А.Артизов, О.Наумов. М., 2002. С. 487–499, 613.

² Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году / публ. Ю.Н.Амиантова и З.Н.Тихоновой // Вопросы истории. 1996. № 2–9.

³ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году / публ. Ю.Н.Амиантова и З.Н.Тихоновой // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 61.

- ⁴ О настроениях великодержавного шовинизма среди части историков: Секретарям ЦК ВКП(б) / публ. И.В.Ильиной // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 202.
- ⁵ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году / публ. Ю.Н.Амиантова и Э.Н.Тихоновой // Вопросы истории. № 3. С. 83.
- ⁶ Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. М., 1983. Т. 6. С. 260.
- ⁷ Великая французская революция и современность. Материалы междунар. науч. конф. 23–24 нояб. 1989 г. М., 1990. С. 105, 120–122, 154, 145, 149–150.
- ⁸ Время предвосхищений // Знание – сила. 1989. № 7. С. 30.
- ⁹ Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. Материалы круглого стола 19–20 сент. 1988 г. М., 1989. С. 235.
- ¹⁰ Шоню П. Цивилизация Просвещения / пер. с фр. Екатеринбург, 2008. С. 204–205.
- ¹¹ История продолжается: Изучение XVIII века на пороге XXI века. СПб., 2001. С. 149–150.
- ¹² Faut-il célébrer le bicentenaire de la Revolution francaise? Entretien avec Francois Furet // Histoire. P., 1983. N 2.
- ¹³ Dictionnaire critique de la Revolution francaise. P., 1988.
- ¹⁴ Nora P. Les avatars de l'identite francaise // Debat. P., 2010. N 159. P. 16.
- ¹⁵ De Gaulle en son siecle. Paris, 1991. T. 1. P. 217, 145.
- ¹⁶ Wiewiorka M. Neuf lecons de sociologie. Paris, 2008. P. 202.
- ¹⁷ Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009.

Подписка на 2012 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие
36789 — на год

Византия и Россия: духовное и историческое наследие

Виктория Павленко

В наши дни мы вновь, как и сто, и двести лет назад, становимся свидетелями ожесточенной дискуссии (все более напоминающей бой без правил) о происхождении российской цивилизации, которая в условиях тектонических подвижек в глобальной архитектуре приобретает значение фундаментального проектного выбора. И главное здесь – не оторваться от исторических корней и не утратить первородство (идентичность), а с ним и перспективу.

Ясно ведь, что подлинным предметом полемики является выбор вектора дальнейшего развития, цена которого – выживание страны и народа. Основания для него ищут в истории.

Прошлое и настоящее

Безусловно, русская православно-славянская цивилизация, как называл ее автор теории «борьбы цивилизаций» С.Хантингтон, в процессе формирования испытала на себе влияние многих культур.

Так, например, Древняя Русь образовалась с призывом в страну варяжских князей,

и их власть (впрочем, как показывает В.О.Ключевский, отнюдь не абсолютная) способствовала распространению на славянских землях норманнской культуры.

С XIII по XV в. Русь, наоборот, находилась в составе Золотой Орды, что повлекло за собой распространение монгольского типа организации государственной власти (это доказывает Н.М.Карамзин).

ПАВЛЕНКО Виктория Владимировна – студентка 1-го курса МГИМО(У) МИД России.
E-mail: pavlenko1993@gmail.com

Ключевые слова: Византия, Россия, православие, симфония властей, Второй Рим, Третий Рим, русская традиция.

В XVII и XVIII вв. Россия вновь подверглась активному воздействию идей с Запада. Следствием этого явилось укоренение западных элементов в светской культуре и установление европейского государственного уклада (концепция Петра I «Россия как европейская империя»).

Сложным явлением в XX в. стал и русский коммунизм: как убедительно показал Н.А.Бердяев¹, помимо западного влияния, в нем соединился весь комплекс исторического наследия.

Словом, на протяжении своей истории Россия часто двигалась галсами, не меняя при этом генерального вектора своего развития, который раскрыли выдающиеся мыслители традиционалистского направления – Ф.И.Тютчев, М.П.Погодин и особенно К.Н.Леонтьев, убедительно доказавшие византийский генезис российского цивилизационного кода. Главный их аргумент: именно от Византии – Второго Рима – перешло к нам православие, составившее фун-

дамент нашей культуры и менталитета. Византийское влияние красной нитью проходит через всю нашу историю.

И именно поэтому столь жестким нападкам подвергается сегодня Русская православная церковь: Западу и его адептам в России очень нужно под предлогом «общности христианских корней» «привязать» или «пристегнуть» нашу страну к Европе. Это просто-таки «идея фикс», например, Бжезинского, не устающего повторять ее еще с начала 90-х годов.

Для этого пускаются во все тяжкие. Религиозно-духовный выбор в пользу православия, осуществленный Александром Невским и определивший содержание цивилизационной идеи, либо вообще отвергается (А.И.Ракитов), либо признается ошибочным (В.В.Познер, например, считает православное христианство главной «бедой России»).

Крещение Руси и его последствия

*Наши предки издавна стремились в Византию,
то вступая с ней в мирные сношения,
то предпринимая на нее опустошительные набеги.
Но вот сама Византия одерживает над ними величайшую победу,
дав им христианскую религию².*

Ф.И.Успенский

В 988 г. причисленный впоследствии к лику святых князь Владимир Святославич, принявший в Константинополе православие, крестил Русь по византийскому обряду.

Какие предпосылки были у этого исторического события?

Л.Н.Гумилев отмечает, что история Древней Руси была отмечена борьбой язычества и христианства.

Первыми «прохристиански» настроенными князьями были еще Аскольд и Дир.

После же крещения княгини Ольги по восточному, а не по западному обряду в Киеве образовалась довольно влиятельная «православная партия», к которой принадлежали Ярополк Святославич, воевода Претич и многие другие влиятельные предста-

вители русской элиты. Именно этот факт сыграл большую роль при выборе веры князем Владимиром. Известно, что он отослал латинян (посланцев папы римского) со словами «идите, откуда пришли, ибо отцы наши не приняли этого». Смириться с этим Ватикан не может и сегодня, настаивая на том, что этот выбор был осуществлен по сиюминутным, тактическим соображениям*.

Между тем Гумилев отмечает, что греческое христианство легло у нас на благодатную почву. Славяне до крещения вовсе не были беснующимися кровожадными людоедами, напротив, им, по их природе, не чуждо было учение Христа о любви и милости. Дело в том, что язычество, принесенное норманнами, отличалось от исконно славянского язычества, которое было менее воинственным. «Как всякие уважающие себя боги, славянские тоже требовали почитания, но не человеческих жертв. Со всем другим был культ Перуна, бога войны и громовержца, с приходом которого земля обгадилась кровью жертв»³.

Кроме того, Византия всегда была заинтересована в том, чтобы установить со славянами прочные дружеские отношения, так как они были в числе варваров, тревоживших границы империи постоянными набега-

ми. Однако русские для византийцев (особенно в последние десятилетия существования империи) значили куда больше, чем просто один из народов «Византийского содружества»**.

Известный историк Г.В.Скотникова называет еще одну (и, пожалуй, самую важную) причину крещения Руси именно по византийскому образцу – это впечатление, оставшееся у славян от греческого богослужения.

«Повесть временных лет» так передает слова послов, наблюдавших его: «Не знаем, на небе мы были или на земле, ибо нет на земле такого вида и такой красоты...», «там Бог с человеками пребывает».

«Не проповедь, не доктрина, не катехизация решают дело»⁴, а дух веры; очарование ее может быть понято лишь душой познающего. Несомненно, что присутствуя на византийском богослужении, послы князя Владимира испытали то, что не было испытано ими на других богослужениях.

Иногда все силы верующих уходило на поддержание пышности форм, красоты «облачения» веры. В византийском же православии за очарованием богослужения пряталась духовная полнота и чистота. Именно эту полноту и чистоту почувствовали русские в византийском обряде, не увидев этого в латинстве.

---

* Имеется в виду миссия римского епископа Адальберта, пришедшего на Русь в середине X в. с целью крещения Ольги и киевлян. Адальберт был изгнан из Киева, потому что в те времена римская церковь обладала плохой репутацией: на папский престол восходили грешные папы. Так, Иоанн XII, ставший папой в шестнадцатилетнем возрасте, устраивал в Ватикане всевозможные бесчинства, был игроком и пьяницей, давал пиры и пил за здоровье сатаны.

** «Византийское содружество» – наименование, используемое историками для совокупности стран и народов (оформившееся к XII в.), которые приняли христианство от Византии.

Дело в том, что в византийской (а позже и в русской) традиции содержание, безусловно, стояло выше формы. И это проявилось у нас не только в вопросах веры, но даже в особенностях быта: простое жилище, простая пища, простая одежда. Это не есть признак бедности, это признак доминирования содержания над формой: все силы наши духовные уходят в содержание.

«Даровав святую веру нашим предкам, Византия сообщила им вместе с этим и массу других культурных приобретений: письменность, священный язык, богослужение, государственное устройство»², – пишет Ф.И.Успенский.

За изменением духовного содержания новой Руси неизменно следовало и физическое, внешнее ее изменение. С.Ф.Платонов отмечает, что повсюду стали строиться монастыри и храмы, ставшие сосредоточием культурной жизни славянского общества. При монастырях организовывались школы; греческие священнослужители, прибывавшие служить в монастыри, привозили с собой церковные книги на славянском языке, что также способствовало распространению образования и христианского просвещения на Руси.

После крещения на Руси появилось настоящее духовное искусство: византийские мастера познакомили русских с иконописью. Примитивное ваение идолов сменилось проектированием и строительством величественных православных храмов, которые украшались изысканными мозаиками и фресками. Примечательно, что национальное искусство, появившееся тогда на Руси, в науке называется русско-византийским.

«Так как Русь приняла веру из Византии, то все новое, что пришло вместе с верой, имело византийский характер и служило проводником византийского влияния на Русь»⁵, – пишет С.Ф.Платонов.

Таким образом, когда мы будем говорить о церкви и о том, как она изменила облик русского общества, то будем подразумевать Византию, ведь именно греческие порядки проникали на Русь через церковь.

Огромно было влияние православия на быт и нравственность славян. В рамках родового сознания о судьбе изгоев никто не заботился; теперь же они находили приют в церквях и становились полноценными членами общества. Церковь пыталась стереть границы между родами, духовно объединить их. Проповедь византийского духовенства действительно повлияла на мировосприятие славян, среди них появилось много благочестивых христиан.

Влияние церкви охватывало и политическую сторону жизни древнерусского общества. Так, именно она стала связующим звеном между князем и его подданными. Владимира Святославича монахи учили тому, что ему власть дана Богом и что он творит на земле Божью волю, а потому ответствен перед Богом за народ; его подданных церковь призывала любить князя и повиноваться ему. (Это к тиражируемому сегодня в православной среде определенными силами надуманного тезиса об индивидуализации веры, т.е. о спасении только собственной души.)

При содействии и посредничестве церкви оформился союз власти (князя) и народа: варяжские князья до Владимира еще не чувствовали себя частью Руси, даже сторонились народа.

Как пишет один из крупнейших религиозных философов конца XX в., С.С.Аверинцев, «русская культура через контакт с Византией преодолела локальную ограниченность и приобрела универсальное измерение... Она стала культурой в полном значении этого слова»⁶.

Именно при содействии Византии сознание русского народа наполнилось духовным содержанием, получило национальную идею, без которой ни один народ не может долго существовать в историческом развитии.

Влияние Византии на характер русского государства

*Я хочу сказать, что царизм наш, столь для нас плодотворный и спасительный, окреп под влиянием православия, под влиянием византийских идей, византийской культуры*⁷.

К.Н.Леонтьев

Унаследованы Россией от Византии и наше сильное государственное начало, и связанные с ним особенности национального мента-

литета. Наиболее сильно византийское влияние выразилось в следующих явлениях российской политической жизни.

Симфония светской и духовной властей

Вопрос о характере взаимоотношений между государством и церковью в Византии чрезвычайно важен для понимания сущности и характера влияния Византии на Русь. Ведь наша страна унаследовала от Второго Рима и идею сильной государственной власти, и идею истинного православного царства, оплота православия на земле.

Можно условно поделить исследователей, занимавшихся вопросом о соотношении царской и патриаршей власти в Византии, на два направления.

Первые говорят о том, что никакой симфонии не существовало, цер-

ковная власть беспрекословно подчинялась ничем не ограниченной светской власти, а император брал на себя полномочия главы церкви.

Вторые утверждают, что в отношениях церкви и государства все было далеко не столь однозначно, и симфония (пусть и на протяжении всей истории Византии) все же существовала, а власть патриарха в определенных областях была независима от власти императора.

В число тех, кто придерживается первого взгляда, входит В.С.Соловьев, известный крайне негативной оценкой Византии и ее влияния на Русь. Он говорит о том, что визан-

тийская «языческая самодовлеющая государственность»⁹ подчиняла себе все явления общественной жизни в стране, подавляла она и церковь. Таким образом, сама вера оказалась в ведении императора, что обусловило отход Византии от истинного христианства.

«Причиной их (византийских императоров) гибели следует признать ложный характер самой их веры, то есть их ложное отношение к христианству: истинную идею они понимали и применяли неверно...»⁹.

По Соловьеву, византийские императоры исказили сам смысл восточного христианства, заставив его служить нуждам империи, тогда как это империя должна была служить христианству, являя собой пример общества, живущего «согласно Христовым законам», т.е. идеалами всеобщей свободы, братства, всечеловеческого счастья.

К числу сторонников первого направления также относится и Ю.А.Сорокин. В частности, он пишет, что симфония действительно существовала, но лишь в теории.

«Император обладал всей полнотой не только светской, но и религиозной, а также церковной власти. ...Император мыслился как глава православных вообще»¹⁰.

Симфония, впервые описанная императором Юстинианом I, провозглашалась во многих византийских документах, в частности в знаменитой «Эпанагоге» (законодательном документе конца IX в.). Однако реально она не существовала, пишет Сорокин, так как император стоял во главе и законодательной, и исполнительной, и (не формально, но фактически) судебной власти. Такое положение императора исходило из

того, что он считался помазанником Божиим, Его наместником на земле, царем всех православных и вообще – единственным истинным правителем христиан мира.

Представителем второго направления в рассматриваемом вопросе можно считать Г.Я.Острогорского. Он утверждает, что жесткое подчинение церкви государству в Византии было лишь на начальном этапе существования Византии (и, соответственно, отражено в документах той эпохи, положения которых историки обычно применяют ко всей византийской истории). Обусловлено оно было тем, что Византия была наследницей Рима, причем Рима языческого, где религией был культ гения божественного императора. В Византии подобное же положение вещей сохранялось примерно до VII в. Однако оно было неприемлемо для православного государства, где не император, только Бог является высшим судьей. На это указывали в своих трудах такие крупнейшие священники и богословы, как Иоанн Златоуст, Максим Исповедник. Они призывали императора обратиться к внешним проблемам и вопросам обустройства государства, а дела веры оставить патриарху.

Г.Я.Острогорский также отмечал, что император никак не мог быть главой церкви хотя бы потому, что не имел сана: в списке церковно-служебных чинов, состоящем из 45 ступеней, он имел чин 44-й ступени.

Острогорский, как и Сорокин, упоминает об «Эпанагоге», однако отводит ей большую роль в формировании отношений государства и церкви. Он говорит, что она явилась логическим следствием борьбы пра-

вославленной партии за право церкви считаться свободной от государства, логическим концом долгого пути от языческого наследия Рима к истинному православному царству, к которому, по мнению Острогорского, Византия пришла в X в., при императоре Иоанне I Цимисхий*.

Как же в таком случае рассматривается проблема взаимоотношений государства и церкви на Руси?

Ученые, придерживающиеся тех же взглядов, что Соловьев и Сорокин, говорят о том, что византийская система нашла отражение и на Руси.

Соловьев пишет о том, что «царствование Ивана Грозного было ярким и своеобразным повторением того противоречия, которое погубило Византию, – противоречия между словесным исповеданием истины и ее отрицанием на деле»⁹.

Сорокин отмечает следующую черту русского самодержавия: «Светский владыка – высший блюститель чистоты православия, может и должен вмешиваться в дела Церкви. Это прямое заимствование из Византии»¹⁰.

Представители второго подхода также говорят о наследовании Русью византийской модели, однако уже не абсолютной светской власти, а симфонии.

«Византийская доктрина о симфонии царства и церкви, рассматриваемые в качестве единственно мыслимой и законной организации христианского общества, продолжает свое существование в возмужавшей Московской Руси»¹².

Действительно, Московская Русь возвышалась стараниями и князей,

и церкви, что ставило светскую и духовную власть в равное положение.

Но поскольку критерием истины является практика, отметим, что результаты многочисленных (и весьма успешных) реформ Ивана Грозного (включая проведение Стоглавого собора, который навел порядок в богослужении), поднявших страну на новый уровень развития, находятся в явном противоречии с первой линией, но отвечают второй. Именно это и можно считать главным выводом рассмотренной дискуссии.

В связи с этим особо интересным представляется мнение К.Н.Леонтьева. Ничего не говоря о симфонии он сосредоточивает все свое внимание на характере царской власти на Руси, которая передалась нам через византийское православие и насыщена византийскими чертами.

Во-первых, он иначе, чем Соловьев, понимает жизнь «согласно Христовым законам», осуждает внесение в христианство «розового оттенка», приравнивание Христовой веры к идее всечеловеческого блага и всеобщей гармонии.

«Христос, повторяю, ставил милосердие или доброту личным идеалом; он не обещал нигде торжества поголовного братства на земном шаре... для такого братства необходимы прежде всего уступки со всех сторон. А есть вещи, которые уступать нельзя»⁷ (имеющие уши среди современных поборников ложно понимаемой толерантности, да услышат!).

Во-вторых, Леонтьев доказывает, что родовое чувство, т.е. некое скреп-

---

* «Когда Иоанн Цимисхий, будучи провозглашен императором, направился для венчания в св. Софию, патриарх Полиевкт просто-напросто не пустил императора в храм, считая способ, каким Цимисхий достиг престола, преступным. Император должен был подчиниться, пойти на все требования патриарха, согласиться на отбывание возложенного на него покаяния»¹¹.

ляющее народ начало, «выразилось у нас в семье слабее, чем у многих других. В аристократическом начале то же самое: всю силу нашего родового чувства история перенесла на государственную власть, на монархию, царизм»⁷. Поэтому сильная монархия является у нас основой, на которой стоит русское общество. (Глупостью или предательством является непонимание этой очевидной истины современными поборниками «демократической» властной децентрализации – вопрос уже вторичный.)

Замечание Леонтьева является как бы последним пазлом в истинной картине явления под названием «симфония властей».

Отношения государя с подданными

Царское, государственное начало было в Византии так же сильно, как и на Руси. Однако вряд ли государственная власть, пусть даже благословенная Богом, может иметь сильные позиции без поддержки подданных. Поэтому интересно сравнить, на каких принципах строились отношения византийского василевса с элитой и народом, с тем, как это происходило в России.

А.А.Чекалова и М.А.Поляковская указывают, что в Византии, подобно Риму, был свой сенат, однако, чтобы стать его членом, нужно было определенное время находиться на государственной службе или же служить при государевом дворе. На государственную службу шли все: от профессиональных чиновников до представителей свободных профессий. Таким образом, интеллектуальная элита была встроена в государственную систему, не становясь при этом

Симфония не подразумевает политического равенства церкви и государства. Царское начало, разумеется, гораздо сильнее церковного, ибо император, глава светской власти, отвечает за целостность государства, что является первостепенным вопросом для империи.

Но понятие «симфония» затрагивает не государственную, а духовную сферу. Оно обращено к подданному империи: государь отвечает за тело, а патриарх – за душу. Светская и церковная власть не равны в государственном измерении. Но они обязательно равны, одинаково важны для каждого подданного и для духовной жизни страны в целом.

ее работ, но оставаясь справедливым критиком.

Господствовала идея, что каждый подданный империи должен что-то ей воздавать: те, кто занимается торговлей и ремеслами, должны платить монетой, те же, чьи богатства носят духовный характер, – мыслями и поучениями.

В приведенной статье высказывается еще одно важное замечание касательно принципов общественных отношений в Византии: «Положение в обществе определяла не земля, а должность»¹³, в отличие от большинства стран Западной Европы, где положение на общественной лестнице напрямую зависело от размера феода (частного земельного владения).

Интересно, что подобную же мысль встречаем у К.Н.Леонтьева.

Он пишет уже о России: «У нас родовой наследственный царизм был так крепок, что и аристократическое начало у нас приняло под

его влиянием ... более государственный, чем лично феодальный характер. ...Гордились бояре службой царской своих отцов и дедов, а не древностью самого рода, не своей личностью, не городом, наконец, или замком...»⁷.

Все проистекало из того, что земля как в Византии, так и в России считалась землей Божьей: ею можно было пользоваться, но нельзя владеть.

Из сильного царского начала, которое перешло к России от Византии, выросли и особенности взаимоотношений государей с элитой, которые у наших стран имеют много общего.

Сходство видим мы и во взаимоотношениях царя с народом.

Так, в VIII в. в Византии был принят Крестьянский закон, в котором не было сказано о помещицкой усадьбе с подневольными крестьянами, а устанавливалось свободное крестьянское землевладение на базе общины. Позднее, в XV в., когда в Западной Европе община подвергалась давлению со стороны крупных феодалов, а монарх общину не защищал, в Византии были приняты законы, регулирующие отношения между помещиком и общиной.

Вот некоторые из их положений:

– Неотчуждаемость земельного имущества у общины. В случае смерти или разорения крестьянина от его участка должны были прежде отказаться пять категорий лиц, связанных с этой общиной, и только тогда он мог быть куплен со стороны.

– Если крестьянин доказывал свое право на владение землей, у помещика отбиралась эта земля, сколько бы он ею ни владел.

– Если помещик все же вступал во владение землями общины, на него возлагалась вся полнота ответственности за социальное состояние общины (в том числе за ее бедность).

Анализируя данные законы, Ф.И.Успенский приходит к выводу,

что в Византии с тех самых пор опорой царя и базой для дальнейшего развития государства стала крестьянская община, свободное мелкое землевладение. Интересы же служилого и поместного сословий были подчинены интересам самодержавия. Естественно, это не могло не способствовать формированию у земледельцев Византии мировоззрения, которое потом так четко видим в русской ментальной традиции: царь хороший, бояре (баре) плохие.

У Н.А.Бердяева также находим важные сведения о менталитете русского крестьянства, и выясняется, что абсолютно то же самое можно сказать и о византийском.

«Русским крестьянам всегда были чужды понятия римского права о собственности. ...Присвоение земли помещиками-дворянами крестьяне всегда считали такой же неправдой, как и крепостное право. Общинное, коллективное владение землей было более свойственно русскому народу, особенно великороссам, благодаря существованию общины. Крестьяне мечтали о "черном переделе", то есть о переделе земли между крестьянами. Раньше верили даже, что это сделает царь»¹.

Неудавшаяся аграрная реформа Столыпина показала, как естественно было для России общинное землевладение, что имеет корни в нашем византийском прошлом. Если бы прежде, чем разрушить общину, Столыпин обратился к византийскому опыту, то увидел бы, что именно она была опорой самодержавия.

Но русским либералам, к которым принадлежал Столыпин, всегда был свойственен зуд некритического «европейничанья», которое автор этого яркого термина, Н.Я.Данилевский, справедливо называл «болезнью русской жизни».

Поэтому община была разрушена, а через 10 лет не стало и самодержа-

вия, а с ним – и традиционной русской государственности.

Особенности национального состава

«...Восточная империя разрешает проблему, которой не удалось разрешить Западной, – она ужилась с новыми варварскими элементами, вступив с ними в такой род соединения, который не удался на Западе», – пишет Ф.И.Успенский².

Занимая пограничное положение между Западом и Востоком, Византия подвергалась давлению с двух сторон. С Запада, особенно в эпоху Великого переселения народов, наседали варвары, а затем папский Рим (вспомним четвертый крестовый поход, когда крестоносцами был разорен и сожжен Константинополь). С Востока угроза исходила от арабов, турок, степных кочевников. Тот факт, что тысячу лет Восточная империя не поддалась влиянию ни той, ни другой стороны, наводит на мысль, нечто в ее государственном устройстве помогало ей уживаться с теми, кто тревожил ее границы.

Это была знаменитая «наука об управлении варварами» – совокупность средств по обращению окружающих народов, уступавших в развитии, из угрозы в фактор безопасности собственных границ.

Эта составляющая византийской политики подробно описывается в труде «История дипломатии». Окружающим народам могли платить за оборону границ империи, иным из них жаловали пышные титулы и знаки отличия; предоставляли также землю на границах империи, а их князей женили на представительницах знатных византийских фамилий и т.д.

Некоторые из этих приемов использовались и русскими императорами при присоединении ими новых земель.

Например, в 1801 г. Грузия была присоединена к России, в том числе на условии, что грузинское дворянство получало права российского дворянства.

«Наконец, Восточная империя по своему этнографическому составу и по своим учреждениям представляет в себе протест против того утверждения, что тип, по которому сложилась западноевропейская история, есть универсальный тип»².

Действительно, Византия своим существованием и удачной национальной политикой опровергла утверждение, что единственным жизнеспособным государственным образованием является государство-нация. Так же как этот принцип опровергался и Россией на протяжении всей ее истории.

Успенский выделяет еще одно важное следствие положения страны на пересечении, цивилизаций: это обогащение культурной и духовной жизни народа.

Он пишет: «Византийская империя не только нашла способ воспринять в себя новые этнографические элементы, ...но еще представила опыт согласования романизма и эллинизма с началами, воспринятыми от новых народов».

Игумен Иоанн Экономцев* отмечает, что как и византизм, сформирова-

---

* Игумен Иоанн Экономцев в 1990–2009 гг. возглавлял в Московском Патриархате отдел по религиозному образованию и катехизации.

рованный под влиянием и греческих идей, и латинского Запада, и Ближнего Востока, и Египта, русская национальная идея подверглась «пере-

крестному влиянию различных цивилизаций, оказавшемуся плодотворным для духовной жизни и культуры русского народа»¹⁴.

Влияние Византии на характер внешней политики России

Враждебность Запада русские навлекли на себя потому, что были упрямыми приверженцами чуждой ему цивилизации»¹⁵.

А. Дж. Тойнби

Евразия – ключевой континент планеты; Россия – ключевая страна Евразии. До нее подобное положение – «на пересечении миров» –

занимала Византия, а потому многие из принципов взаимоотношений Византии с окружающим миром перешли от нее к России.

Россия и Запад

Принадлежность страны к той или иной цивилизации определяется множеством факторов, и в первую очередь религиозным. Россия потому не входит в Запад (что, как видим, подтверждает и Тойнби), что в X в. она выбрала византизм, а не латинство. Именно тогда будто стена встала между Россией и Западом, которая вот уже второе тысячелетие препятствует включению России в западную цивилизацию, на чем неизменно настаивала компрадорская часть нашей элиты (впрочем, считающая себя «продвинутой»).

В чем же была причина той враждебности Запада к Византии, которая перекинулась и на Россию?

Восточная империя была наследницей Римской империи, титул императора после ее крушения сохранился на Востоке.

По словам Ф.И.Успенского, «то обстоятельство, что императорское достоинство сохранилось в Византии, наполняло умы полити-

ческих деятелей Западной Европы озлоблением»².

Успенский пишет, что Запад пытался «похитить» у Византии идею всемирной монархии – империи – и идею церковного первородства. Первая задача была осуществлена, когда западные правители купили согласие византийских на присвоение ими этого титула; решение второй задачи вылилось во взаимную вражду пап и константинопольских патриархов, которая закончилась великой схизмой 1054 г.

Немало позаимствовав у Византии, европейцы не стали относиться к ней дружественнее. Напротив, они испытывали к грекам презрение (надо отметить, что греки отвечали тем же).

Причину такой органической взаимной неприязни раскрывает А. Дж. Тойнби: «Мы (европейцы) искренне верим, что мы – избранные наследники Израиля, Греции и Рима, наследники Божьего Промысла, за которыми –

будущее... (Византийцы же верят), наследники Провидения – не франки, а византийцы – так гласит византийский вариант мифа»¹⁵.

Выходит, вся вражда византийской и западной цивилизаций в своей основе имеет вопрос духовного первородства.

Тот же характер, по сути, носит и многовековое противостояние Запада и России. Утвердившись наследницей Византии, Россия тут же стала объектом западного давления, духовной экспансии, а затем и прямой военной агрессии.

Надо отметить, что спор о духовном первородстве есть неразрешимый спор.

Во-первых, испокон веков страшнейшие войны велись за веру, но даже проигравшие от веры не отрекались. Это значит, что в данном вопросе прийти к консенсусу невозможно.

Во-вторых, каждая вера предполагает собственную идеальную кар-

тину мира (т.е. собственный проект мироустройства).

Борьба между верами – это еще и борьба за устройство мира по своей модели, модели, которую предполагает твоя вера.

«Русские переняли и традиционную византийскую позицию по отношению к Западу, и это возымело глубокое влияние на собственно русское отношение к Западу – не только до революции 1917 года, но и после нее»¹⁵, – писал Тойнби. Он также проводил множество параллелей между отношениями Византии и Запада и России и Запада.

Подобно тому как народы Юго-Восточной Европы оказались между латинской и византийской верами и переманивались враждующими сторонами, в XX в. Европа (и не только она) поделилась между капиталистической и коммунистической «верами» – США и СССР.

Восточный вопрос

Ф.И.Успенский свидетельствует, что во время завоевания Византии турками появлялось немало пророчеств о чудесном спасении православного царства.

Самыми известными были пророчества Мефодия и Льва Мудрого.

Первый говорит о том, что Константинополь будет спасен неким добрым царем, который придет из «влажной страны».

Второй говорит, что недолго Царьграду быть под властью турок, ибо скоро он будет освобожден от них неким народом, который победит турок и изгонит их. Дается название этого народа, и примечательно, что на русский язык оно переводилось как «русский народ».

Это, в первую очередь, послужило толчком к появлению такой политической идеи, как Восточный вопрос.

Существует множество определений этому понятию. В целом можно сказать, что под Восточным вопросом подразумевается политика России в отношении проливов (здесь же – попытки овладеть самим Константинополем) и христианских народов Балкан, оказавшихся под турецким владычеством.

Следует отметить, что, как говорил Ф.И.Успенский, «ближневосточная политика России носила сентиментальный характер»². Первостепенное значение в ней имели не собственно российские интересы, но некая историческая миссия, возложенная на Рос-

сию Византией. Во второй половине XIX в. в условиях торжества бисмарковской *Realpolitik*, когда лишь четкое следование собственным интересам позволяло европейским странам одерживать дипломатические победы, в российском Отчете МИД за 1867 г. значилось, что одной из первых задач является «добиваться укрепления влияния России, чтобы исполнить ее историческую миссию на Востоке».

Постоянные попытки России установить контроль над проливами еще можно считать соблюдением ее национальных интересов: будь эти проливы закрыты для российских судов, прекратилась бы наша торговля в Средиземноморье. Однако идея отвоевания Второго Рима у турок, занятия территорий на берегах Босфора и Дарданелл не оставляла умы российских императоров и государственных деятелей, несмотря на то что она прямо не отвечала русским национальным интересам. Для русских она являлась актом подлинного вступления в византийское наследство.

Англия, которая всегда являлась инициатором демаршей западных

держав, приводивших к ослаблению России на Балканах и в Малой Азии, возможно, и имела национальные интересы в том же регионе – усиление торговли России в Средиземноморье было ей невыгодно. Кроме того, ее европейскую политику также можно рассматривать как способ приструнить Россию на азиатском направлении: как раз в то время Россия захватывает обширные территории в Средней Азии, продвигаясь к английской Индии.

Тем не менее доля иррационализма в английской политике в данном регионе все же присутствовала.

Ф.И.Успенский отмечает: «...по существу западноевропейская политика в этом вопросе состоит в принятии наилучших средств, чтобы предотвратить разрешение Восточного вопроса к выгоде России, иначе говоря, не допустить Россию до вступления в константинопольское наследство...»².

Византия, с которой, казалось бы, было покончено в XV в. (путем вовлечения ее в лоно Западной церкви и после – отказа в помощи против турок), возродилась в лице России, и это не давало Западу покоя.

Россия – наследница Византии

*Все христианские царства сошлись в твоём царстве,
После же этого мы ожидаем царства,
которому неть конца*¹⁶.

Филофей

Приняв христианство по византийскому образцу, Русь формально попала в зависимость Византии (земли крещенных ими варваров греки автоматически включали в состав своей империи). Однако мы едва ли найдем подтверждение тому, что

Византия обходилась с Русью как с вассалом. Их взаимоотношения носили характер отношения равных, особенно по мере возвышения Московского княжества.

На Руси же признавалось только верховенство константинопольского

патриарха. Русская церковь подчинялась византийской, практически все русские митрополиты, вплоть до падения империи, были греками. Однако, как отмечает игумен Иоанн Экономцев, византийское духовенство никогда не пользовалось своим привилегированным положением на Руси, чтобы вмешиваться в ее внутренние дела, византийские императоры никогда не требовали от русских князей повиновения им как сеньорам. (На Востоке, в отличие от «культурного» Запада, такая манера поведения считалась неприемлемой.)

После Флорентийской унии византийское духовенство, не желавшее подчиняться католической церкви, устремилось именно в Россию, везло туда византийские иконы и святыни, видимо, подспудно чувствуя в России преемницу идеи православного царства.

Игумен Иоанн Экономцев приводит еще одно свидетельство, которое, если оно истинно, имеет огромное значение для идеи наследования Россией Византии: «Когда над Константинополем нависла смертельная турецкая опасность, император и патриарх – пусть некоторым это кажется странным, – неделями занимались, как самой неотложной задачей, проблемой единства русской митрополии, словно сознавая, что именно эта проблема, связанная с будущим православного мира, а не спасение обреченной столицы, требует первоочередных забот»¹⁴.

Значит, сами византийцы совершенно четко знали, кто наследует им, т.е. возложили на Россию определенные духовные обязательства. Поэтому если мы эти обязательства нарушаем, то мы виноваты не только перед собой, но и перед нашими предками – византийцами, выступая

как «безродные Иваны», не помнящих и не почитающих свою историю.

Брак Ивана III с Софьей Палеолог был первым шагом на пути вступления России в византийское наследство. Софья, племянница последнего византийского императора, 19 лет провела в католическом Риме и, собираясь в Москву, получила от папы соответствующие инструкции. Но она была достаточно умна, чтобы наказ римского первосвященника не выполнять, и, прибыв в Москву, не стала вмешиваться в политику Ивана III и подрывать авторитет православия на Руси.

В 1502 г., по смерти своего брата Андрея, Софья стала единственной законной наследницей Восточной империи. Кровная связь российского государя с византийскими императорами была обеспечена. В первой половине XVI в. создается «Сказание о князьях Владимирских», с помощью которого устанавливается связь русских князей с римскими императорами – через А. Пруса брата императора. В «Сказании» также рассказывается о передаче одного из символов светской власти – шапки Мономаха – из Византии в Россию. «Сказание о белом клобуке», появившееся немного ранее, повествует о переходе символа духовной власти – белого клобука – из Рима в Константинополь, а затем в Новгород.

Г. Бакалов свидетельствует, что уже в середине XV в. Московская Русь, свободное и сильное православное царство, объединяющаяся и победившая татар, воспринимается как наследница Византии не только русскими, но и Западом. Бакалов также пишет, что и православные народы, покоренные турками, виде-

ли в московских князьях правопреемников византийских императоров.

В доказательство он приводит послание хилендарских монахов Ивану IV год спустя после его коронации. В этом послании к русскому царю обращаются следующим образом: «Самодержавный великий царь Московский, единственный православный государь, белый царь восточных и северных земель, царь и государь всех православных христиан, солнце христианства» и пр.

Все вышеперечисленное венчает концепция монаха Филофея: «Москва – Третий Рим», которая явилась результатом почти столетней деятельности московских князей по обеспечению себе прав наследников византийских императоров. И эти права были обеспечены.

Иван IV венчался на царство в 1547 г. В 1589 г. Иов стал первым патриархом всея Руси.

«Церковная автокефалия провозглашается путем введения титула патриарха и запрос Москвы о том, что всерусский патриарх должен был получить звание третьего предстоятеля в православной пентархии»¹².

Таким образом, византийские институты власти находят отображение в государственном устройстве России, что является для нее завершающим шагом вступления в византийское наследство.

Были ли мы и после верны византийскому наследству, верны идее православного царства, идее Вселенской церкви, центр которой – в Москве?

Надо отметить, что византийский образ не раз пытались изгнать из русской души. Так, церковный раскол – тяжелейший кризис XVII в. – положил конец идее о симфонии властей.

Интересно, что до реформ Никона никакого искажения византийского обряда на Руси не было.

Л.Н.Гумилев, ссылаясь на исследование Е.Е.Голубинского – авторитетного историка Церкви, пишет, что в X в. в Византии действовали два устава: Иерусалимский и Студийский, которые различались в обрядовом отношении. На Руси после крещения был принят Студийский устав, и действовал он со времен Владимира Святого и до XVII в., когда был заменен Иерусалимским. Оба устава были легитимны, оба действовали в Византии, другое дело, что на Руси был более свойствен второй и исправлять его на первый не было необходимости. Скорее всего, Никон использовал это как повод к началу реформ, а не их причину.

Церковная власть в лице патриарха Никона дискредитировала себя, а царь Алексей Михайлович, прогнав Никона, симфонию все же не пожелал восстановить. Косвенным следствием церковного раскола стало упразднение Петром I патриаршего титула и учреждение им Священного синода. Во главе Церкви стал оберпрокурор.

Таким образом, Российскую империю «переконструировали» по западноевропейскому образцу. Тем не менее (и это важно) она не утратила самого института царства, священного для Византии. Однако, встроив Россию в европейскую систему международных отношений, позаимствовав европейскую культуру и ценности, наша политическая элита во многом перестала быть носителем идеи о Третьем Риме, идеи о России как о православном царстве, несущем свет православия миру.

Н.А.Бердяев пишет: «Русский народ не осуществил своей мессианской идеи о Москве, как Третьем Риме. Религиозный раскол XVII века обнаружил, что московское царство не есть Третий Рим. Менее всего, конечно, петербургская империя была осуществлением идеи Третьяго Рима»¹.

Именно это и стало первопричиной неурядиц и бед, обрушившихся на страну в XX столетии.

Идея симфонии, как ни странно, возродилась (и в душах людей, и в государственной политике) после революции 1917 г. Был свернут царь, но вернулась национальная идея.

«Произошло изумительное в судьбе русского народа событие. Вместо Третьего Рима, в России удалось осуществить Третий Интернационал, и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство, и оно тоже основано на ортодоксальной вере. ... Это есть трансформация русского мессианизма»¹.

Главное, что унаследовано Россией от Византии, – это мессианское самосознание. Это важнейшая черта национальной идеи России. Если считать, что за всю историю России появились три крупные национальные идеи: «Москва – Третий Рим», «Православие, Самодержавие, Народность», «Коммунизм – светлое будущее всего человечества», то мессианское сознание отразилось в каждой из них и явилось пониманием своей особенности, неповторимости, из чего неизменно проистекает принятие ответственности за судьбы других народов мира, которых мы просветили или могли бы просветить. В одни эпохи эта идея проявляется ярче, в другие – заслоняется чем-то иным, но она жила всегда, со времен начала возвышения Московского царства и до наших дней.

Заключение

*На крутых, головокружительных виражах
каждый раз неизбежно вставал перед нею (Русью)
вопрос об отношении
к духовному и культурному наследию Византии*¹⁴.

Игумен Иоанн Экономцев

Все сказанное наглядно иллюстрирует уникальную роль византизма в русской культуре, в особенностях развития русского государства, в формировании русского самосознания (даже ордынских ханов на Руси на византийский манер называли царями).

Говорят, что, находясь на перепутье, за верным решением нужно обращаться к прошлому. Для ответа на вопросы, стоящие перед современной Россией, более всего подходит

«синтетический», русско-византийский опыт.

«Изменяя, даже в тайных помыслах наших, этому византизму, мы погубим Россию... Увлекаясь то какой-то холодной и обманчивой тенью скучного, презренного всемирного блага, то одними племенными односторонними чувствами, мы можем преждевременно расстроить организм нашего Царства»⁷ (К.Н.Леонтьев).

«Византизм трактуется как наша универсальная идея, воссоздающая принцип единства, множества православных народов в противовес американизму, как духовным истокам

народов единого культурно-исторического типа, скрепленного православием; как стратегия и даже философия выживания»¹⁷ (Г.В.Скотникова).

Сегодня у нас нет ни византийской формы, ни мессианского сознания – византийского менталитета, ни истинного православия, и Россия, пожалуй, переживает едва ли не тяжелейший из моментов своей истории.

В эпоху Московского царства мы чтим православную традицию. В

эпоху Российской империи мы сохранили византийскую форму, но при западноевропейском, по сути, содержании.

В эпоху Советской империи мы вернули себе «византийский менталитет», потеряв форму и идею.

Не значит ли все это, что наша держава, наша Родина лишь тогда будет стоять неколебимо, когда соединит в себе все эти три главные составляющие византийского наследия?..

Примечания

- ¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS (1955). М.: Наука, 1990. С. 221, 112, 117, 118.
- ² Успенский Ф. . История Византийской империи. VI–IX вв. М.: Мысль, 1996. С. 40, 16, 38, 811, 653.
- ³ Гумилев Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории / Рольф, 2001. С. 51.
- ⁴ Скотникова Г.В. Лицо и лик византизма на переломе тысячелетий // Векторы развития культуры на грани тысячелетий. М., 2001. С. 174.
- ⁵ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. М.: АСТ, 2008. С. 104.
- ⁶ Аверинцев С.С. Крещение Руси и путь русской культуры // URL: <http://www.russ.ru/pole/Kreschenie-Rusi-i-put-russkoj-kul-tury>
- ⁷ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М.: Эксмо, 2007. С. 144, 579, 140, 141, 150.
- ⁹ Соловьев В.С. Византизм и Россия. // О Русь, волшебница суровая. Н. Новгород: Волго-Вятское книжное изд-во, 1991. С. 140, 138, 148.
- ¹⁰ Сорокин Ю.А. Византийские традиции в русском самодержавии // Выдающиеся государственные деятели России XVIII–XX вв. Сб. науч. статей. Омск: Омский госуниверситет, 1996. С. 9, 17.
- ¹¹ Острогорский Г.Я. Отношение церкви и государства в Византии: сб. статей по археологии и византиноведению. Прага, 1931. С. 131.
- ¹² Бакалов Г. Универсалистские аспекты идеи о «Третьем Риме». Рим. Константинополь. Москва. М., 1992. С. 215, 221.
- ¹³ Чекалова А.А., Поляковская М.А. Интеллектуалы и власть в Византии // Византийские очерки. Труды российских ученых к XIX международному конгрессу византинистов. М.: Издательство Индрик, 1996. С.16.
- ¹⁴ Протоиерей Игорь Экономцев. Православие? Византия, Россия. Париж: YMCA-PRESS, 1989 // Homo Imago et Amicus Dei. Romae, 1991. С. 53, 8.
- ¹⁵ Тойнби А.Дж. Византийское наследие России // Альма-матер. 1996. № 2. С. 33, 34, 35.
- ¹⁶ Филофей. Послание Великому князю Василию об исправлении крестного знамения и о содомском блуде // Антология мировой политической мысли. В 3-х томах / под ред. Г. Ю. Семигина. М.: Мысль, 1997. Т. III. С. 151–152.
- ¹⁷ Скотникова Г.В. Византизм в русском самосознании // Христианство и культура (к 2000-летию христианства). М., 2000. С. 41.

И в Антарктиде есть Мачу-Пикчу

Татьяна Петрова

Почти весь материк Антарктида покрыт материковым льдом. Из-за недоступности и сурового климата Антарктида длительное время оставалась загадочной землей. Еще до того как к южному ледовому континенту приблизились европейские экспедиции*, туда были направлены несколько перуанских экспедиций.

В 1567 г. губернатор вице-королевства Перу Лопе Гарсиа де Кастро поручил своему племяннику Авьваро де Менданья снарядить первую экспедицию на юг Тихого океана на поиски «неизвестной земли Австралии». Экспедиция отплыла из порта Кальяо 20 ноября 1567 г.

В 1600 г. вице-король Перу Луис де Веласко и Кастилья отправил флотилию из трех кораблей под командованием своего брата Габриэля де Кастилья, адмирала южного флота, прозванного Генералом Кальяо, против голландских пиратов, бесчинствовавших в южных широтах. Из записей голландского моряка Лауренса Клаеса стало известно, что флотилия двигалась вдоль берегов Чили в сторону Вальпараисо, и оттуда до узкого пролива.

В марте 1603 г. она достигла 64° ю. ш., «где было очень много снега». Описываемые земли могли быть Южными Шетландскими островами.

В 1605 г. вице-король Перу Гаспар де Суньига и Асеведо направил капитана Педро Фернандеса де Кироса в третью экспедицию на юг в поисках «неизвестной земли» Австралии. В 1606 г. были открыты земли, которые получили название Австралия Святого Духа (ныне о. Вануату), о чем было рассказано в книгах «Воспоминания об открытии, сделанном в 1606 г., неизвестных австралийских земель с 15 до 20 градуса Южного полюса», а также в «Кратком итоге путеше-

---

ПЕТРОВА Татьяна Павловна – кандидат исторических наук (Дипломатическая академия МИД России). E-mail: lorkhen@list.ru

Ключевые слова: Антарктида, Южный полюс, экосистема, природные ресурсы, Договор об Антарктике 1959 г.

* Французские экспедиции Буве (1738–1739 гг.) и Кергелена (1772–1773 гг.), английская экспедиция Кука (1772–1775 гг.).

ствия, которое совершил капитан Кирос, вышедший из Перу в конце 1605 г., во время открытия неизвестных земель в австралийской части Южного моря».

В 1820 г. берегов Антарктики достигли два русских парусных шлюпа «Восток» и «Мирный» под командованием Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева. В следующем году эта экспедиция сделала ряд важных открытий, включая местоположение Южного магнитного полюса. Знания об Антарктике постепенно расширялись и углублялись.

В 1891 г. Луис Карранса – президент географического общества Лимы, опубликовал статью «Полярное течение Антарктики»¹.

В течение многих лет на пустынных антарктических территориях не создавалось каких-либо баз, и ни одно государство не претендовало на суверенитет над Антарктидой.

Такие претензии стали выдвигаться и оформляться в одностороннем порядке лишь в начале XX в.

Инициатива принадлежала Великобритании, которая с 1908 г. приняла несколько законов, провозгласивших суверенитет над значительным числом островов и земель, а также над прилегающими к ним морскими водами. После получения независимости Австралией и Новой Зеландией некоторые из них стали предметом притязаний этих двух стран.

В 1924 г. английская инициатива была подхвачена Францией. Затем в 1930 г. Норвегия объявила норвежской территорией антарктический район, включавший, в частности, о-в Петра I, открытый экспедицией Ф.Ф.Беллинсгаузена и М.П.Лазарева. В связи с этим правительство СССР нотой от 24 января 1939 г. сообщило норвежскому правительству о непризнании законного характера этой акции и резервировало свою точку зрения по поводу государственной принадлежности земель, открытых русскими мореплавателями.

В 1939–1940 гг. Аргентина и Чили выдвинули притязания, соответ-

ственно, на «аргентинскую» и «чилийскую» Антарктику, которые в значительной степени совпали с британскими и касались островов. Аргентина, кроме того, заявила и о принадлежности ей самих Фолклендов, которые де факто были во владении Великобритании. На аргентинских картах указанные острова именовались Мальвинскими. Эти события привели к обострению отношений Великобритании с Аргентиной и Чили.

В конце 40-х первой половине 50-х годов XX столетия возникло несколько конфликтных ситуаций, сопровождавшихся со стороны Великобритании, Аргентины и Чили демонстрациями военной силы.

Международная общественность была обеспокоена появившимися в печати сведениями о возможности использования Антарктики для военных целей, в частности превращения ее в полигон для испытаний ядерного оружия.

Однако впечатляющие результаты международного сотрудничества в Антарктике, полученные в течение Международного геофизического года (1 июля 1957 г. – 31 декабря 1958 г.), совместная деятельность ученых различных стран по изучению континента и прилегающего района сделали возможным решение

антарктической проблемы на основе взаимопонимания и сотрудничества. Эти изыскания подтвердили и значительно расширили данные о большом и многообразном воздействии Антарктики на природные процессы и жизнедеятельность в остальной части земного шара. Международный геофизический год показал необходимость совместных усилий различных государств в исследовании Антарктики и международного урегулирования антарктической проблемы в интересах мирного освоения потенциала Антарктики. Эти обстоятельства ускорили международное решение проблемы Антарктики.

С 15 октября по 1 декабря 1959 г. в Вашингтоне состоялась Международная конференция по Антарктике. Ее участниками были 12 государств, которые ко времени созыва конференции непосредственно вели научные исследования в Антарктике.

В их число входили как государства, выдвинувшие территориальные претензии на антарктические районы (Австралия, Аргентина, Великобритания, Новая Зеландия, Норвегия, Франция и Чили), так и государства, не признавшие этих претензий (Бельгия, СССР, США, Южно-Африканский Союз и Япония). 1 декабря 1959 г. конференция приняла Договор об Антарктике, который на длительное время определил ее международно-правовой режим².

Советский Союз, который не признал выдвинутых претензий на Антарктику, накануне Вашингтонской конференции заявил, что «сохраняет за собой все права, основанные на открытиях и исследованиях русских

мореплавателей и ученых, включая право на предъявление соответствующих территориальных претензий».

Компромиссное решение сложной территориальной проблемы составило содержание ст. IV Договора об Антарктиде. В ней определено, что ни одно из положений Договора не должно толковаться как «отказ любой из договаривающихся сторон от ранее заявленных прав или претензий на территориальный суверенитет в Антарктике», или, с другой стороны, как «отказ от любой основы для претензий на территориальный суверенитет в Антарктике или сокращение этой основы, которую оно может иметь в результате ее деятельности или деятельности ее граждан в Антарктике или по другим причинам».

Такой подход обеспечил стабильность этого договора на все время его действия. Особо оговаривалось, что «никакая новая претензия или расширение существующей претензии на территориальный суверенитет в Антарктиде не будет рассмотрена, пока настоящий Договор остается в силе»³.

Договор об Антарктике отводит существенную роль механизму обеспечения соблюдения, а также совершенствования и конкретизации положений этого документа. Основным инструментом данного механизма являются Консультативные совещания участников Договора, созываемые обычно один раз в два года, не считая специальных сессий, на которых обсуждаются действия участников по следующим направлениям:

– использование Антарктики только в мирных целях;

- содействие научным исследованиям в Антарктике;
- содействие международному научному сотрудничеству в Антарктике;
- содействие осуществлению прав инспекции, предусмотренных Договором;
- вопросов, касающихся юрисдикции в Антарктике;
- охраны и сохранения ресурсов в Антарктике.

Перу проявила желание присоединиться к Договору об Антарктике 1959 г. в связи с тем, что, находясь в непосредственной близости, экосистемы Перу и Антарктиды взаимосвязаны и любые нарушения равновесия могут иметь для нее губительные последствия.

В 1961 г. полковник Хуан Сория, а в 1972 г. перуанский инженер Хорхе Васкес возглавили экспедиции, которые дошли до Антарктиды. Перуанскому Географическому обществу было поручено изучить вопрос о различных аспектах взаимосвязи Перу и Антарктиды.

Логическим результатом усилий Перу в этом направлении стало создание в 1983 г. Государственной комиссии по делам Антарктики, а в 2002 г. был создан Перуанский институт антарктических исследований*.

В течение антарктического лета 1988 г. была организована первая научная экспедиция в Антарктику на исследовательском судне «Гумбольдт», принадлежащему Институту моря Перу, с целью подыскать место для строительства научной базы,

а в 1989 г. была открыта перуанская научно-исследовательская база «Мачу-Пикчу».

Выполнив все необходимые требования и совершив несколько научных экспедиций в Антарктиду, 9 октября 1989 г. Перу получила статус консультативного члена Договора об Антарктике. Это дает ей право участвовать в проектах, реализуемых на «белом континенте», а также право голоса и вето в вопросах, связанных с Антарктидой.

Конституционная Ассамблея приняла решение расширить декларацию 1979 г. и заявить о своей позиции по сохранению Антарктиды в качестве зоны, предназначенной исключительно для научных целей.

В 1999 г. Перу была принимающей стороной XXII Консультативной встречи – высшего органа Договора об Антарктике, на которой обсуждались темы научного и политического характера относительно будущего Антарктиды.

В мероприятии принимали участие 320 чел., в числе которых были представители 7 стран-консультантов, а также других стран и различных международных организаций, приглашенных в качестве наблюдателей.

Это способствовало не только повышению авторитета, но и позволило перуанской Комиссии по делам Антарктики подписать совместные заявления и договоры о сотрудничестве в Антарктике с Германией, Новой Зеландией, Чешской Республикой, Южной Кореей, Индией, Китаем, Аргентиной, Уругваем, Канадой и Эквадором.

За эти годы Перуанский институт антарктических исследований превратился в орган, который координирует и проводит комплексную государственную политику в Антарктике.

---

* Instituto Antártico Peruana (INANPe).

В настоящее время правовой режим Антарктики определен пятью международно-правовыми актами:

– Договором об Антарктике 1959 г.;

– Мадридским протоколом об охране окружающей среды Антарктики 1991 г.;

– Конвенцией о сохранении тюленей Антарктики 1972 г.;

– Конвенцией о сохранении морских живых ресурсов Антарктики 1980 г.;

– Конвенцией о регулировании деятельности по добыче минеральных ресурсов Антарктики 1988 г.

Примечания

¹ Boletin de la Sociedad Geografica de Lima. 1891.

² Договор об Антарктике. Вашингтон, 1 декабря 1959 г. // URL: <http://www.law.edu.ru>

³ Колосов Ю.М., Кузнецов В.И. Международное право. М., 1994.

Подписка на 2012 г.

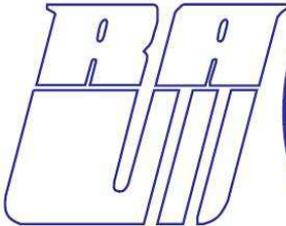
на журнал “Обозреватель – Observer”

в каталоге «Газеты и журналы»

агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие

36789 — на год

ОБЗЕРВАТЕЛЬ
OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL MAGAZINE

It is published since 1992

 Contents

History of two poems 6

A. Tsvetkov

Russian national consciousness and foreign policy of Russia 9

A. Zadohin

The author points out that in the past as well as nowadays the Balkans is the only region where the Russia's foreign policy not only considered the ethno-religious factor, but has also made the key impact on it.

Key words: national consciousness, foreign policy, ideology.

About the author: ZADOHIN Aleksandr G. – The professor of Diplomatic academy the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Legal use of the state coercion in the modern political practice 20

A. Stroitelev

The article discusses an important problem of political and law-enforcement practice – state coercion as a responsive or preventive measure taken by the Russian Federation to counter any encroachment upon its national security. It analyses the concept of “state coercion”; classifies its main types; illustrates the growing use of state coercion to meet the challenges that the Russian Federation faces at present or might face in future; outlines the system of legal measures to implement state coercion.

Key words: encroachment upon national security; fight against terrorism; state coercion; legal, forcible and specific coercion; legal use; political practice; physical strength; weapons and special measures.

About the author: STROITELEV Alexei Nikolaevich – Dr. of Law, rector of a Law College/School.

The Euroasian Economic Community: specificity, internal processes, prospects 32

I. Holov

In this article the author carries out the politological comparative analysis between such integration associations as the EurAsEC, the CIS and the EU. That fact is proved that for today the EurAsEC and the Customs union are the most advanced integration projects which have a real chance to reach the big results on space of the CIS and meanwhile in membership of its five participants.

Key words: the EurAsEC, the CIS, EU, integration, the Customs union.

About the author: HOLOV Izatullo A. – aspirant of the Russian academy of national economy and public service at the President of the Russian Federation.

The second assault on Grozny 38

V. Zhuravel, A. Lebedev

Authors of the book “Grozny. Special region” share their thoughts about the second Chechen war and speak about their work over the book on the second assault on Grozny in 1999-2000.

Key words: federal troops, interior troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia, North Caucasus, second storming of Grozny, terrorism, list of killed military servicemen.

About the authors: ZHURAVEL Valery – Member of the Advisory council of Committee on Security of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Doctor of pedagogical sciences, senior lecturer, colonel (retired);

LEBEDEV Alexandr Vladimirovich – officer of the press-bureau of interior troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia, lt.-colonel, member of the Union of journalists of Russia.

Social responsibility of the modern Russian business 46

E. Nikolaeva

The article considers the basic problems of social responsibility of the Russian business. It should be noted that in our country the problem of social responsibility of business emerged in the late 90-ies of the XX century, the main reasons for this were the internal processes of business development as well as changes of public relations in Russia in the course of the radical socio-economic transformations.

In this connection the problem of social responsibility in the framework of interaction between business and the state are put forward in the present time on the one of the leading places in the political processes in modern Russia.

Therefore there is a necessity of the use of common principles and mechanisms of evaluation of the efficiency of the social responsibility of business before the Russian society, as well as understanding of the importance of social policy of the state as a necessary condition of its acceptance by all groups of the population of the country.

Key words: Globalization, the European Union, the Russian Federation, government, business, business social responsibility, sustainable development.

About the author: NIKOLAEVA Elena Anatolyevna – candidate of psychological sciences, the applicant of the Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences.

The state terrorism and its activization in the modern international terrorism

57

U. Sharipov

The article is devoted to find the definition of the international terrorism's main factor – power-state form of all terror practices in mankind history and its activity on the modern stage.

Key words: neoglobalism, activation of the West's power actions, tragedy of the several Muslim regimes.

About the author: SHARIPOV Ural Ziatudinovich – professor of the political sciences, leading specialist of the Institute of Oriental Studies of the Russian Scientific Academy.

Amin Said – journalist and historian

63

A. As-Samak

The scientific study on the determining of the image of the journalist and historian Amin Said who had enriched the library of the modern Arabian history. In addition, he made a great contribution to the study of Islamic history. He had published about thirty works, some of which have been translated. For example, "Modern Muslim kings and their state" was translated into the Persian language. His other works have been translated into English and French. As for his journalistic career in the mass-media regarding the political and historical aspects, there are few journalists who could compete with him in this area. And the course of the text of this study is the best proof of that.

Key words: Arabian revolution, As-Samak, the Great Siria, Balfour declaration, Sykes - Picot Agreement.

About the author: As-Samak Abdel Kerim Ibrahim – historian, master's degree in "New and current history of the Arabian countries".

Global political technologies: theory and practice

77

P. Vasilieva

The article is dedicated to theoretical basis of the global political technologies. It covers philosophic aspects which let the author coin the term. The author defines types of the global political technologies, describes methods and particular features of their implementation.

Key words: political technologies, global political technologies, archetypes of consciousness, information impact's method.

About the author: VASILYEVA Polina Igorevna – post-graduate of the Department of global studies of the Moscow State University.

The origins of the US propaganda

84

D. Surzhik

One of the most productive ideas of the US mass communication is the so-called “Public diplomacy”. According to the latter, government institutions promote their ideas in the democratic environment to achieve “soft power” (the power and confidence among the public). Office of War Information (1942–1945) activities is a bright example of such work.

Key words: soft power, propaganda, IW/IO, William Donovan, Office of War Information, Elmer Davis, William Paley, “The Voice of America”.

About the author: SURZHIK Dmitry V. – researcher at the scientific-exploratory branch “The Great Patriotic War, 1941–1945” at the Military University, (Moscow, Ministry of Defence, Russia).

Revolution in memoriam

92

A. Gordon

The paper compares revolutionary legacies of Russia and France. The author starts with description of attempts of discrediting Russian revolutions in post-Soviet Russia, and then traces evolution of interpretations of Russian revolutions in the 20th century, with special attention to two major reformist attempts, so called “Renewal” movement (“The Thaw period”) in 1960s, and “Reformist” movement of the 80s (“Perestroika”). Also the author analyzes the precursor of contemporary nativism, so called neo-imperial models, which were popular during the WW2 and the post-war period. The author investigates the influence of Russian revolutions by the French revolutionary tradition and describes formation of “memorial culture” in the Fifth Republic.

Key words: Revolutionary tradition; Russian revolution (October and February of 1917). Thaw (*Ottepel*), *Perestroika*. Revolution of 1991. Imperial ideology. French revolution. Historical culture.

About the author: GORDON Alexander W. – Doctor of History; head of sector of Institute of scientific information for the social sciences. Russian academy of sciences.

Byzantium and Russia: spiritual and historical inheritance

106

V. Pavlenko

The article contains a comparative analysis of the Russia's and Byzantium's development, and it shows the historical succession connecting them. Factors of this succession, the role and the place of Byzantine experience in Russia's spiritual and political tradition and life are based on rich historical basis. The phenomenon of “symphony” of church and state is examined in detail. The author comes to a conclusion, that modern Russia has to make a fatal choice between accepting its historic legacy or refusing from it.

Key words: Byzantium, Russia, Orthodoxy, tzar, patriarch, power's symphony, Second Rome, Third Rome, Russian tradition.

About the author: PAVLENKO Victoria V. – student of the First course of the Moscow state institute (university) of the foreign relations.

Milestones and trends of the foreign policy of Peru

123

T. Petrova

This article is dedicated to the problems of the development of Antarctica and the participation of Peruvian Scientifics in the studies and adoption of the continent.

Key words: Antarctica, South Pole, ecosystem and natural resources, Treaty of Antarctica (Antarctica Treaty, 1959).

About the author: PETROVA T. P. –. PhD in history, dedicated to the different problems of international relations.

Дизайн и верстка
Юданова Н.И.
Интернет-издание, компьютерное обеспечение
Королев Н.В.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы **47653** (на полугодие), **36789** (на год)
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель-Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.

ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@ru.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>

Подписано в печать 23.07.2012. Формат 70x100 ¹/₁₆. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 207.